

НАРОДНАЯ ПОЭЗИЯ
АЗЕРБАЙДЖАНА

Советский
издатель

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА М. ГОРЬКИМ

Редакционная коллегия

*Ф. Я. Прийма (главный редактор),
И. В. Абашидзе, Н. П. Бажан, В. Г. Базанов,
А. Н. Болдырев, П. У. Бровка, А. С. Бушмин,
Н. М. Грибачев, А. В. Западов, К. Ш. Кулиев,
Э. Б. Межелайтис, С. С. Наровчатов, В. О. Перцов,
С. А. Рустам, А. А. Сурков, Н. С. Тихонов*

*Большая серия
Второе издание*

С О В Е Т С К И Й П И С А Т Е Л Ъ

НАРОДНАЯ ПОЭЗИЯ АЗЕРБАЙДЖАНА

*Вступительная статья, составление и
примечания А. П. Векилова*

*Редакция поэтических переводов
Т. В. Стрешневой*

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ • 1978

Настоящее издание знакомит русского читателя с лучшими, типичными образцами азербайджанской народной поэзии. В сборнике представлены произведения разных видов и жанров, среди которых фольклорные памятники глубокой старины и недавнего прошлого. Большую часть книги занимают дастаны — полупрозаические, полустихотворные сказания. Один из интереснейших разделов посвящен баять — четверостишиям, отличающимся меткостью наблюдений, афористичностью языка, отточенностью художественной формы. Переводы многих текстов выполнены специально для данного издания.

НАРОДНАЯ ПОЭЗИЯ АЗЕРБАЙДЖАНА

Азербайджанское устное народное творчество представлено богатым разнообразием жанров поэтических и прозаических произведений, отличающихся высокими художественными достоинствами. В течение многих веков устное народное творчество складывалось в тесной связи с историей азербайджанского народа, а своими корнями оно восходит к фольклору предков азербайджанцев — древних тюрков.

Еще в период раннего средневековья тюркские племена проникали из Центральной и Средней Азии на современную территорию Азербайджана. Наиболее интенсивное их переселение произошло в XI—XII веках. Расселение на территории Азербайджана значительных компактных масс огузов — одной из групп тюркских племен — привело к окончательному вытеснению местных языков и к установлению в Азербайджане господства огузского языка, который с течением времени развился в самостоятельный азербайджанский язык.

Огузские племена принесли с собой общетюркскую культурную традицию и в том числе многие произведения фольклора: трудовые и обрядовые песни, любовно-лирическую поэзию, пословицы, огузскую мифологию, а также героический эпос легендарного мудреца — сказителя Деде Коркута, напоминающего карело-финского Вяйнямейнена — волшебного певца «Калевалы».

Записями азербайджанского фольклора самого раннего периода мы не располагаем. Однако о художественных достоинствах произведений огузского фольклора можно косвенно судить по прекрасным образцам лирических песен и пословиц, записанных в Центральной Азии еще до переселения огузов на территорию Азербайджана и сохранившихся до наших дней в сочинении замечательного ученого-филолога XI века Махмуда Кашгарского «Собрание сведений о тюркских народах и их языках» («Дивану лугат ит-тюрк»).

На новой родине огузов тюркский фольклор продолжал самостоятельно развиваться и обогащаться. Этому в определенной степени способствовало устное творчество аборигенов, ассимилированных огузами, а также фольклор народов соседних стран.

В середине XI века на огромном пространстве от Индии до Египта и Малой Азии образовалось могущественное Сельджукское государство, в состав которого входил и Азербайджан. Возникновение централизованного государства способствовало росту производительных сил страны, расцвету торговли и ремесел, укреплению феодальных владений, оживлению городской жизни. При дворах феодальных правителей получают развитие литература и искусство. Несмотря на то что сельджуки были тюрками, в области культуры они придерживались иранофильской ориентации, поэтому во всех провинциях, кроме арабских, процветала персоязычная литература. Азербайджан в этом отношении не был исключением. В течение более двух с половиной веков языком придворной литературы был персидский язык. На этом языке писали все свои произведения великие азербайджанские поэты XII века Хагани и Низами. Эта литература, естественно, не была доступна большинству азербайджанского народа, не знавшего персидского языка: она обслуживала лишь феодальную знать и ограниченный круг горожан.

Лишь в конце XIII — начале XIV века происходит важный перелом в истории азербайджанской литературы: возникает письменная литература на родном языке. Зародившаяся новая литература заимствовала у своей предшественницы не только художественную традицию, тематику и жанры, но и количественную метрику (аруз), чуждую азербайджанскому народному стиху. Литературный язык этого периода характеризуется чрезмерной насыщенностью арабскими и персидскими языковыми элементами, что делало его почти недоступным необразованному азербайджанцу.

Устное народное творчество и письменная литература длительное время развивались независимо друг от друга. Письменная литература поддерживалась правящим классом феодалов и служила его интересам, господствующей идеологией этой литературы была религия ислама. Феодальная знать и духовенство стремились распространять влияние ислама и арабо-персидской культуры на различные области жизни, на литературу, фольклор, искусство, язык и т. д. Однако различные социальные группы восприняли это влияние по-разному. Сильнее всего оно сказалось на городском населении (купцы, ремесленники, чиновники и др.); большая же часть жителей страны — крестьяне, особенно кочевые и полукочевые слои населения — подверглись этому влиянию в значительно меньшей степени. Свидетель-

етном тому может служить азербайджанский фольклор, сохранивший свою исконную самобытность, избежавший проникновения в язык арабской и персидской лексики и сильного влияния идеологии ислама.

Если письменная литература служила классу феодалов, то фольклор был и оставался единственным средством выражения и удовлетворения художественных, эстетических, нравственных и социальных запросов большинства азербайджанцев — оседлого и кочевого крестьянства.

В XVI—XVII веках под влиянием устного народного творчества в азербайджанской литературе зарождается новое направление — демократическая поэзия народных поэтов, которых позднее стали называть ашыгами.¹ Они были подлинными выразителями интересов простого народа. Как и фольклор, поэзия ашыгов распространялась только устно, однако благодаря традиционному упоминанию в тексте песни имени автора эта поэзия не растворялась в фольклоре. Ашыги пользовались любовью и поддержкой народа, ряды ашыгов множились, их поэзия быстро развивалась. Она начинает оказывать влияние на письменную литературу, среди представителей которой появляются поэты, пишущие в стиле устной народной поэзии. Это было началом сближения письменной литературы с народной.

Выдающиеся поэты XVIII века Вагиф (1717—1797) и Видади (1709—1809) возглавили новое течение в азербайджанской литературе: продолжая гуманистическую традицию классической литературы, оба поэта заимствовали из народной поэзии ее реалистическое начало, простоту и меткость языка, тем самым сделав возможным приобщение народных масс к письменной литературе.

1

Изменение уклада жизни, возникновение либо исчезновение тех или иных обычаев и обрядов, развитие социальных отношений в народе оказывали влияние на жанровую систему фольклора. Основные жанры азербайджанского фольклора возникли в глубокой древности. К наиболее ранним следует отнести пословицы, обрядовые песни, трудовые песни, а сказки, как и у многих других народов, появились позднее. Самый молодой жанр, по-видимому, — внеобрядовая лирическая песня. Однако между фольклорными жанрами нет жестких границ. Так, например, загадки или пословицы можно обнаружить

¹ В русскую литературу это слово проникло в армянском произношении — «ашуг», в азербайджанском языке оно звучит — «ашыг».

в тексте дастана или сказки, в героической песне нередко звучит любовно-лирическая тема.

Большинство жанров азербайджанского фольклора совпадает с жанрами фольклора других народов, в частности русского, но жанр юморески (цикл анекдотов о Молле Насреддине) или дастана (сказания) в русском фольклоре отсутствует. С другой стороны, в азербайджанском народном творчестве нет больших стихотворных произведений типа русских былин.

Характерная особенность азербайджанского фольклора — обилие стихотворных форм. Даже такие жанры, как загадки или пословицы, обычно прозаические у других народов, в азербайджанском фольклоре часто представлены в стихах. Занимают большое место стихи и в составе таких жанров, как дастан или народная драма.

К основным стихотворным формам в азербайджанском фольклоре относятся баяты, гошма и герайлы (об этих формах подробно см. ниже). Они обладают определенной строфической структурой, постоянной схемой рифмовки и соответствующим размером и ритмом. Эти формы не являются принадлежностью одного определенного жанра — одни и те же формы мы находим в составе разных жанров. Например, в форме баяты могут быть сложены и пословицы, и загадки, и трудовые песни, а в форме гошма — и героические, и лирические песни.

Язык произведений азербайджанского песенного фольклора по лексике и по стилю отличается от повседневной народно-разговорной речи своим богатством, выразительностью и совершенством. Кроме того, в языке народных песен весьма незначительны местные диалектные признаки, в нем преобладают междиалектные формы, которые поднимают его до уровня языка, близкого к литературному. Аналогичное явление наблюдается и в устном творчестве других народов. В частности, характеризуя язык фольклора народов Западной Европы, А. В. Десницкая пишет: «Сказки обычно исполняются на диалекте, поэзия... на языке, имеющем «литературный» характер».¹

Наддиалектный характер языка устно-поэтических произведений складывался в течение веков, и в результате язык фольклора явился важным компонентом той основы, на которой возник азербайджанский письменный литературный язык.

Если стихосложение азербайджанской классической поэзии основывается на заимствованной арабо-персидской метрике, то народный

¹ А. В. Десницкая, Наддиалектные формы устной речи и их роль в истории языка, Л., 1970, с. 34.

стих за многие века своего существования выработал другие принципы, полностью соответствующие характеру родного языка.

Основным принципом азербайджанского народного стихосложения является определенное количество слогов в стихотворной строке, т. е. силлабический принцип.

Возникновению силлабической метрики в азербайджанской народной поэзии способствовали, во-первых, фонетические особенности языка, заключающиеся в том, что гласные в нем имеют почти одинаковую длительность, т. е. долгота и краткость в них не выражена. Все гласные произносятся одинаково четко, ударные и безударные гласные почти не дифференцируются.

Во-вторых, важной предпосылкой формирования силлабической метрики явилась и специфика слога в языке. Свыше девяноста процентов слогов в языке азербайджанского фольклора одинаковы по длительности звучания, так как в большинстве случаев слог строится из двух согласных и одного гласного либо из одного гласного и согласного. Поэтому слог является единицей для определения размера стихотворной строки.

Наиболее распространенным размером народного стиха является семисложник. Однако нередко можно встретить малые стихотворные формы (в загадках, пословицах, поговорках и др.) пяти- и даже трехсложные. Стихи в дастанах могут быть по 8 и 11 слогов. Лирические песни обычно имеют размеры в 7, 8, 10, 11, 15 слогов. Припевы некоторых песен имеют отличное от основного текста число слогов. Необходимо отметить, что нередко наблюдается варьирование количества слогов в строках одной и той же строфы или песни. В современных записях образцов народной поэзии случаи отклонения от размера стиха не превышают одного, редко двух слогов в строке как в сторону превышения основного размера, так и в сторону его уменьшения.

Неравносложность была характерна для наиболее древнего периода народной поэзии. Образцы приблизительно равносложного стиха мы наблюдаем в стихотворных фрагментах героического эпоса огузского фольклора «Книга моего деда Коркута» («Китаб-и дедем Коркут»). Это явление наблюдается и в фольклоре других тюркских народов, при этом «чем архаичнее стих, тем он менее равносложен». ¹ Нарушение изосиллабизма (слоговой соизмеримости) в современных образцах народной поэзии сравнительно чаще встречается в любовно-лирических песнях. Однако разницей в количестве слогов в строке

¹ В. М. Жирмунский, О тюркском народном стихе. Некоторые проблемы теории. — В его кн.: Тюркский героический эпос, Л., 1974, с. 650.

сглаживается благодаря музыкальному сопровождению, и на слух эта разница не ощущается.

Кроме основного признака — равносложности стихотворных строк в строфе — большую роль в народной поэзии Азербайджана играет ритмика стиха. Она обуславливается определенными повторяющимися вариантами сочетания слогов, разделенных словоразделами. Строка делится на две или три группы слогов, между которыми образуется ритмическая пауза, совпадающая с интервалами между словами. Пауза никогда не делит слово, а наступает после слова или словосочетания и более выразительна перед клаузулой — заключительной группой слов или заключительным словом.

В этой ритмической структуре стиха ударение имеет второстепенное, вспомогательное значение: ударение, совпадающее с концом слова в ритмической группе, подчеркивает границу словораздела; пауза, наступающая вслед за этим ударением, каждый раз на определенном месте, создает ритмичность звучания строк в строфе. Ритмика каждого отдельного стиха не регламентирована, т. е. в пределах однотипного равносложного стиха пауза в нем может располагаться по-разному. Например, в семисложных баяты ритмическая пауза нередко появляется и после четырех слогов перед клаузулой в три слога (4+3) и после трех слогов перед клаузулой в четыре слога (3+4), хотя имеют место и более дробные ритмические структуры. Первый тип (4+3) наиболее распространен, второй (3+4) — встречается реже. Клаузула более устойчива в рифмующихся 1, 2, и 4-й строках, в 3-й нерифмующейся строке, которая по формальным признакам слабо связана с другими строками, ритм ее часто нарушается.

Структурными особенностями баяты продиктовано и определенное словоупотребление: как правило, используются слова максимум трехсложные; четырехсложные встречаются очень редко, а пятисложные — в единичных случаях. Между тем в азербайджанском языке многосложные слова составляют довольно большой процент. Отбор немногосложных слов в баяты связан с ритмом: длинные слова нарушили бы ритм, лишили бы стих легкости и гибкости.

Ритмическая структура восьмисложного герайлы, состоящего из нескольких строф, имеет три наиболее распространенных варианта: 5+3, 4+4, 6+2. Нередки герайлы, где каждая строфа имеет свою особую ритмическую структуру.

Одиннадцатисложный стих гошма имеет клаузулу в 3, 5, реже 4 слога. Здесь, как и в герайлы, часто отсутствует единая ритмика для всего стихотворения, разные строфы могут иметь разные ритмические варианты.

Любовно-лирические песни, предназначенные только для пения, сохраняют клаузулу с постоянным числом слогов независимо от размера стихотворной строки. Например, в песне «Моя черноокая», состоящей из стихов в 13—15 слогов, все строки завершаются семи-сложной ритмической группой; в песне «Почему, милая?» с двенадцатисложными стихами, завершающая ритмическая группа любой строки насчитывает 5 слогов.

Короткие клаузулы придают стиху подчеркнутую отрывистость и ударность, поэтому они чаще встречаются в воинственных песнях речитативного характера — гошма и герайлы — с описанием битвы или ратного поединка. Для любовно-лирических песен характерны более длинные — семи-, пятисложные клаузулы, которые подчеркивают напевность, протяжность мелодии песни.

В ранний период существования народной поэзии для звуковой орнаментальности стиха употреблялась аллитерация, которая подчеркивала ритмичность песни, выделяла главным образом начало стихотворной строки, а рифма как «звуковой повтор, несущий организующую функцию в метрической композиции стихотворения»,¹ не имела столь важного значения, как в наши дни. В тюркской народной поэзии, в том числе и в азербайджанской, рифма возникла из ритмико-синтаксического параллелизма, который в древнюю эпоху был основным признаком стихотворной строки. Строка обычно заканчивалась сказуемым — нормативным завершением обычной прозаической фразы. Процесс рифмообразования из синтаксического параллелизма характерен для поэзии многих народов. Но, по всей вероятности, особенно активно он протекал в тюркской поэзии, ибо агглютинативный строй тюркских языков, который нанизывает все морфологические показатели исключительно на конец слова, во многом этому способствовал. Обычай складывать песню из похожих друг на друга фраз, соразмерных по количеству слогов, произвольно приводил к возникновению созвучных, зарифмованных окончаний стиха.

Существует мнение, что рифма в азербайджанском народном стихе возникла под влиянием арабо-персидской поэзии и поэтики. Факт влияния арабо-персидской поэзии на классическую азербайджанскую литературу является несомненным. Что же касается народной поэзии, то это влияние не шло и не могло идти дальше воздействия на нее идеологии ислама и весьма ограниченного усвоения чужестранной лексики. Дело в том, что творец азербайджанского фольклора — азербайджанский народ — в своей массе никогда не

¹ В. М. Жирмунский, Рифма, ее история и теория. — В его кн.: Теория стиха, Л., 1975, с. 246.

знал ни арабской, ни персидской поэзии, тем более их поэтики. Азербайджанский фольклор сохранил свою самобытность, исконно тюркский характер. Тот факт, что развитие рифмы в азербайджанской народной поэзии относится к периоду усиления арабо-персидского влияния на феодальную культуру Азербайджана, представляет собой не более чем случайное совпадение.

Частным видом рифмовки в народном стихе являются повторы одинаковых слов. Этот прием звуковой организации стиха, употреблявшийся в древности, можно наблюдать в фольклорных записях и нашего времени. Например, в современных записях баяты в рифмующихся строках иногда повторяются по два одинаковых слова:

Друг мой, всё *уйдет, не останется.*
Текущая вода *уйдет, не останется.*
Преданный друг не покинет,
Неверный *уйдет, не останется.*

(Подстрочный перевод)

Подобные повторы возможны при условии, когда повторяющиеся слова состоят минимум из трех-четырех слогов (для семисложного баяты), т. е. если они охватывают значительную часть слогов в строке. В тех случаях, когда повторы состоят из одного-двух слогов, перед повтором обязательно наличие рифмы. Слова, повторяющиеся после рифмы в конце каждой строки, называются редифом. Например, в следующем баяты «душа» является редифом:

Уцелела бы *душа,*
Не болела бы *душа.*
Пусть лицо не побелеет —
Не чернела бы *душа.*¹

В песнях, строки которых содержат большее количество слогов, чем баяты, редиф может состоять из группы слов.

В народном стихе типа баяты и гошма в качестве рифмы часто используются слова или сочетания слов, имеющих двойкий смысл, — выражения, подобные русскому каламбуру. Созданные на основе омонимов и омофонов,² они усиливают звучность рифмы. Но, в отличие от русской поэзии, где каламбуры используются в сатириче-

¹ При цитировании четверостиший-баяты название опускается — как правило, его заменяет первая строка.

² Слова с разными значениями и написаниями, но сходно звучащие (лук — луг и т. п.).

ских стихах как комический прием, в азербайджанской народной поэзии подобная игра слов комизма не содержит.

Однозвучные (омонимичные) слова-рифмы с двойным смыслом в азербайджанской поэтике называются джинасом, а стихотворения, построенные на их употреблении, — теджнисом. Особенно часто теджнисы встречаются в ашыгской поэзии, наличие джинасов в стихах рассматривается любителями поэзии как свидетельство высокого мастерства поэта.

Как было сказано выше, в азербайджанском фольклоре нет крупных стихотворных произведений, подобных русским былинам или киргизскому эпосу «Манас». Стихи в нем представлены главным образом: а) строго регламентированными видами баяты, гошма, герайлы и б) лирическими и любовно-лирическими песнями, не регламентированными как по размеру стиха, так и по строфическому строю.

Баяты имеет форму четверостишия с семисложными строками и схемой рифмовки *а,а,б,а* и очень редко *а,а,а,а* (о баяты подробнее см. ниже). Строка гошмы состоит из одиннадцати слогов, а строка герайлы из восьми слогов. Схема рифмовки и строфическое построение этих двух форм одинаковы. Они, как правило, состоят из трех — пяти строф, а каждая строфа содержит четыре строки. Первые строфы могут иметь два варианта рифмовки: *а,б,а,б* или *а,б,в,б*. Вторые и последующие строфы соединены с первой охватной рифмой (иногда — редифом) по схеме: *г,г,г,б*; *д,д,д,б* и т. д.

Количество слогов в строке лирических и любовно-лирических песен варьируется от пяти до пятнадцати слогов. Большинство подобных песен состоит из трех-четырёх строф по четыре — шесть* строк. Строфы имеют следующие схемы рифмовки: *а,а,а,б* или *а,а,б,б* (для строфы из четырех строк). При нечетном количестве строк в строфе чаще попарно рифмуются смежные строки, а последняя нечетная строка рифмуется охватной рифмой с соответствующей строкой следующей строфы. Припевы песен имеют самостоятельную рифмовку.

2

Произведения фольклора создавались на протяжении многих веков. Самые старые образцы народной словесности слагались людьми доклассового общества, новые — нашими современниками. Древнейшим пластом песенного фонда азербайджанского, как и любого другого фольклора, являются трудовые и обрядовые песни. Возникшие в глубине веков, трудовые песни преследовали определенную практическую цель — создать ритм трудовой деятельности, особенно

в работах, требующих участия коллектива. Исполняя ритмическую песню, люди подчиняли свой трудовой процесс ритму песни, обеспечивая таким образом равномерные, согласованные действия. Кроме того, ритм и мелодия песни подбадривали работающих, снижали их утомляемость. Исполнение такой песни сопровождало и труд одиноко работающего крестьянина:

Черный буйвол, белым днем
В зной погибнем мы вдвоем.
Пусть же небо разразится
Хоть каким-нибудь дождем!

Ранние трудовые песни в Азербайджане возникли, по-видимому, в земледельческой среде. Слова их были примитивны, а мелодия предельно проста. Как предполагает А. Ахундов, первоначально слова таких песен состояли из коротких возгласов типа «хoo», которыми и в наши дни крестьянин понукает волов.¹ Позднее к этому возгласу стали прибавлять согласованные с ритмом короткие звукоподражательные слова. Так возникли короткие примитивные трудовые песни, которые по-азербайджански называются холавар.

Постепенно с развитием песенного жанра усложнялись и трудовые песни, обогащалось их смысловое содержание. Современные трудовые песни обладают своеобразными художественными особенностями и музыкальными достоинствами и приносят участникам коллективной работы, исполняющим эти песни, эстетическое удовлетворение. Не утратив своего основного назначения — создавать ритм трудового процесса, современные трудовые песни обрели новое лирическое содержание — они воспевают природу родного края, красоту девушки, смелость юноши, любовь, верность и т. д.

В то время как у многих народов трудовые песни в наши дни уже не исполняются, в Азербайджане они продолжают жить и развиваться. Фольклористы А. Исазаде и Н. Мамедов, собиравшие летом 1970 года фольклорный материал на юге республики в Ленкорани, опубликовали тексты и ноты трудовых песен, которые местные крестьяне исполняют во время работы на рисовых полях.² Колхозницы поют эти песни под мерные звуки ударного музыкального инструмента, создающего метроритмику песни.

¹ «Антология азербайджанского фольклора». Составитель А. Ахундов, кн. 1, Баку, 1968, с. 241—242 (на азербайджанском языке).

² А. Исазаде, Н. Мамедов, Народные песни и танцевальные мелодии, Баку, 1975, с. 6—8 (на азербайджанском языке).

Сохранившиеся до наших дней старые трудовые песни состоят из отдельных куплетов и построены по типу баяты. Близкие по содержанию куплеты составляют единую песню. И современные трудовые песни также чаще всего создаются в форме баяты, но перемежают строки песни рефренами, иногда даже удвоенными в целях поддержания заданного ритма:

Соловей свистит в садах
Из-за родинки одной,
Из-за родинки одной.

Побывал в каких краях
Из-за родинки одной,
Из-за родинки одной?

(«Джейран с родинкой»)

В некоторых песнях, как, например, в песне «Добро пожаловать!», вместо рефрена после каждой строки повторяются односложные слова, не имеющие определенного смысла, но предназначенные для организации ритма песни.

Многие современные трудовые песни исполняются не только во время трудового процесса, но и в сопровождении танца: две группы исполнителей, то приближаясь друг к другу, то удаляясь, приплясывают и поют хором, одна группа — строки песни, другая — рефрен. Такие хороводные песни, характерные для Ленкоранского района, исполняются молодежью на свадьбах и других праздниках.

Обрядовые песни, как и трудовые, были созданы человеком первобытного общества в его борьбе со стихийными силами природы. Своими «заговорами», «заклинаниями» человек стремился повлиять на них, призывал солнце, дождь, ветер помочь ему в хозяйственной деятельности, пытался заставить их выполнять свою волю.

Песен-заклинаний в азербайджанской народной словесности сохранилось немного. По мере того как человек овладевал силами природы, стал менее зависимым от них и начал ими управлять, эти песни забывались. Но фольклористы прошлого столетия все же успели записать некоторые образцы. Они представляют собой короткие обращения крестьянина к солнцу, ветру, дождю с просьбой, а иногда с угрозой, так, например, крестьянин обращается к туману:

Рассейся, рассейся, туман,
Сними пелену с полян.
Вскину тебя на скалу,
Жгучим лучом прокалю.

(«Туман»)

В знойное безветрие крестьянин просит:

Ветер-друг, поспешай, приди,
Умру за тебя, приди, загуди.
Не зеленеть без тебя полям,
Не рассчитаться с долгами нам.
Ветер-друг, поспешай, приди,
Жертвой паду за тебя, приди.

(«Ветер-друг»)

Кроме подобных заклинаний в азербайджанском фольклоре заметное место занимает календарно-обрядовая и семейно-обрядовая поэзия. Календарно-обрядовая поэзия объединяет песни, исполняемые по поводу ежегодно повторяющихся обрядов, связанных со скотоводством (например, обряд ожидания приплода), земледелием (например, обряд начала полевых работ) и т. д.

Среди календарно-обрядовых песен особенной популярностью пользовались песни, посвященные встрече весны — обновлению природы. Праздник весны на земле Азербайджана отмечали с древнейших времен в весеннее равноденствие — 19—21 марта. Он вобрал в себя различные ритуальные черты огнепоклонничества и язычества. Позднее, с принятием ислама, духовенство стремилось придать ему религиозный, мусульманский характер, но в основном он остался народным праздником. В старину в ночь перед праздником жгли небольшие костры и все должны были, прыгая через огонь, петь песню:

Пусть хвори мои и горе злое
В огонь упадут и станут золою,
Пускай разгорается пламя, горит,
Пускай меня счастьем оно озарит.

(«Пусть хвори мои и горе злое...»)

Эта песня сохранилась как реликт огнепоклонничества, веры в магическое действие всеочищающего огня. Аналогичный обряд был распространен и у других народов. В частности, славянский языческий праздник Ивана Купалы, который отмечался в ночь перед днем летнего солнцестояния, имеет много общего с этим азербайджанским праздником.

Песни, исполняемые по случаю рождения ребенка, смерти, относятся к семейно-обрядовым. В наши дни популярностью пользуются свадебные песни, восхваляющие невесту и жениха, содержащие напутствия молодоженам от родителей и друзей. Вот какой песней встречают родные жениха прибывшую в их дом невесту:

В наш дом пожаловала ты,
 Го ло-ло-ло, ло-ло, ло-ло.
Невесте двери отперты,
 Го ло-ло-ло, ло-ло, ло-ло.
Пускай сопутствуют тебе,
 Го ло-ло-ло, ло-ло, ло-ло,
Любовь, и радость, и цветы,
 Го ло-ло-ло, ло-ло, ло-ло.

(«Добро пожаловать!»)

Параллельно с развитием стихотворных форм в азербайджанской народной литературе возникают новые жанры, и среди них наиболее примечательным являются эпические сказания — большие по объему повествования, получившие название дастана.

Зачаточные элементы этого жанра восходят к IX—X векам, когда основная масса предков азербайджанского народа — огузов — еще жила в Средней Азии. Но особое развитие дастан получил в Азербайджане в XVI—XVII веках.

3

В начале XVI века в стране сложились благоприятные условия для создания единого государства. В политическом объединении Азербайджана большую роль сыграл род крупных феодалов Сефевидов. Представитель этого рода поэт Исмаил (1486—1524), позднее принявший поэтический псевдоним Хатаи, стал во главе возникшего в 1502 году Сефевидского государства. Будучи образованным человеком, шах Исмаил придавал большое значение развитию науки и искусства в жизни государства, способствовал их процветанию при своем дворе. Хатаи — один из первых представителей азербайджанской письменной литературы, который наряду с арабо-персидской метрикой пользовался в своем творчестве и народной слоговой. Поэт увлекался народной поэзией, писал стихи в народном стиле, поощрял развитие азербайджанской народной лирики.

Однако при наследниках шаха Исмаила Хатаи Сефевидское государство просуществовало недолго. В последней четверти XVI века частые дворцовые перевороты, ожесточенная борьба за трон привели к значительному ослаблению централизованной власти. Азербайджан фактически был поделен на отдельные провинции. Страна потеряла свою политическую самостоятельность. Пользуясь этим, в 1578 году стотысячная турецкая армия вторглась в Азербайджан. Военные действия длились десять лет, и в результате Азербайджан

356743

подпал под власть турецких захватчиков. В 1602 году территория Азербайджана послужила ареной войны, вспыхнувшей между Ираном и Турцией, которая длилась с перерывами почти сорок лет.

В обстановке экономического упадка, усиления эксплуатации народа местными ханами и беками, а также гнета со стороны иноземных поработителей в стране часто возникали крестьянские восстания, к которым нередко примыкали городская беднота и ремесленники. В различных районах Азербайджана действовали повстанческие отряды. Крупные антифеодальные выступления народных масс были направлены как против местных феодалов, так и против турецких и иранских захватчиков.

Героическая борьба народа против своих угнетателей обусловила бурное развитие устного народного творчества. В это время вместе с другими видами фольклора начинает развиваться эпический жанр — дастан, который мог широко и достойно отобразить борьбу народных масс за свободу и справедливость.

Дастан, который иногда называют и народным романом, развился из сказок, народных легенд и преданий. Дастан — наиболее значительный по объему жанр азербайджанского фольклора, представляющий собой синтез прозаического повествования с песенными партиями. Последовательно чередующиеся прозаические и стихотворные части в дастане органически связаны между собой. Прозой передаются событийная канва произведения, переживания героев, описание обстановки, в которой происходит действие, а также часть диалогов персонажей. Монологи и диалоги героев, особенно главного героя, имеющие важное значение в ходе повествования, излагаются в стихах — как правило, в строфах гошма и герайлы.

Дастаны исполняются на праздниках и семейных торжествах преимущественно ашыгами-профессионалами. Прозаические части ашыг рассказывает, а стихотворные мужские и женские партии он поет под аккомпанемент своего сазы, вводя их традиционными зачинами: «Взял саз, послушаем, что он сказал», или: «Словами не скажешь, послушаем, что споет саз», или: «Прижав к груди саз, он сказал» и т. д. Крупные дастаны, такие, например, как «Кёроглу», исполняются в течение двух-трех дней с перерывами.

В азербайджанском фольклоре существуют две разновидности дастанов: героические и романические. Героические дастаны обычно связаны с именами конкретных исторических личностей — народных героев, вождей крестьянских восстаний. Герой вместе со своими соратниками выступает в защиту интересов обездоленных, обиженных крестьян и ремесленников. Он мстит иноземным поработителям,

деспоту-феодалу, а позднее жестоким царским чиновникам. В героических дастанах в наиболее яркой форме выражен общественный протест трудового народа против классовых врагов.

Историзм героического дастана относителен. Конкретное событие, связанное с реальным прототипом героя, является только поводом для развертывания повествования. Реальное событие в ткани дастана приобретает присущие этому жанру гиперболизм и идеализацию, а в некоторых случаях даже фантастическую окраску.

Героический эпос — монументальное повествование, где показаны не только подвиги главного героя, но и широкие картины народной жизни, массовый героизм народа. В дастанах «Кёроглу», «Гачаг Наби», «Гачаг Керем» и других главный герой и его ближайшие сподвижники — не искатели подвигов ради славы, а герои, которые подчиняют свою волю и действия интересам бедных и угнетенных.

Самым древним дастаном азербайджанского народа является героический эпос «Книга моего деда Коркута», дошедший до нас в полном объеме только в письменной обработке, в виде двух рукописей, датированных XVI веком. В названии рукописей указано, что дастан написан «на языке племени огузов», т. е. на языке группы племен, из которых впоследствии образовались современные нации: азербайджанская, туркменская и турецкая.

Наиболее ранние следы эпоса «Деде Коркут» ведут в Среднюю Азию, прародину огузов. «Но процесс окончательного сложения памятника протекал на Кавказе, в частности, в азербайджанской среде».¹ Это подтверждается многими особенностями текста эпоса, например, топонимикой и обилием в нем азербайджанских слов и словосочетаний.

Эпическое сказание об огузских богатырях начинается с вводной части, в которой приведены некоторые сведения о самом сказителе — легендарном мудреце Коркуте. Он — патриарх, вещий певец и прорицатель, ему же приписывается создание эпоса.

Эпос «Деде Коркут» оказал определенное влияние на дальнейшее развитие жанра дастана; его композиционные особенности, некоторые сюжетные линии нашли развитие в героических и романтических дастанах, возникших в XVII веке и в последующее время.

Наиболее популярным героическим дастаном является «Кёроглу». Он необычайно широко распространен не только у азербайджанцев, но и у других народов Ближнего Востока и Средней Азии.

¹ Х. Короглы, Огузский героический эпос, М., 1976, с. 204.

Дастан сложился в XVII веке и за длительный период устного бытования в различных странах приобрел множество версий. Азербайджанская состоит из восемнадцати законченных повествований, объединенных единой идеей и главным героем. Наряду с отрывками, сохранившими следы реальных исторических событий, в дастане много рассказов полулегендарного и легендарного характера.

Дастан начинается с описания трагического события. По приказу турецкого пашы его вассал ослепляет ни в чем не повинного конюха, отца юноши Ровшана. Глубоко потрясенный этим, Ровшан клянется отомстить за отца и собирает вокруг себя таких же, как он, молодых мстителей. С этого времени Ровшан становится известен под именем Кёроглу, что значит по-азербайджански «сын слепого». Вооруженный повстанческий отряд во главе с Кёроглу наводит страх на окрестных ханов, на турецких завоевателей, мстит им за их злодеяния. Кёроглу — обладатель сказочного коня Гырата и чудодейственного булатного меча — умелый вождь повстанцев, храбрый воин, беспощадный с врагами, добрый друг своих соратников. Многочисленный отряд повстанцев живет в недоступной крепости Ченлибель, где царят свобода и братство.

Кроме Кёроглу и его ближайших сподвижников в дастане действуют немало положительных и отрицательных персонажей. Интересен образ ашыга Джунуна, который в своих песнях воспеваает героизм Кёроглу, храбрость его воинов.

Запоминаются женские образы участниц повстанческого движения, особенно Нияр, жены Кёроглу. Женщины принимают участие в сражениях наравне с мужчинами, не уступая им ни в храбрости, ни в стойкости.

Отрицательные персонажи — турецкие правители, ханы, богатые купцы, мелкие феодалы и прочие — бесчеловечно жестоки со слабыми и безоружными, но трусливы и жалки перед Кёроглу и его сподвижниками.

Дастан пронизан оптимистическим настроением, в нем много сцен народного ликования и радости, все драматические события завершаются счастливым концом. Лирические и эпические песни, щедро рассыпанные по всему дастану, обогащают, поэтизируют сказ.

Кроме «Кёроглу» известны героические дастаны «Гачаг Наби», «Саттархан», «Гачаг Керем» и другие, в которых нашли отражение крестьянские восстания и повстанческие движения более позднего времени, вплоть до начала XX века.

Большой популярностью пользуются в Азербайджане романтические или, как иначе их называют, любовно-романические дастаны.

Основным содержанием романического дастана является изображение возвышенных чувств простых людей, утверждение их человеческого достоинства, их борьба за право любить и быть любимыми. Переживания героев сочетаются с приключенческим сюжетом и элементами волшебной сказки. Герои дастана — молодые влюбленные — вступают в конфликт с различными социальными или религиозными нормами своего времени, этот конфликт перерастает в борьбу с силами, преграждающими путь к счастливой любви. В ходе борьбы происходят различные события, накал борьбы нарастает, в нее втягиваются новые силы, и узколичные переживания влюбленных приобретают общественное звучание.

В романических дастанах конфликт большей частью разрешается не силой оружия, как в героических, а примирением сторон, победой благоразумия. Иногда гуманность и уважение к чувствам влюбленных одерживают верх и сказание завершается счастливым концом, как, например, в дастанах «Ашыг Гариб», «Гурбани» и др. Иначе обстоит дело в дастанах «Шах Исмаил», «Летиф шах», «Аббас и Гюльгез», где одной доброй воли совершенно недостаточно и где герои вынуждены взяться за оружие. Далеко не все романические дастаны имеют счастливый финал. В таких, как «Асли и Керем», «Лейли и Меджнун», «Фархад и Ширин», влюбленных постигает трагическая гибель.

В данном сборнике представлены наиболее популярные романические дастаны «Асли и Керем» и «Ашыг Гариб». «Асли и Керем» отличается высокой художественностью и идейной насыщенностью. Гуманизм дастана, его антирелигиозная направленность, идеи дружбы армянского и азербайджанского народов ярко выступают на фоне трагической любви Асли и Керема, ставят это сказание в особое положение среди всех азербайджанских романических дастанов. Несмотря на запреты армянской церкви и азербайджанского духовенства, дастан имел необычайно широкое распространение не только в Азербайджане и Армении, но и в Грузии, Турции, Иране и Средней Азии.

Сюжет дастана известен с древних времен и дошел до нас во многих близких по содержанию вариантах. По наблюдению профессора М. Г. Тахмасиба, ашыг Гурбани, живший в XVI веке, в одном из своих гошма, воспевая возлюбленную, сравнивает ее красоту и верность с Асли и другими героинями дастанов:

Сладка твоя речь, красива сама,
Лейли, Асли, Ширин можно назвать тебя.

Следовательно, образ Асли уже в то время имел достаточно широкую известность, что позволило поэту упомянуть ее имя в качестве нарицательного.¹

Различные варианты дастана хорошо известны и в Армении. В некоторых армянских вариантах имена героев заменены: так, например, вместо Керема — Ованес, сын священника, а вместо Асли — дочь азербайджанского моллы Ашá (Айше). Однако основные линии сюжета и, главное, конфликт дастана сохранены.

В дастане «Ашыг Гариб» использован известный в мировом фольклоре рассказ о муже, который после долгих скитаний возвращается неузнанным на родину ко дню новой свадьбы своей жены. История этого сюжета восходит к фольклору Древней Греции I тысячелетия до н. э., — он впервые был использован Гомером в его знаменитой «Одиссее». Версии этого сюжета встречаются в русских былинах о Добрыне Никитиче и Алеше Поповиче, а также в русских сказках.

Сюжет «муж на свадьбе своей жены», как его коротко называют фольклористы, имеет свою историю и в азербайджанском устном народном творчестве. В эпосе «Деде Коркут», возникновение которого большинство ученых относят к IX—X векам, в главе «О Бомсы-Бейреке сыне Кам-Буры» герой повествования после семнадцатилетнего заточения возвращается домой как раз в день свадьбы своей жены. Жена узнает его, свадьба расстраивается, и сказ завершается счастливым концом. В дастане «Ашыг Гариб» сходный сюжет утрачивает героический пафос, но, что очень важно, приобретает демократическую социальную устремленность. Герой дастана Гариб, происходивший из состоятельной семьи, после смерти отца разорен и на протяжении всего дастана выступает как представитель бедноты, зарабатывающий себе хлеб насущный исключительно собственным трудом. Скитаясь со своим сазом по чужим странам, он пытается собрать «сорок кисетов золота» — выкуп за любимую.

4

Народные героические и удалые песни являются частью героических дастанов и представляют собой воинственные монологи главного героя, а иногда и других персонажей сказания. Они состоят из четырех-пяти строф в форме гошма или герайлы. Эти песни, будучи частью дастана, в каждом отдельном случае имеют самостоятель-

¹ См.: М. Г. Та х м а с и б, Азербайджанские народные дастаны (Средние века), Баку, 1972, с. 289 (на азербайджанском языке).

ную тему и поэтому сохраняют определенную автономность, что позволяет исполнять их и как самостоятельные песни.

Среди героических песен можно выделить несколько разновидностей: песни-назидания, песни, призывающие к бою, песни-угрозы, хвалебные песни.¹

Песни-назидания составляют значительную часть героических песен. В них затрагиваются нравственные проблемы героизма и чести, рисуется идеальный облик бесстрашного героя, говорится, с какой суровой беспощадностью он должен относиться к врагу. Так, например, Кёроглу наставляет своих товарищей:

Вот каким должен быть настоящий джигит:
Первым должен врагов он на бой вызывать.
Если клич, разъярясь, он издаст громовой,
Должен дрогнуть противник и в страхе бежать.

Он не смеет сдаваться врагу никогда,
Должен другу помочь, если с другом беда.
У героя душа непреклонно горда,
Разъяренному барсу в сражение под стать.

(Перевод Т. Стрешневой)

Песни, призывающие к бою, звучат как сигнал о надвигающейся опасности, как сигнал тревоги. Герой призывает воинов быть готовыми к бою, говорит о жестокости и коварстве врага, о предстоящем сражении. Иногда герой обращается к своему верному коню, просит помощи в затруднительном положении, как например в песне «День испытаний» из дастана «Гачаг Наби»:

У подножья Горус отдохнуть я прилег.
Я, беспечный, забыть об опасности смог.
Стыдно мне, я наказан, мой жребий жесток.
Серый конь, ты мне другом испытанным был,
Выручай из беды, страшный день наступил.

Герой может обращаться и к силам природы — призывать их на помощь, просить укрыть его от врагов, сделать неприступным его стан.

¹ См.: Р. Рустамзаде, Классификация героических песен и их жанровые особенности. — В кн.: «Исследования по азербайджанской устной народной литературе», кн. 1, Баку, 1966, с. 124—164 (на азербайджанском языке).

Перед каждым сражением главный герой дастана обращается к врагу с песней-угрозой. Иногда он излагает причины, которые привели его к этой битве, говорит о тех, за кого заступается, чьи интересы защищает. Типичной в этом смысле является песня Наби (из дастана «Гачаг Наби»), народного героя, выступившего с оружием в руках на защиту бедных и обездоленных крестьян:

Я — храбрец, поневоле разбойником стал,
Я для сердца врагов — словно острый кинжал.
Мягок я с бедняками, как шерстка в горсти.
Ярость я с молоком материнским впитал.
Ну-ка, хан, попытайся героя схвати!

Эй вы, ханы, взгляните в мой алчущий взор,
Ожидают дворцы и пожар, и разор.
Вы — бараны, сгрудились на волчьем пути,
Я родился быть волком, и зуб мой остер.
Ну-ка, хан, попытайся героя схвати!

(«Попробуй схвати меня»)

В хвалебной песне один из персонажей дастана, чаще всего ашыг, воспевает храбрость и воинскую доблесть главного героя. Вот что говорит поэт-ашыг Джунун о Кёроглу:

Он орлом парит над вражьей головой,
Побежден им будет в схватке лев любой,
Ханов бьет он беспощадной булавой,
Побеждает в рукопашной Кёроглу...

...Прославляя храбреца, Джунун поет,
Храбрый вождь испепеляет вражий сброд.
Семитысячное войско в бой ведет
Наш отважный, в гневе страшный Кёроглу.

(Перевод Т. Стрешневой)

Значение героических песен заключается в том, что из всего песенного фонда азербайджанского фольклора именно в них со всей определенностью выражена непримиримость к врагам, демократическая идеология крестьянских масс, призыв к вооруженной борьбе.

В народно-поэтическом творчестве большое и самостоятельное место занимают любовно-лирические песни. Это один из популярных

жанрой крестьянской и городской песни. Если обрядовые песни поют только в праздники или в связи с важными семейными событиями, то любовно-лирические исполняются повседневно. Они звучат во время короткого отдыха на работе, их поют участники самодеятельных коллективов, ашыги и профессиональные артисты, ежедневно их транслируют по азербайджанскому телевидению и радио.

Популярность и общенародность любовно-лирических песен объясняется прежде всего их общим светлым тоном, жизнерадостным настроением и богатством мажорных мелодий музыкального сопровождения. Грустных песен очень мало; даже если в песнях поется о неразделенной любви, то в них нет скорбных интонаций, мир для лирического героя не меркнет, не теряет своей привлекательности.

Обычные герои песен — красавица девушка и бравый, статный юноша. Образ азербайджанской девушки, чистой и нежно любящей, которая, однако, не прочь и пококетничать, и добродушно слюскавить, в песнях обрисован выпукло и выразительно. Страстно любящий юноша готов переносить все капризы и причуды своей возлюбленной, которая прибегает к разным уловкам, чтобы испытать глубину чувств юноши:

Под рукой рокочет саз, лань моя.
Изводить меня взялась лань моя.
Пленник я жестоких глаз, лань моя.

Ах, меня не убивай,
Умоляю, не сжигай.
Приходи и успокой.
Слушай, саз звенит струной,
О, приди, побудь со мной!

(«Под рукой рокочет саз»)

Обстановка, в которой встречаются возлюбленные, традиционна: это и берег реки, и луг с цветущими маками, и сад, утопающий в розах, и прозрачный родник, куда приходят девушки за водой:

К роднику спешит она за водой,
Перстенок ее блестит золотой,
А за нею вслед джигиты толпой.
Не сыскать такой среди гор и долин,
Перессорила она всех мужчин.

Родниковая вода холодна,
В ней лицо свое умыла она.

Лента в косы ее вплетена.
Не сыскать такой средь гор и долин,
Перессорила она всех мужчин.

(«У родника»)

Любовно-лирические песни глубоко реалистичны, в них все земное и понятное каждому, и вместе с тем им не чужды гиперболизация чувств влюбленных, красочное поэтизирование образов, меткие метафоры.

Песни по объему невелики, они, как правило, имеют три-четыре строфы и в общей сложности не превышают 15—20 строк. Часто строфы состоят из отдельных баяты, объединенных в одну песню благодаря близости их содержания.

5

Баяты — лирические четверостишия — наиболее распространенные из всех стихотворных форм азербайджанского фольклора. «Баяты» — слово древнее, значение его ныне утрачено, и существует несколько толкований самого смысла этого термина. По-видимому, первоначальное его значение — «старый», «древний». И действительно, баяты представляют собой одну из самых древних форм тюркского народного стиха.

Судя по языку собранных и опубликованных баяты, самые архаичные их образцы до наших дней не сохранились. Однако в форме баяты мы обнаруживаем самые старые из песен — трудовые. Кроме того, в некоторых баяты запечатлены отголоски различных событий из истории азербайджанского народа, что также свидетельствует о древности данной поэтической формы. Так, известно, что летом 1584 года войска крымских татар под предводительством хана Мухаммед-Гирея совершили набег на Азербайджан, «разграбили Карабахскую область и увели множество жителей, особенно девушек и юношей, в Крым, для продажи на невольничьем рынке». ¹ В более позднее время такие вторжения не повторялись. Как предполагает профессор Г. Араслы, это дает нам основание считать, что следующее баяты возникло именно в ту эпоху: ²

¹ И. П. Петрушевский, Азербайджан в XVI—VII веках. — «Сборник статей по истории Азербайджана», вып. 1, Баку, 1949, с. 273.

² См.: Г. Араслы, История азербайджанской литературы XVII—XVIII вв., Баку, 1956, с. 28 (на азербайджанском языке).

Злой татарин бьет меня,
Он в полон ведет меня.
Где бы я ни очутилась,
Верный друг найдет меня.

И хотя в современном варианте этого баяты совершенно отсутствуют архаичные языковые элементы, ибо язык его за четыре века подвергся определенным изменениям, — содержание, несомненно, восходит к конкретному историческому событию.

Основная масса баяты посвящена любовно-лирической тематике. Между тем и другие стороны жизни человека нашли в них достаточно широкое отражение. Труд и отдых, семья и народ, родина и чужбина, верность и измена, рождение и смерть, война и мир — распространенные темы азербайджанских баяты. Среди них мы встречаем трудовые, обрядовые, чужбинные, любовные, колыбельные, элегические, шуточные, политические. Таким образом, различные по тематике и стилю баяты иногда берут на себя функции параллельных песенных жанров и, благодаря своей гибкости, пластичности, частично оттесняют их.

Как и все прочие стихотворные формы устного народного творчества азербайджанцев, баяты являются произведениями стихотворно-музыкального фольклора и прежде всего предназначены для пения. Тем не менее любое баяты можно читать, как стихи: каждое из них обладает всеми качествами стиха — определенным размером, ритмическим рисунком, рифмой.

Стихотворная миниатюра — баяты — представляет собой одну монологическую самостоятельную строфу, о структуре которой уже говорилось выше. Являясь самой популярной формой народной поэзии, баяты вместе с историческим развитием народа постоянно обогащались новой тематикой, но тем не менее в течение веков не утратили своей устойчивости в строфической структуре и метрике.

Композиционно каждое баяты расчленяется на две равные части: на зачин и концовку. Зачин (первые две строки) предвещает идею стиха, подготавливает слушателя для восприятия основной мысли баяты, которая содержится в концовке. В соответствии с этим в зачине создается зрительная картина, а в концовке раскрывается состояние внутреннего мира героя. Зрительным фоном чаще всего выступают картины родной природы: высокие горы, бурные реки, прозрачные родники. По своей тональности и настроению эти миниатюрные пейзажи перекликаются с содержанием концовки, в которой дается словесное описание психологического состояния персонажа в связи с теми или иными событиями в его жизни:

Мрак ушел, осталась мгла,
Мгла густа и тяжела.
Ничего, что я умру, —
Только б милая жила.

Смысловая связь зачина с концовкой часто выражается посредством метафор. Так, безысходное горе гармонически сочетается с мрачной погодой, а радость и удача — с цветущим садом, зеленым лугом, сверкающим солнцем:

Есть ли солнце, есть ли тень?
Здесь и солнце, здесь и тень.
Две души соединятся —
Станет праздником тот день.

Баяты относится к импровизационным жанрам народной поэзии. Слова М. Горького: «экспромтом вырывается», сказанные в связи с частушкой, в полной мере можно отнести и к баяты. Многие баяты и их варианты возникли как результат многочисленных импровизаций. В этом процессе ярко проявляется единство коллективности и индивидуальности в народном творчестве. Безымянный поэт, создавая баяты, использует уже известные и установившиеся модели, эпитеты, символы и образы, иногда целую строку зачина, учитывая при этом эстетические нормы, поэтические приемы неисчерпаемого арсенала народной поэзии.

Значительная часть баяты существует в многочисленных вариантах, происхождение которых обычно обусловлено потребностью импровизатора в приближении текста известного баяты к совершенно конкретной ситуации. Будучи таким образом вполне конкретными, баяты одновременно характеризуются емкостью обобщающей мысли. В них почти никогда не упоминаются собственные имена, а если в зачине иногда встречается географическое название или чье-то имя, то чаще всего они использованы для рифмовки, и слушатель воспринимает их как нарицательные. Подобная обобщенность выражения мысли или переживаний способствует тому, что любой певец, а также слушатель или читатель легко может найти такое баяты, которое в максимальной мере будет отвечать его собственным настроениям, заботам, стремлениям.

Язык народных баяты отличается высокими достоинствами. При всей его лаконичности и четкости он широко использует разнообразие художественно-выразительных средств азербайджанского языка. Именно в баяты особенно ярко проявляется наддиалектный харак-

тер языка азербайджанского фольклора — отсутствие малопонятных арабских и персидских слов, столь характерных для письменной поэзии, и вместе с тем почти полное отсутствие диалектизмов. Все эти качества обеспечивают ясность и доходчивость баяты, способствуют их широкой популярности и быстрому распространению.

Баяты обладают своеобразной и устойчивой системой поэтических образов, обозначающих предметы и явления окружающей природы. Возлюбленная неизменно наделяется нежными, ласкательными эпитетами: «цветочек», «марал», «джейран», «лебедь», «уточка» и другими, в то время как мужество, храбрость юноши передаются метафорами «сокол», «лев» и другими:

Расстиляется весной
Луг заречный, заливной.
Сотня соколов кружится
Возле лебеди одной.

Нередко встречаются и заимствованные у народов Ближнего Востока поэтические образы влюбленных — «роза» и «соловей»:

Ветерок веселый вей,
На поля и села вей.
К соловью не ходит роза —
Ходит к розе соловей.

Поэтический образ, меткое слово, сравнение — все используется для передачи разнообразных оттенков чувств влюбленных, характер отношений между которыми может колебаться от шутливо-веселого до грустно-печального. Место, обстановка встречи влюбленных — у родника, в саду, на зеленом лугу — гармонируют с поэтическими образами самих влюбленных, оттеняют их чистую любовь.

В дореволюционном Азербайджане имущественное неравенство влюбленных часто превращалось в непреодолимое препятствие на пути к браку, становилось причиной несчастной любви. И только в песне могла девушка выразить свои истинные чувства:

Глянь в окно, тебя люблю,
Я давно тебя люблю.
Ничего, что небогатый,
Всё равно тебя люблю.

Ожидание и разлука, ревность и сомнение, различные испытания — типичные мотивы любовных баяты. Многие из них говорят о препятствиях в соединении влюбленных:

Хлеб мой черен, соли нет,
Мир просторен, воли нет.
Мне разлуки достаются,
А на встречу доли нет.

Я люблю, спасенья нет,
Мне в любви везенья нет.
Саз возьму, уйду в ашыги,
Погляжу на белый свет.

В. Кафаров справедливо пишет: «Вся жизнь азербайджанца — от рождения до смерти — проходит в сопровождении баяты, начиная от колыбельных песен и кончая похоронными причитаниями». ¹ Заметное место в этом репертуаре занимают социальные мотивы. Характер их различен — от пассивного сострадания беднякам до понимания причин, порождающих неустройство и несправедливость:

Горше горя на веку
Не встречалось бедняку.
Запрягу в соху кручину
И посею грусть-тоску.

Ты шагнешь — брести не даст,
Речь начнешь — вести не даст.
Не насытится хозяин,
Хоть крестьянин всё отдаст.

Затаенный гнев против феодалов-угнетателей — ханов и беков, унижающих человеческое достоинство крестьянина и жестоко его эксплуатирующих, — перерастает в социальный протест против феодального общества вообще:

Не дошел бы до суда,
Да беда гнала сюда.
Ты на хана и на змея
Не надейся никогда.

¹ В. Кафаров, Слово к читателю. — В кн.: «Ларец жемчужин», М., 1968, с. 8—9.

Дни удач и неудач
Перепутались, хоть плачь.
Где престол и падишах,
Там и плаха, и палач.

В тематике баяты нашли свое отражение и антирелигиозные мотивы, правда, чаще всего в завуалированной форме, против «предратностей судьбы», однако нередко переходившие в откровенное неприятие:

Сердце так терзать нельзя,
Каждый день рыдать нельзя.
Слишком часто от аллаха
Дней хороших ждать нельзя.

После провозглашения Советской власти в Азербайджане (апрель 1920 г.) широкие трудящиеся массы стали принимать активное участие в общественной и политической жизни. Народ, освободившийся от оков эксплуатации, становится строителем новой жизни и хозяином своей судьбы. Все это находит свой отклик в новых баяты, воспевających свободный и радостный труд, успехи в колхозном строительстве. Беспрецедентный подвиг советского народа в годы Великой Отечественной войны, трудовые успехи послевоенных лет, борьба за мир также нашли отражение в баяты:

Птицей быть желанной мне,
Облететь все страны мне.
Чтобы люди жили в мире,
Все мы скажем «нет» войне.

(Перевод Г. Асанина)

6

В сокровищнице азербайджанского устного народного творчества особое место принадлежит малым формам — пословицам, поговоркам, загадкам.

Пословицы и поговорки справедливо называют жемчужинами народно-поэтического творчества. В кратких образных изречениях нашли отражение мировоззрение, мудрость народа, его поэтическая одаренность. Мысли, высказанные в них, — не умозрительные суждения, а результат проникательных наблюдений, сгусток житейского опыта сотен поколений людей.

У азербайджанцев пословица называется «аталар сёзю», что

означает — «слова отцов» или «слова предков». Авторитет пословицы непререкаем. «С пословицей не поспоришь», — говорит народ. Ссылка на пословицу подкрепляет мысль говорящего, она усиливает образную выразительность и эмоциональное воздействие речи на слушателя. В этом — предназначение пословицы.

Тематика азербайджанских пословиц безгранична, как сама жизнь. Сознывая значение труда как основы жизни, народ в пословицах славит трудолюбие, мастерство: «Не осилишь трудности — не увидишь радости»,¹ «Лучше дьявол-мастак, чем ангел-простак», * «Дерево славится плодами, человек — трудами». И, напротив, народ осуждает лень и тунеядство, высмеивает лодыря и болтуна: «И на севе не был плут, и на жатве не был плут, сели есть — он тут как тут», * «Обжора поесть — молодец, а как помочь — сразу прочь», «Лентяй придет — от работы оторвет». *

Многие пословицы и поговорки раскрывают внутренний мир человека, его понятие о добре и зле, содержат этические нормы общепития. Эти темы нашли отражение во множестве народных афористических изречений: «С правдой дружить — счастье заслужить», «Добыл обманом — унесет ураганом», * «Не смотри на вид, пойми, что говорит», «Храбрец себя випит, трус — товарища», «У бедняка лепешка пресная, зато беседа сладкая» и т. д. Пословицы бичуют лживость, подлость, жадность и другие человеческие пороки: «Пятна с казана сойдут, пятна на совести — нет», «Кто мошенничает, врет, тот в мучениях умрет» * и т. д.

Большинство пословиц и поговорок возникло в средневековье, в феодальную эпоху, поэтому в них слышны отзвуки подневольного труда и бесправия крестьянина, его протест против жестокости и тирании беков и ханов, ненависть народа к своим угнетателям: «Земля бека, хана — край, гни спину, издыхай», «Один сажал — другой пожал», * «Змее и хану не доверяйся», «Будь проклята любая змея: и черная, и белая», «Если бы каждый съедал заработанное, ханы да беки с голоду бы умерли» и т. д.

В азербайджанских пословицах и поговорках нередко открыто выражены антирелигиозные настроения, отрицательное отношение народа к служителям культа. Народ видел всю условность религиозных обрядов, лживость и жадность моллы, продажность гази, и поэтому пословицы гласят: «У аллаха имя есть, но самого его нет», «До смерти бедняк мучается, а все твердит: „Аллах милостив“»,

¹ Пословицы, отмеченные звездочкой, переведены В. Кафаровым («Ларец жемчужин», М., 1968), не отмеченные — Г. Гусейновым («Крылатая мудрость», Баку, 1965).

«Дорога вера, а медяки дороже», «Молла с беком спелись — пропади ипрод», «Хочешь уладить дело — поговори с газы наедине».

Вопросам народной дидактики посвящены многие пословицы и поговорки, в которых собраны неписанные законы и правила взаимоотношений людей, вековой опыт народа: «Не кланяйся, как весы, в обе стороны», «Каждое дело сроку подчиняется, а срок ни с чем не считается», «Кто свою мать уважает, чужую не обругает», «Ищущий друга без недостатков останется одиноким», «Сердце — что стекло: разобьешь — не склеишь», «Начало злобы — безумие, конец — раскаяние» и др.

Репертуар пословиц и поговорок все время меняется: старые пословицы, в которых отразились отжившие обычаи, чуждая современным людям идеология, религиозные предрассудки, отмирают. Новые общественные отношения, рост сознания людей порождают новые пословицы и поговорки. Например: мусульманская религия поставила женщину в угнетенное, бесправное положение в обществе и семье. Такое отношение породило пословицы: «Жене тайну не доверяй», «У женщины волосы длинные — ум короток», «На коня и на жену положиться нельзя» и др. Вместе с тем народ создал много пословиц, в которых выражается уважение к женщине — другу и матери, женщине-труженице: «С любимой расстался — с жизнью расстался», «Лучше матери друга нет, лучше родины края нет», «Во льве и львице одна сила таится» и др.

Процесс обновления затрагивает, естественно, не весь фонд пословиц и поговорок. Существуют и такие, возраст которых насчитывает несколько столетий. Они не устаревают и всегда звучат как современные, ибо в них выражены непреходящие истины. В записях Махмуда Кашгарского, сделанных в XI веке, мы находим пословицы, смысл и основная словесная структура которых частично, а иногда и полностью совпадают с современными азербайджанскими пословицами. Например, пословицы из записей Махмуда Кашгарского: «Сухая ложка для рта не годится» — с незначительными изменениями употребляется азербайджанцами: «Сухая ложка в рот не лезет». Современная пословица: «Капля по капле — образуется озеро» — полностью повторяет аналогичный афоризм у Махмуда Кашгарского. Широко известная азербайджанская пословица: «Гора с горой не сходитя, а человек с человеком сойдется» — совпадает с пословицей, записанной в XI веке, с той лишь разницей, что в древнем тексте слово «человек» употреблено в архаичной форме «киши», а в современной пословице оно заменено словом, заимствованным из арабского языка, «адам», так как семантика слова «киши» сузилась и теперь означает «мужчина».

Лаконизм языка пословиц сочетается с необычайной емкостью мысли в ней. Характеризуя пословицу, А. М. Горький пишет: «В простоте слова — самая великая мудрость, пословицы и песни всегда кратки, а ума и чувства вложено в них на целые книги».¹

Пословица всегда является выражением конкретной практической мысли. Например: «Пока ветер не подует, листья не зашеледят» — это наблюдение само по себе ничем не примечательно, но, обретя обобщенную форму образного выражения, звучит как суждение и указывает на то, что любое явление природы или общества представляет собой следствие какой-либо причины. В этой многозначности толкований раскрываются потенциальные смысловые возможности пословицы, секрет ее нетленности.

Большая часть азербайджанских пословиц и поговорок сложена в стихотворной форме. Размеры стихов имеют разный диапазон — от двух слогов до десяти и более. Многие из пословиц сочинены в виде двустуший, однако встречаются пословицы и поговорки из пяти-шести строк. Наряду с рифмами иногда употребляется и аллитерация; весьма четко выражена ритмика стиха. Эти поэтические приемы во многом способствуют быстрому запоминанию пословиц и поговорок и, следовательно, их широкому распространению.

Жанр загадки в азербайджанском фольклоре представлен главным образом в стихотворной форме. В большинстве случаев они состоят из двух или четырех строк, иногда из трех, пяти и шести строк. Стихи насчитывают от трех до восьми и более слогов. Иногда в пределах одной и той же загадки изосиллабизм нарушается. Строки рифмуются в различных сочетаниях, но чаще всего загадки монорифмичны. Среди загадок часто встречается стихотворная форма баяты:

Днем и ночью начеку,
На лету да на скаку.
Он на мельнице хозяин
И работник на току.²

Загадка нередко строится как сжатый перечень характернейших признаков предмета или явления без вопроса, как, например, вышеприведенная загадка о ветре или загадка о старинной крестьянской обуви — чарыке:

Завяжу — бежит,
Развяжу — лежит.

¹ М. Горький, Отзыв о пьесе «Помешанный». — Материалы и исследования, т. 1, Л., 1934, с. 114.

² Все загадки приводятся в переводе В. Кафарова.

Вместе с тем также многочисленны загадки, содержащие прямой вопрос: «Что это такое?», «Что за животное?», «Кто назовет?» и т. д.

Среди фольклорных жанров загадка отличается рядом особенностей, главной из которых является ее связь с материальным миром, конкретными предметами и понятиями. В азербайджанских загадках нашло отражение все, что окружало жизнь и быт крестьянина: его орудия труда, жилище, вещи домашнего обихода, домашние и дикие животные, растительный мир, природа его края, небесные светила. Поэтому, изучая загадки, созданные народом в течение столетий, можно сделать интересные наблюдения о прошлом их создателей. Статистика загадок по той или иной тематике, их анализ позволяют определить характер трудовой деятельности азербайджанского крестьянина прошлых поколений, воссоздать основные черты его быта и характер взаимоотношений с окружающей природой.

Языком метких сравнений, иносказательных описаний народ создал поэтические образы многих вещей и явлений, которые привлекали его внимание. Сравнения и метафоры в загадках нередко фантастичны, но образы тем не менее всегда реалистичны и предметны. Так, например, бегущий ручеек уподобляется девице:

День и ночь идет девица —
Ей нельзя остановиться.

Небосвод сравнивается с голубым атласом, а солнце — с золотистым тазом:

Голубой атлас,
Дорогой атлас,
А посередине —
Золотистый таз.

Неодушевленные предметы часто персонифицируются в образах курицы, буйвола, человека и т. д.

Два быка передо мной —
Золотой и голубой.
Первый ляжет — не проснется,
Второй выйдет — не вернется.

(Огонь, дым)

В колодец дяденька свалился
Да ушами зацепился.

(Кинжал в ножнах)

Являясь одним из древнейших жанров фольклора, загадка сохранила также много устаревших слов, архаичные грамматические элементы. Устаревшие загадки, мало понятные современному человеку, постепенно забываются. На смену им рождаются новые. За последние годы собраны и опубликованы загадки, в которых фигурируют предметы и явления, лишь недавно проникшие в быт колхозного крестьянства: книга, электричество, радио, холодильник, автомашина, самолет. Такие важные события наших дней, как космические полеты, также нашли отражение в современной загадке.

Итак, загадка и в наше время остается актуальным жанром, откликаясь на все то новое, что окружает современного человека; она не потеряла и своего дидактического значения в воспитании у детей умения образно мыслить, она стимулирует наблюдательность, помогает распознавать важные свойства предметов и живых существ.

Под влиянием народных загадок в ашыгской литературе возник жанр состязательных загадок, которые задают друг другу ашыги, демонстрируя свое остроумие и поэтическое мастерство. Исследователями отмечено, что некоторые из этих авторских загадок, претерпевая определенные изменения, употребляются в народе и таким образом пополняют фонд народных загадок.

7

Фольклорные произведения в условиях своего бытования не были текстуально закреплены и дошли до нас благодаря человеческой памяти. Дастаны, песни, сказки передавались из поколения в поколение, то обедняясь, то обогащаясь — в зависимости от дара пересказчика, от его умения сохранить в памяти подробности сюжета, красочные поэтические образы, отточенность и выразительность языковых средств. В поступательном обогащении произведений устного народного творчества, в умножении их идейных и художественных достоинств большая и неоценимая заслуга принадлежит народным сказителям, профессиональным хранителям и популяризаторам бесценных духовных богатств азербайджанского народа. В древние времена сказителя называли тюркским словом «озан», позднее, начиная примерно с XVI—XVII веков, его стали называть ашыг.

Ашыги (озаны) объединяют в одном лице чтеца, певца и аккомпаниатора своих песен. Озаны сопровождали свои песни игрой на капuze — струнном смычковом инструменте, ашыги же пользуются сазом — восьми-, десятиструнным щипковым инструментом. На этой инструменте ашыги умело исполняют и танцевальную музыку.

Профессиональные ашыги являются неизменными участниками

свадеб и других народных празднеств. И в дни радости, и в дни горя они всегда были вместе с народом; ашыгы вдохновляли народ на борьбу против тирании феодалов во время крестьянских восстаний, своими песнями призывали народ на войну с врагом во время иноземных нашествий. Все ашыгы происходили из среды трудового крестьянства — они снискали уважение и любовь народа, они были добрыми и мудрыми его наставниками. И в наши дни ашыгы пользуются большой популярностью и почетом.

В старину ашыгы в одиночку или с компаньонами-музыкантами путешествовали по стране, останавливаясь в городах и деревнях, давали представления в людных местах, выступали на свадьбах и праздниках. Репертуар ашыгов составляли различные любовно-лирические песни — авторские или принадлежащие другим ашыгам, но чаще всего исполнялись любимые народом песни. Обязательная часть программы выступлений ашыга — чтение эпических сказаний, героических или любовно-романических дастанов. Сольное выступление ашыга чередовалось с исполнением музыкантами танцевальной музыки. Многие ашыгы обладали хорошими вокальными данными и артистическими способностями. Имена выдающихся ашыгов, слушать которых собиралось множество почитателей их таланта, были известны всей стране.

Профессиональных ашыгов Азербайджана можно разделить на две категории: ашыгы-исполнители и ашыгы-поэты.

Ашыгы-исполнители поэтическим творчеством не занимаются. Будучи профессиональными сказителями, они тонко чувствуют специфику родного фольклора, в меру своих индивидуальных способностей вносят различные варианты изменения, особенно в прозаические формы фольклора (дастаны, сказки), способствуют шлифовке произведений устного народного творчества.

Ашыгы-поэты наряду со сказительской деятельностью занимаются и поэтическим творчеством. Среди ашыгов были выдающиеся поэты, такие как Гурбани (XVI в.), Ашыг Аббас из Туфаргана (XVII в.), Ашыг Валех (XVIII в.), Ашыг Алескер (1826—1926), Ашыг Гусейн из Бозалгана (1875—1949) и другие, оказавшие сильное влияние не только на ашыгскую поэзию, но и на письменную литературу Азербайджана. Таких ашыгов называют устадами, т. е. выдающимися мастерами. Они имели своих учеников и целые школы. В их поэзии находят отражение реальная жизнь трудового народа, его любовь и ненависть, его тяжелый труд и редкие радости, его борьба за свободу и мечта о лучшей жизни. Поэзия ашыгов была любима народом, именно поэтому их песни передавались из уст в уста, благодаря чему они сохранились до наших дней. Эта устная традиция

сохранялась в течение нескольких столетий, и лишь в советское время ашыгскую поэзию начали интенсивно собирать и издавать.

Наиболее значительным событием в творческой жизни ашыга-поэта является дейишме — публичное поэтическое состязание двух ашыгов. Во время этих состязаний стихи-песни сочиняются экспромтом. Один из ашыгов начинает состязание пением одного куплета-строфы на определенную тему. Второй куплет должен петь соперник, соблюдая не только заданную тему, но и заданный размер стиха, а также соответствующую рифму, соединяющую строфы в единое стихотворение. Для усложнения поединка ашыги в стихотворной форме задают друг другу загадки. Приведем отрывок подобного состязания между современными ашыгами:

Ашыг Гусейн

Что это: словно штык, разит стихами?
Что это: молода, живет веками?
Что это: словно зарево над нами?
Какие знаки на груди имеет?

Шаир Бахман

Перо то, словно штык — разит стихами,
Наука молода — живет веками,
То знамя словно зарево над нами,
И серп, и молот на груди имеет.

(Перевод Г. Асанина)

Ашыг, сбившийся с темпа, нарушивший размер стиха или не сумевший ответить на загадку, проигрывает состязание и, согласно традиции, должен отдать свой саз победителю.

В подобных поединках высоко ценилось не только умение изобретательно и красочно вплести в поэтические образы замысловатую загадку, но и способность состязающегося ашыга легко и быстро разгадать ее и метко на нее ответить.

Среди профессиональных ашыгов-поэтов известны и женщины: Ашыг Пери (XIX в.), Ашыг Амайыл (XIX в.), Ашыг Бести (ум. в 1936 г.), Дильшад (род. в 1912 г.) и др. Особенно прославилась Ашыг Бести, которая совершала путешествия по Азербайджану, состязалась со многими ашыгами, имела учеников и последователей.

После победы Советской власти в Азербайджане ашыгская поэзия обогатилась современной тематикой, в ней отразились новые яв-

ления в жизни советских людей: героика гражданской и Великой Отечественной войн, колхозное строительство, трудовые победы пятилеток, образы вождей коммунистической партии и советского народа.

Ашыгы активно участвуют в созидательном труде советских людей, их искусство играет большую роль в идейном и художественном воспитании особенно сельских тружеников. В Азербайджане регулярно проводятся съезды ашыгов, на которых обсуждаются различные вопросы деятельности ашыгов, творческие проблемы их поэзии и музыки. Некоторые ашыгы являются членами Союза писателей СССР.

Сказительская деятельность и поэтическое творчество ашыгов теснейшим образом связаны с устным народным творчеством. Произведения ашыгов-поэтов, возникшие под влиянием народной поэзии, в свою очередь оказывают сильное воздействие на устное народное творчество, способствуют его развитию и обогащению.

Имея в виду эту органическую связь, а также то обстоятельство, что вся поэзия старых ашыгов дошла до нас только в устной передаче народа, некоторые азербайджанские фольклористы рассматривают индивидуальную ашыгскую поэзию как составную часть устного народного творчества. Однако между произведениями отдельных ашыгов-поэтов и устным народным творчеством необходимо провести четкую грань, не следует смешивать безымянный коллективный фольклор с индивидуальным поэтическим творчеством ашыгов. Во многих случаях оно довольно четко выделяется из устной поэзии благодаря давнему обычаю, распространенному и в письменной литературе, согласно которому ашыг-поэт упоминает свое имя в одной из строк последней строфы стихотворения. Этот прием и ашыгской поэзии называется тапшырма — завет. Ашыг-поэт Гурбани, живший в XVI веке, так «подписал» одну из своих гошма:

Всему, Гурбани, наступает конец.
Верь, явится радостной вести гонец.
Мне тяжело, как будто в груди свинец,
Я с домом любимым, с теплом разлучен.

*(«Печально и жалобно песнь
соловья...» Перевод Г. Асанина)*

Азербайджанские ашыгы пользовались популярностью во всем Закавказье. У армян и грузин были свои ашыгы, которые сочиняли стихи и на азербайджанском языке, выступали на азербайджанских свадьбах и торжествах, состязались с азербайджанскими ашыгами. Среди таких ашыгов известно имя Саят-Новы, выдающегося армянского поэта (1712—1795), блестящие лирические стихи которого

широко известны в Азербайджане. В настоящее время пользуется популярностью ашыг Ерванд Азарян, армянин по национальности, слагающий стихи на азербайджанском языке. Содружество ашыгов-сказителей народов Закавказья представляет собой одно из проявлений их давней братской дружбы.

Известные современные ашыги А. Микайылов, Б. Кадиров, А. Рустамов, Ш. Гаджиев, П. Салахлы, П. Панахов и другие продолжают развивать традиции ашыгской поэзии. Их ученики и последователи — одаренные молодые люди, став на славную стезю ашыгов, отдают свой талант пропаганде родного фольклора, создают новые дастаны, гошма и герайлы, в которых прославляют созидательный труд советских людей.

Произведения азербайджанского фольклора складывались в течение многих столетий. Благодаря уму, таланту, поэтическому дару народа его творения обрели ту мудрость, лаконизм и красоту, которую мы видим сегодня. В песнях и дастанах, сказках и пословицах отразился дух народа, его благородство и дружелобие, его стремление к свободе и равенству, его любовь и печаль. М. Горький призывал азербайджанских фольклористов сделать доступным русскому читателю все богатство устного народного творчества. Он говорил, что появление переводов поможет народам нашей страны лучше «понимать национально-культурные свойства и особенности друг друга, а это понимание, разумеется, очень ускорило бы процесс созидания той . . . культуры, которая, не стирая индивидуальные черты лица всех племен, создала бы единую, величественную, грозную и обновляющую весь мир социалистическую культуру».¹

Если книга, которую держит в руках читатель, хотя бы в малейшей степени послужит этой благородной цели, то все, кто трудился над ней, могут считать свою задачу выполненной.

А. П. Векилов

¹ М. Горький, Письмо Г. Мамедли [редактору азербайджанской колхозной газеты «Азербайджан колхозчусу»] от 19 ноября 1934 г. — Собр. соч. в тридцати томах, т. 30, М., 1955, с. 365—366.

I

П Е С Н И

ТРУДОВЫЕ ПЕСНИ

Песни пастухов

1

Будет пир — и нам достанется,
Может, жир и нам достанется.
От своих овца отбилась —
Та овца волкам достанется.

2

Небольшое стадо тут,
Для овец отрада тут.
Коль пастух волков боится,
Овцы в поле не пойдут.

3

В скалах козы крепко спят,
Их козлята редко злят.
А в морозы могут козы
Отказаться от козлят.

4

Неуемные козлы
Взобрались на край скалы
И по-своему заводят
Пляс пастушеский — яллы.

5

Засыпают пастухи,
Понимают пастухи:
Если овцы не разбудят,
То разбудят петухи.

6

Заиграй, пастуший ней.
Горный край, послушай ней.
С волком справится овчарка,
Чуя, что пастух — за ней.

Песни пахарей

7

Черный буйвол, белым днем
В зной погибнем мы вдвоем.
Пусть же небо разразится
Хоть каким-нибудь дождем!

8

На ладонях волдыри,
Ты поменьше, вол, дури.
Если б плуги поломались —
Отдохнули б плугари.

9

Работящему — хвала,
А ленивому — хула.
В лоб, где звездочка белеет,
Бьют упрямого вола.

10

У вола звезда бела,
В поле я послал вола.
Вол один — дела не пляшут.
Два вола — пойдут дела.

11

Ни в объезд, ни напрямик
Поспешать не станет бык.
С кем его ни запрягай,
Бык шагает как привык.

12

Солнце блещет на снегах,
На заснеженных лугах.
У ленивого быка
Птицы дремлют на рогах.

13

Тебя, от глаз дурных храня,
Я холю, друг, день изо дня.
Тяни же плуг, красавец вол,
Смотри, не огорчай меня.

14

На зависть всем — радивый вол,
Обуза лишь — ленивый вол.
Хозяин тот, чей вол ленив,
Всегда бывает хмур и зол.

Мой золотой, не дай хоть раз
 Опередить соседям нас.
 Паши проворно, мой марал, —
 Соседи с нас не сводят глаз.

Ты пашешь, вол усердный мой,
 Вздывая пыль над бороздой.
 На пашню ты наводишь страх.
 Пускай ослепнет глаз дурной!

Я глаз недобрый отведу,
 Добавлю клевера в еду.
 Тебе я шею маслом смажу,
 Чтоб вел ты бодро борозду.

На двух волах пахал, и вдруг
 На камень мой наткнулся плуг.
 Сломался лемех, и пропал
 Весь труд, что стоил столько мук.

Вол красный мой, красавец мой,
 Спустись с горы на водопой
 Вниз по следам своих копыт,
 Равнину украшай собой!

ОБРЯДОВЫЕ ПЕСНИ

Заклинания

20. СОЛНЦЕ, ВСТАВАЙ!

Солнце, вставай, всходи,
Коня оседлай, всходи.
Блещут скалы в твоих сыновьях-лучах,
Дочь твоя — пламя — греет очаг,

Солнце спустилось воды попить,
Алое платье желает сшить.
Солнце спешит, ему недосуг —
Надо скорее снег растопить.

21. ВЕТЕР-ДРУГ

Ветер-друг, поспешай, приди,
Умру за тебя, приди, загуди.
Не зеленеть без тебя полям,
Не рассчитаться с долгами нам.
Ветер-друг, поспешай, приди,
Жертвой паду за тебя, приди.

22. ТУМАН

Рассейся, рассейся, туман,
Сними пелену с полян.
Вскину тебя на скалу,
Жгучим лучом прокалю.

23. ТЕПЛЫЙ ВЕТЕР

Приносишь запах айвы, граната,
Приносишь запах цветов приятных.

Подуй, мой теплый, мой влажный ветер,
Полный любимой моей аромата.

24

Полюби меня,
Сэмени,
Вспоминай
В весенние
Дни.

25

Пусть хвори мои и горе злое
В огонь упадут и станут золою,
Пускай разгорается пламя, горит,
Пускай меня счастьем оно озарит.

Праздничные песни

26—27. ПЕСНИ О НОВРУЗЕ

1

На подносе рыба, плов.
В доме множество цветов,
Гостя он принять готов.
Это праздник к нам грядет,
Счастье нам Новруз несет.

Лампу в нише я зажгла,
Стала комната светла,
Нет в ней темного угла.
Это праздник к нам грядет,
Счастье нам Новруз несет.

48

К нам Новруз, Новруз пришел,
Вновь весенний луг расцвел.
Пусть пестрит цветами сад,
Соловьи всю свистят.

К нам Новруз пришел сейчас,
Песнь звенит, рокочет саз.
Пусть пестрит цветами сад,
Соловьи всю свистят!

Свадебные песни

28. ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ!

Добро пожаловать в наш дом,
Го ло-ло-ло, ло-ло, ло-ло.
Широко двери распахнем,
Го ло-ло-ло, ло-ло, ло-ло.
Тебя обрызгаем водой,
Го ло-ло-ло, ло-ло, ло-ло,
Согреем милую потом,
Го ло-ло-ло, ло-ло, ло-ло.

Невеста в комнате своей,
Го ло-ло-ло, ло-ло, ло-ло.
От счастья в комнате светлей,
Го ло-ло-ло, ло-ло, ло-ло.
Невеста в свадебной фате,
Го ло-ло-ло, ло-ло, ло-ло,
Всех и прекрасней и милей,
Го ло-ло-ло, ло-ло, ло-ло.

В наш дом пожаловала ты,
Го ло-ло-ло, ло-ло, ло-ло.
Невесте двери отперты,
Го ло-ло-ло, ло-ло, ло-ло.

Пускай сопутствуют тебе,
Го ло-ло-ло, ло-ло, ло-ло.
Любовь, и радость, и цветы,
Го ло-ло-ло, ло-ло, ло-ло.

29. СВАДЬБА БРАТА

Брат справляет свадьбу — той.
 Нам барашка покажи,
 Побыстрой точи ножи!
Шерсть курчава, рог витой.
 Нам барашка покажи,
 Побыстрой точи ножи!
Едем мы издалека.
 Нам барашка покажи,
 Побыстрой точи ножи!
Мясо режь для шашлыка.
 Нам барашка покажи,
 Побыстрой точи ножи!
Вечер праздничный пришел.
 Нам барашка покажи,
 Побыстрой точи ножи!
Сесть гостям пора за стол.
 Нам барашка покажи,
 Побыстрой точи ножи!
Разгоняют свечи тьму.
 Нам барашка покажи,
 Побыстрой точи ножи!
Ешь шашлык, жарь бастурму,
 Нам барашка покажи,
 Побыстрой точи ножи!

30. ХВАЛА ЖЕНИХУ

Сорвешь ты бутон, что зари розовой,
Ты станешь отцом девяти сыновей,
Пусть тесть одаряет халатом гостей!
 Да радостен будет день свадьбы, жених,
 И счастье согреет гостей и родных!

На свадьбу с утра я пришел пировать,
Хочу твоей жертвой счастливою стать,
Скорей бы нам дружку свадьбу сыграть!
Да радостен будет день свадьбы, жених,
И счастье согреет гостей и родных!

Красавица в свадебном танце кружит,
Красавец жених — настоящий джигит,
Пусть шафер нас вскоре на той пригласит!
Да радостен будет день свадьбы, жених,
И счастье согреет гостей и родных!

Нарядным узором одежды пестрят,
Послушай-ка, друг, что тебе говорят, —
Дари нам скорее расшитый халат!
Да радостен будет день свадьбы, жених,
И счастье согреет гостей и родных!

Окрашены пальцы багряною хной,
И требуют сазы звенящей струной:
Пусть сватья нам дарит халат дорогой!
Да радостен будет день свадьбы, жених,
И счастье согреет гостей и родных!

С тобою плясать я без усталости рад,
Ты рядом со мною споткнешься навряд!
Пусть брат жениха нам подарит халат!
Да радостен будет день свадьбы, жених,
И счастье согреет гостей и родных!

Горит перламутром мой звончатый саз.
К кому обратиться он может сейчас?
Жених пусть халаты готовит для нас!
Да радостен будет день свадьбы, жених,
И счастье согреет гостей и родных!

С шербетом кувшин на подносе стоит,
Пусть бог жениха от напастей хранит,
Пусть младший племянник с халатом спешит!
Да радостен будет день свадьбы, жених,
И счастье согреет гостей и родных!

Утиная стая высоко плывет,
Пусть тетю родную жених позовет —
Нарядный халат нам она принесет!
Да радостен будет день свадьбы, жених,
И счастье согреет гостей и родных!

Несите невесте букеты из роз,
Жених, нам твой дядя подарки принес —
Халат полосатый с поклоном поднес!
Да радостен будет день свадьбы, жених,
И счастье согреет гостей и родных!

Невестиным братом доволен народ —
С душистым букетом к гостям он идет
И всем по халату с улыбкой дает!
Да радостен будет день свадьбы, жених,
И счастье согреет гостей и родных!

Твой лик затмевает луну серебром,
Хлеб-соль да не кончится в доме твоём,
Сестрица невесты, халата мы ждем!
Да радостен будет день свадьбы, жених,
И счастье согреет гостей и родных!

Колыбельные песни

31. БАЮ-БАЙ

Баю-бай, всё спит кругом, баю-бай,
Спят деревья, дремлет дом, баю-бай.
Я с тобою посижу, баю-бай,
Я твой сон посторожу, баю-бай.
Спи, дитя, сыночек мой, баю-бай.
Засыпай, цветочек мой, баю-бай.

Я спою тебе, бай-бай, спи-усни.
Розы яркие кругом, как огни,
Среди розовых цветов засыпай,
Сон спустился с облаков, засыпай.

Спи, дитя, сыночек мой, баю-бай.
Засыпай, цветочек мой, баю-бай.

32. ПЕСНЯ МАТЕРИ

Вверх подброшу и поймаю опять,
Ах, мой сладенький, мы станем играть.
А когда отец вернется домой,
Дам сыночка я ему подержать.

Заберемся высоко-высоко,
Поглядим-ка далеко-далеко.
Тропку пыльную водой окропим,
Чтоб отцу по ней шагалось легко.

33

Баю-бай, закрой глазок,
Встанут розы на порог.
На подушке из цветов
Спи, мой маленький сынок.

34

Баю-бай, из горных стран
Опустился караван.
На подушке вышит мак,
А на пологе — тюльпан.

35

Баю-бай, дитя, взгляни, —
Ты на солнце, я — в тени.
Жертву раз приносят в год, —
Жизнь мою себе возьми,

В колыбели спи, бай-бай!
 Сладко-сладко засыпай.
 Я твой сон постерегу,
 Крепче глазки закрывай.

Баю-бай, мой птенчик, лань,
 Плачем сердце мне не рань.
 Спи и маме дай уснуть, —
 Подниматься завтра в рань.

Баю-бай, мой голубок,
 Сон твой сладок и глубок.
 Свадьбу милого сынка
 Помоги увидеть, бог!

Баю-бай, расти скорей,
 Сердце матери согрей.
 Будь, мой маленький сынок,
 Всех храбрее и добрей.

У постели — соловьи,
 Утром спели соловьи.
 Мой сынок заговорил —
 Петь не смели соловьи.

Нас от горя огради
 И от хвори огради,
 Упаси детей от оспы
 И от кори огради.

Спи, малыш родной, усни.
 Ты — мой мир большой, усни.
 Я не сплю, а ты не бойся,
 Спи, глаза закрой, усни.

Спи, барашек белый мой,
 Спи, барашек смелый мой.
 Я тебя покараую
 Вместе с утренней звездой.

Спи, малышка, баю-бай,
 Я присяду с краю, бай.
 Засыпай с моею песней —
 С соловьиною вставай.

Я спую, а ты усни,
 В мягких розах утони.
 Медовеют наши розы —
 Сладкий дарят сон они.

П л а ч и

46

Буря грянет и уйдет,
И отпрянет и уйдет.
Мир — открытое окно,
Каждый глянет и уйдет.

47

Речку с морем я смешал,
Радость с горем я смешал.
Встретил дерево печали,
Я один под ним лежал.

48

Горе, ты — гора моя.
А тоска — сестра моя.
Не спрашивай — заплачу,
Подошла пора моя.

49

Одному куда пойти,
Не пойму, куда пойти.
Горем надо поделиться,
Да к кому, куда пойти?!

50

Ветер ночью заревет,
Тучи в клочья разорвет.
Умер сын, и весть о смерти
Ветер матери несет.

56

В сад вошел — цветенья нет,
Ни плодов, ни тени нет.
Сыновей чужих спасаю —
Моему спасенья нет.

Челн мой в море — я в слезах,
Сноп мой в поле — я в слезах.
Чтоб мечта в твоих застряла,
Как слеза — в моих, глазах.

Ты зачем расцвел, цветок,
На такой короткий срок?
Слишком поздно распустился —
Слишком рано ты поблек.

Вечер черен, ветер лют,
По домам таится люд.
Молодой покойник в доме —
Даже стены слезы льют.

Каждой ночью ветерки
Тихо плачут у реки.
Тех, кто умер на чужбине,
Поминают земляки.

Жажду сами утолим,
Хоть слезами утолим.
Лучше сестрам умереть,
Чем о братьях плакать им.

Никому возврата нет,
Нет дождя, и града нет.
На земле сестра одна —
Рядом с нею брата нет.

Я — ашыг, а не пою,
Над могилой слезы лью,
Лучше было б мне ослепнуть,
Чем увидеть смерть твою.

Саз со мной наедине,
Грусть моя — в его струие.
Умер ты — я слезы лью.
Кто заплачет обо мне?

Даже солнце в день такой
Затуманилось тоской.

Ты покоишься в могиле —
Где живой найдет покой?

61

Май прошел — весне конец,
День пришел — луне конец.
Дом готов — конец работе,
Да пришел и мне конец.

62

Ты старался всей душой
И построил дом большой.
Что же ты ушел в могилу —
Разве этот дом не твой?

63

Ты один мне всех родней,
Я считать не буду дней —
Остаюсь живой оградой
Над могилою твоей.

64

Стала сиротой гора —
Подружи с тоской, гора.
Над могилою героя
В карауле стой, гора.

ЛИРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

Внеобрядовые песни

65. РАЗГОВОР ХОЗЯИНА С ВОЛОМ

Х о з я и н

Прошу тебя, чтоб ты, мой рыжий вол,
Меня сегодня в поле не подвел.
Давай, покамест вечер не пришел,
Закончим сев. Насмешек не хочу я.

В о л

Работал ли когда ты за меня?
Ты не даешь мне отдохнуть ни дня.
Козла хотя б привел, мой труд ценя.
Посмотришь, как с ним в паре потяну я!

Х о з я и н

Вола, который не жалел труда,
Не продал бы хозяин никогда:
Весной неглубоко вспахать — беда,
Труд хлебороба пропадет впустую.

В о л

Хозяин должен дорожить волем,
Зимой всегда заботиться о нем,
На нем с женою не сидеть верхом,
Тогда бы вол тянул, земли не чуж.

Х о з я и н

Не напрягаешь сил, ленив, упрям,
И надо ж было повстречаться нам!
Что мне сказать тебе, ты знаешь сам:
«Чтоб ты издох! С тобою пропаду я».

В о л

Ну, предположим — я упрям, ленив.
Мои заслуги помни, лень прости.

В поту трудиться буду, терпелив,
Поверь мне, впредь тебя не подведу я!

66. СПОР ДОМАШНИХ ЖИВОТНЫХ

О в ц а

Кто травую одной насыщен?
Зимую стебли сухие — пища.
Шерстью своей украшаю жилище, —
Ковры расписные есть у меня,
Кошмы цветные есть у меня.

К о з а

Меня узнает любой прохожий.
Натянут бубен моею кожей.
Зимой прокормиться аллах поможет.
Чертенята-козлята есть у меня,
Скалы и скаты есть у меня.

Б у й в о л и ц а

Осенью сеном сарай набейте,
Весною ярмо на меня наденьте,
Если не стану пахать — убейте!
Вымя тугое есть у меня,
Молоко ледяное есть у меня.

В о л

Хозяина я своего слуга.
В хлеву в безделье зима долга.
Весной обхожу я поля, луга,
Сею пшеницу, нагнув рога.
Стога-громады есть у меня,
Гумна богатые есть у меня.

К о р о в а

Во время отела мычу я зычно.
Из простокваши моей отличной
Делают вкусный творог обычно.
Масло сладкое есть у меня,
Чудо-телятки есть у меня.

Конь

Я как вихрь по дорогам мчу,
Через горы стремглав скачу.
Богатырей мне носить по плечу.
Хозяин-храбрец есть у меня,
Стойло-дворец есть у меня.

Осел

Я смирней и прилежней многих.
Если завязну я по дороге,
Мне самому не вытащить ноги.
Голос истошный есть у меня,
С лошадью счеты есть у меня.

Верблюд

Вьюки таскать — непосильный труд,
С этим справлюсь лишь я — верблюд.
В Аравии молоко мое пьют.
Есть крепконогий приплод у меня,
Есть путь, что далеко ведет меня.

67. ГОРА И РАВНИНА

Гора

Ты черна, равнина, ты черна!
Люди и селенья — всё мое;
Твои козы, овцы и быки,
Легконогие олени — всё мое!

Равнина

Эй, не хвастай, не кичись, гора!
Всё, что в отдаленье, — всё мое!
В скалах обломает ноги скот —
Где же исцеленье? Всё мое!

Гора

А придет весна, водой бурля,
Лихорадка ляжет на поля,
Истомится бурая земля —
Где ущелья с тенью? Всё мое!

Равнина

Я полна цветов, садов, бахчей,
Соловьи мои поют звончей.
Чья трава, чье солнце, воздух чей?
Овощи, растенья? Всё мое!

Гора

Я гора. Я тучами горда.
Твой крестьянин плачет: «Где вода?»
Где ключи родятся из льда?
Где воды кипенье? Всё мое!

Равнина

Я светла. Я солнцем горяча.
Я полна парчи и кумача.
Бубен, и зурна, и кеманча,
Пляска, пир, и пенье — всё мое!

Гора

Горных пастбищ сладкая трава,
Между скал густая синева,
Эхо, разносящее слова,
Рек возникновенье — всё мое!

Равнина

Что ни шаг, то пропасть под тобой,
Кто взойдет — рискует головой.
Скирды хлеба, жатва с молотью,
Труд, отдохновенье — всё мое!

68. ВСЮДУ НАШ ИЗВЕСТЕН ЧАЙ

Всюду наш известен чай, —
Пей и радость получай.
Труд прилежных чаесборщиц,
Их работу отмечай.
Да, да, да, друг милый мой.
Да, да, да, мой дорогой.

Ароматен чай у нас,
И приятен чай у нас.
Чаесборщиц почитаем —
Дело спорится у нас.
 Да, да, да, друг милый мой.
 Да, да, да, мой дорогой.

Тем, кто в наш приехал край,
По душе придется чай.
Гость на сборщиц в чайном поле
Загляделся невзначай.
 Да, да, да, друг милый мой.
 Да, да, да, мой дорогой.

Крепок чай на вкус и взгляд.
Чаю каждый выпить рад.
Наливайте чай в стаканы,
Чаю, чаю всем подряд!
 Да, да, да, друг милый мой.
 Да, да, да, мой дорогой.

69. БРИГАДИР

Бригадир наш молодой
Начал день свой трудовой.
Он — джигит, работой честной
Прославляет край родной.

Блещут чайные кусты,
Драгоценные листы.
В поле трудится бригада
От утра до темноты.

Бригадир, поторопись!
Самым первым становись.
Выполняет план шеренга,
Знай работай, не ленись!

Бригадир наш лучше всех,
Он легко обучит всех.
Листья чайные собираем —
Окрыляет нас успех.

Любовно-лирические песни

70. У РОДНИКА

К роднику она спешит за водой,
Перстенок ее блестит золотой,
А за нею вслед джигиты толпой.
Не сыскать такой средь гор и долин,
Перессорила она всех мужчин.

Родниковая вода холодна,
В ней лицо свое умыла она.
Лента в косы ее вплетена.
Не сыскать такой средь гор и долин,
Перессорила она всех мужчин.

Черный камень укатился на дно,
На душе моей и в сердце черно, —
Чернобровую любить не дано.
Не сыскать такой средь гор и долин,
Перессорила она всех мужчин.

71. ПОТИХОНЕЧКУ ПРОЙДИ...

Ты по кромочке пройди,
Потихонечку пройди.
Белых ног не натруди,
По груди моей пройди.

Ты в каморке, в холодке,
Вьется локон на щеке.
Шейку дай поцеловать,
Губки сахару под стать.

Златотканый архалук
Шит монетками вокруг.
Можно родинку твою
Поцелую, нежный друг?

72. КАК ОНИ КРАСИВЫ

Этот звонкий соловей,
Погляди, как он красив!
Колосок — дитя полей,
Погляди, как он красив!

Полюбил тебя весной,
Будь поласковей со мной.
Погляди еще разок —
Расцветился наш лужок,
Погляди, как он красив!

73. АЙ, ХАНУМ!

Счастлив я тебя любить.
Всюду рядом вместе быть.
Что б ты мне ни подарила,
Стану бережно хранить.

Бровь изогнута слегка,
Речь приятна и сладка.
Ты лучистыми глазами
Убиваешь бедняка.

Ай, ханум, моя ханум,
От любви теряю ум.
Стань моей женой, красotka,
Пожалей меня, ханум!

74. В САДУ ВОЗЛЮБЛЕННОЙ

В сад к любимой я вошел,
Вижу — розы куст расцвел.
Душу милая пронзила,
Нанесла шипом укол.

Ходит по морю волна,
Только лодка не видна.

Полюбил одну навеки —
Не досталась мне она.

Мой марал, приди, приди!
Звать устал, приди, приди!
Я женился бы давно,
Быть счастливым не дано.

-75. ТЫ НЕВЕРНОЮ БЫЛА...

Ты неверною была,
Тяжко вспомнить мне о том.
И судьба мне не дала
Утоления ни в чем.

В разлученье я с цветком,
С нежной розой, соловьем.
Где управа на тебя,
Состраданье видеть в ком?

Терпеливый, как Фархад,
От судьбы не жду наград.
Я убью себя киркой,
Пред тобой упав ничком.

76. КУРОПАТОЧКА

Куропаточка моя, ты измучила меня,
По лужайкам и горам, как безумного, гоня.
Ночью рядом будь со мной, спи, в объятья заключив,
В цепи днем меня закуй, жизнь двоих соедини.

В свой силок меня поймай,
Мой дружок, меня поймай.
Мой цветок, меня поймай.

Куропаточка, зачем в горы ты ушла сама?
Если бровь твоя черна, для чего была сурьма?

Ненаглядная моя, куропаточка-кеклик,
Если вправду ты умна, для чего свела с ума?

В свой силочек меня поймай,
Мой дружок, меня поймай,
Мой цветок, меня поймай.

77. СТАНУ ЖЕРТВОЙ ЭТИХ ГЛАЗ

Что, скажи, с тобой, мой друг?
Не была ты злой, мой друг.
Кто сумел тебя настроить?
Ты жестокой стала вдруг.

Жертвой этих глаз я стал,
От любви я исхудал.

Косы черные как смоль,
Надушить их мне позволь.
Ты глазами убиваешь,
Причиняешь людям боль.

Жертвой этих глаз я стал,
Истомился, исхудал.

78. БУКЕТ ГВОЗДИК

Я нарвал букет гвоздик.
Стебелек у них поник.
Принесу барашка в жертву,
Если рук коснусь твоих.

Места я не нахожу,
Места я не нахожу.
К ее матери схожу,
Ей о горе расскажу.

У гвоздики красный цвет,
Рассыпается букет.

На неверную подругу
Есть управа или нет?

Места я не нахожу,
Места я не нахожу.
К ее матери схожу,
Ей о горе расскажу.

79. ЧЕРНАЯ ЯГОДКА

«Я пришел к тебе чуть свет, разбудить тебя спеша.
Разбудить тебя хочу, до чего ж ты хороша!
Ох ты ягодка моя, черный блеск в твоих глазах,
Несравненной красотой наградил тебя аллах!
Украду тебя, мой свет, увезу к себе домой,
Черноглазая моя, увезу чуть свет домой.

Клонит розу ветерок,
Ожидать не стало сил.
Вытри ягодки-глаза,
Не идет тебе слеза.

Переулочки твои сверху вниз бегут, Тебриз.
Черноглазая моя тоже смотрит сверху вниз.
Коль меня не любишь ты, дай расстанемся с тобой,
Черноглазая моя, непонятен твой каприз.
Много девушек-подруг и парней вокруг других,
Черноглазая моя, что ни парень, то — жених».

«Не сердись, постой, джигит.
Всех красивей мой джигит.

Ты мне, ягодка, поверь,
Ты любовь мою проверь.

Возле дома моего день и ночь течет арык.
Слышишь, ягодка моя, как журчит-поет арык?
Время милому прийти, прокрадусь-ка на балкон...
Значит, ягодка моя, задержался где-то он!
Мой любимый не идет, понапрасну друга жду.
Ох ты ягодка моя, сердце чувствует беду.

За воротами туман,
В бедном сердце сотня ран.
Где ты, ягодка моя,
Черноглазый мой джейран?»

80. УШЛА ЛЮБИМАЯ

Дорогая, где же ты, разве можно столько ждать?
Сердце ждущее мое заставляешь трепетать.
Разлюбила ты меня. И не хочешь увидеть.

Дорогая, ты ушла, проклиная свой удел,
От печали по тебе я иссох и пожелтел.

О, жестокая, за что ты решила покарать,
Безнаказанно ножи в сердце верное вонзать?
Я люблю тебя, но нам не желает счастья мать.

Дорогая, ты ушла, проклиная свой удел,
От печали по тебе я иссох и пожелтел.

У подножия горы шепчет стайка тополей,
У Керема и Асли не была любовь сильней.
Я любимую дождусь, чтобы всё поведать ей.

Дорогая, ты ушла, проклиная свой удел,
От печали по тебе я иссох и пожелтел.

81. СЕРАЯ ПАПАХА

Уйду я, кому мне тебя поручить?
Останешься слезы горячие лить.

Ай, в серой папахе джигит молодой,
Румяный и статный джигит удалой,
Каким опечален несчастьем-бедой?

Залог твой на сердце давно берегу,
Возьми его, больше хранить не могу.

Ай, в серой папахе джигит молодой,
Румяный и статный джигит удалой,
Каким опечален несчастьем-бедой?

82. СТОЙ, КРАСАВИЦА

Стой, красавица душа,
Ты куда идешь, спеша?
Дай сказать тебе словцо,
До чего ж ты хороша!
Смех твой звонче родника,
Ты стройна и высока.
Я твоею жертвой стал.
Ты красавица моя,
Черноокий мой марал.
Ты вразвалочку идешь,
Ты с ума меня сведешь!

83. ПОМОГИ, МАМА!

Мой пояс широкий затянут узлом.
Что делать мне, мама, молю, помоги!
Расстался я с розой, с моим соловьем.
Что делать мне, мама, молю, помоги!
Твержу о любви я и ночью и днем.
Жестока со мной дорогая моя,
Цветок мой прекрасный, весенний цветок.

Моя дорогая жестокая, хей!
Хей, мама, на помощь приди поскорей!

В цветах и узорах носил я платок.
Что делать мне, мама, молю, помоги!
Я этот платочек хранил и берег.
Что делать мне, мама, молю, помоги!
Неужто обидеть я милую мог?
Жестока со мной дорогая моя,
Цветок мой прекрасный, весенний цветок.

Моя дорогая жестокая, хей!
Хей, мама, на помощь приди поскорей!

84. ПОЛИЛА УЛИЦУ...

Надо улицу полить,
Чтобы пыль плотней прибить.
Друг придет, потом уйдет,
Чтобы толков не будить.

Самовар шумит-кипит,
По стаканам чай разлит.
Мой возлюбленный ушел,
И душа моя болит.
Слаще всех любимый мой,
Ненаглядный, золотой.

Я стаканы убрала,
Перетерла, как смогла.
Дорогого своего
Я неделю прождала.
Слаще всех любимый мой,
Ненаглядный, золотой.

85. СЕЛЬ УНЕС САРУ

Бурным был в горах апрель,
Затопил долину сель,
Уволок с собой Сару,
Сероглазую газель.

Сель увлек Сару чуть свет,
Сероглазой больше нет.

Арпачай была тиха,
Чуть журчала среди мха, —
Грозным селем обернулась,
Обездолив жениха.

Сель увлек Сару чуть свет,
Сероглазой больше нет.

Был свирепым сель врагом, —
Он разрушил всё кругом,
И цветы на нашей свадьбе
Стали траурным венком.

Сель увлек Сару чуть свет,
Сероглазой больше нет.

86. БАХ-БАХ!

Возвратилась к нам весна, расцветилась даль, бах-бах!
Расточается тоска, и ушла печаль, бах-бах!
Привередничаешь ты, это очень жаль, бах-бах!
Ненаглядная, приходи, я люблю, люблю тебя!

У возлюбленной в саду сладок спелый виноград,
Трудно жить мне одному, выносить разлуки ад.
Оба глаза я отдам за единый добрый взгляд.
Ненаглядная, приходи, я люблю, люблю тебя!

Соловей поет в бреду, заливаётся: чах-чах!
Пахнет роза на беду ароматно, ах, бах-бах!
Тар звенит, с ума сойду! Он рокочет: чах-чах-чах!
Ненаглядная, приходи, я люблю, люблю тебя!

87. ЛЕЙЛА

Если ты покинешь сад,
Разом розы облетят.
Зарыдают соловьи —
Петь они не захотят.

Ай, Лейла моя, Лейла,
Расцвела моя Лейла.
Всех с ума свела Лейла!

Твой увидя гибкий стан,
Восхищается джейран,

И цветник весенним днем,
Словно ты, благоухан.

Ай, Лейла моя, Лейла,
Расцвела моя Лейла.
Всех с ума свела Лейла!

Черной бровью поведешь,
Парню сердце разобьешь.
Твой наряд, Лейла, хорош —
В рабство ты меня берешь.

Ай, Лейла моя, Лейла,
Расцвела моя Лейла.
Всех с ума свела Лейла!

88. ОСТАВЬ МЕНЯ!

Я поссорился с тобой, оттого на сердце грусть,
Ты оставь меня, оставь, с горя выпил я вина.
Над твоею головой ловчим соколом кружусь,
Ты стройней, чем тополек, только в дружбе неверна.

Мы, бывало, дополна наливали пиалы,
Ты возлюбленной была, а теперь пропал покой.
О, красавица моя, дни весны мне не милы.
С грустью понял я одно — что тобой любим другой.

89. ШЕЙДА-ХАНУМ

Нет воды в моем саду, как мне быть?
Вянут листья на беду, как мне быть?
Ты поссорилась со мной, как мне быть?
В доме места не найду, как мне быть?

Ты меня, Шейда-ханум, пожалей,
Словом ласковым меня обогрей, —
Стал я жертвою навеки твоей.

В сад вода течет, журча ручейком,
Распускается листок за листком.
Не спрашивай о горе меня.
Всё равно беду не скрыть под замком.

Ты меня, Шейда-ханум, пожалей,
Словом ласковым меня обогрей, —
Стал я жертвою навеки твоей.

90. ЯБЛОКИ КУБЫ

Белых яблок полон сад,
Кружит душу аромат.
Приходи ко мне, джейран,
Я любимой в жертву дан.

Яр, возлюбленная, яр,
У меня в груди пожар, —
Я страдаю, одинок.
Дорогая, я люблю,
Пожалей меня, молю, —
Я страдаю, одинок.

Сладки яблоки в Кубе,
Посылаю их тебе.
Пожелтел я, как айва, —
Изнываю по тебе.

Яр, возлюбленная, яр,
У меня в груди пожар, —
Я страдаю, одинок.
Дорогая, я люблю,
Пожалей меня, молю, —
Я страдаю, одинок.

Ох, далеко ты, Куба!
Ох, жестока ты, судьба,
Полюбил тебя навек, —
Не ведет к тебе тропа.

Яр, возлюбленная, яр,
У меня в груди пожар, —
Я страдаю, одиноко.
Дорогая, я люблю,
Пожалей меня, молю, —
Я страдаю, одиноко.

91. ПРИХОДИ, ПРИДИ...

Мой ягненок захромал,
Ножку камнем ободрал.
В чем виновен я — не знаю,
Для нее чужим я стал.

Ах, красавица, не мучь, приходи, приди ко мне.
Олененок мой, джейран, с горных круч приди
ко мне.

Сад скучает без тебя,
Увядает без тебя,
Не ягненок грустно блеет —
Друг стенает без тебя.

Ах, красавица, не мучь, приходи, приди ко мне.
Олененок мой, джейран, с горных круч приди
ко мне.

Мой марал живет в горах,
У нее платок в цветах.
Позабыл я имя милой, —
Помню блеск в ее глазах.

Ах, красавица, не мучь, приходи, приди ко мне.
Олененок мой, джейран, с горных круч приди
ко мне.

92. ТЫ МОЯ КРАСАВИЦА

Ты любовь моя,
Ты мой ясный свет.
В небесах, в раю,
Краше пери нет.

Горный тур средь скал
Тропку протоптал.
От любви к тебе
Я несчастным стал.

Ранен я, не тронь меня. О, не погуби,
Чтобы не опал, чтобы не завял цвет моей любви.

Ах, страдаю я —
Столь ты хороша.
Другом стать твоим
Требует душа.

Ты любовь моя,
Ты мой ясный свет.
В небесах, в раю,
Краше пери нет.

Ранен я, не тронь меня. О, не погуби,
Чтобы не опал, чтобы не завял цвет моей любви.

93. КРАСЕН ЯБЛОНИ УБОР...

Красен яблони убор,
Каждый плод как на подбор.
Здесь красавицу я встретил,
У нее газели взор.

Ты цветок родных полей,
Мой цветочек, соловей.
Ненаглядная соседка,
Всех пригожей и милей.

Созревает сладкий тут,
Не поесть мне ягод тут.
Если милую увижу,
Говорить нам не дадут.

Ты цветок родных полей,
Мой цветочек, соловей.
Ненаглядная соседка,
Всех пригожей и милей.

94. СОЛОВЬИ ПОЮТ

«Распускаются цветы, соловьи поют кругом.
Приходи на луг, джигит, посидим с тобой вдвоем.
Мой горячий поцелуй обожжет тебя огнем.

За спиной висит ружье, кнут ременный крепко свит.
В нашу сторону, молю, заверни коня, джигит,
Приласкаю я тебя, провожу как надлежит».

«Дорогая, бах-бах-бах, кипариса ты стройней,
Над тобою я кружу, словно сокол — сын степей,
На прощание прижмись ты щекой к щеке моей».

95. ДЕВУШКА, ИДУЩАЯ С РОДНИКА

Бровь сурьюмою подвела, как тростиночка тонка,
На плечо подняв кувшин, ты идешь от родника.
Ты качаешься слегка — видно, ноша нелегка,
Чтоб красавице помочь, я пришел издалека.

Я кувшин приму из рук,
Помогу тебе, мой друг.
Обижать тебя не дам.
На тебе женюсь я сам.
Ах, приди, приди, молю,
Умираю — так люблю!

Алой шелковой тесьмой обовью я твой кувшин,
Я искал тебя в горах, я объездил сто долин.
Неужели без тебя проживу свой век один?

Ах, приди, приди, молю,
Умираю — так люблю!

96. НАШИ ДОМА РЯДОМ...

Дом мой рядышком с твоим,
Мой цветочек, на-на-най!
На балконах постоим,
Осторожненько ступай!

Если враг увидит нас,
Пусть злодей лишится глаз.

Стан твой строен и высок,
Губы — розы лепесток.

Третий день к концу идет,
Мой цветочек, на-на-най!
Не ходи-ка в огород,
Целовать мне губки дай!
Ротик сладок словно мед,
Золотой цветочный мед.

Стан твой строен и высок,
Губы — розы лепесток.

Друг пришел на твой порог,
Мой цветочек, на-на-най!
Глажу черных кос силок,
Я попался в твой силок,
Всех ты краше, так и знай!
За тобой как тень хожу,
Взгляда я не отвожу.

Стан твой строен и высок,
Губы — розы лепесток.

97. ВОЗЛЮБЛЕННАЯ

Ранят душу мне ресницы, дорогая, как мне быть?
Я влюблен, и мне не спится, дорогая, как мне быть?
Этой родинкой на шейке очарован я давно,
Пригласи меня, красотка, ненадолго погостить.
У тебя в руках недаром и гранаты, и айва,
Ох, от взгляда черноглазой ходит кругом голова.

98. Я ВЛЮБЛЕН...

Пыль стоит у родника,
Слышен смех издалика.
Я горю, и ты сгори!

Подними сама платок,
Я нагнусь — пойдет слушок.
Я горю, и ты сгори!

Я влюбился, я влюблен,
Я любовью истомлен.
Только ты мне неверна.

Грянул гром, дрожит гора.
Сад шумит, метут ветра.
Я горю, и ты сгори!
Если вспомню нежный рот,
Сразу сердце дрожь берет, —
Я горю, и ты сгори!

Я влюбился, я влюблен,
Я любовью истомлен,
Только ты мне неверна.

99. КУБИНСКИЙ ДЖЕЙРАН

Ох, кубинский мой джейран, много раз
Стать я жертвою хочу серых глаз.
Есть лекарство у меня про запас.
Мой джигит, луна зайдет — приходи.
Только матушка заснет — приходи.

Возле дома шелестит зрелый сад,
В том саду растет айва и гранат.
Со старухой злою в доме разлад.
Мой джигит, луна зайдет — приходи.
Успокоится народ — приходи.

Прошлой ночью не пришел ты в мой дом,
Не шептались мы с тобою вдвоем.
О секрете не узнал ты моем.
Мой джигит, луна зайдет — приходи,
Только матушка заснет — приходи.

100. РОЗЫ РАСЦВЕЛИ

Время розам расцветать,
Я не стану их срывать.
Ты виновница разлуки,
Если правду хочешь знать.

Не гляди так, пощади, —
Душу мне не бери.

Засыхают стебельки,
Опадают лепестки.
Горько плачу я в разлуке,
Пропадаю от тоски.

Не гляди так, пощади, —
Душу мне не бери.

101. РАСТУТ МАКИ НА ГОРЕ

Под горою мак цветет,
Соловей, грустя, поет.
Жду возлюбленную я,
Дорогая не идет.

Ты, моя родная лань,
Огорчаться перестань.
Я тебе принадлежу,
На меня с улыбкой глянь.

Где, родная, сил достать,
Чтоб вдвоем нам тосковать?
Ты прекраснее цветка,
Не могу тебя сорвать.

Верил сладким я словам,
Верил ласковым глазам.
Ты неверной оказалась,
Ухожу из дома сам.

102. ДЖЕЙРАН С РОДИНКОЙ

Черной родинкой своей
Вводит нас во грех джейран.
И прекрасней, и милей,
В мире слаще всех джейран.
Что имел, то растерял
Из-за родинки одной,
Из-за родинки одной.
Я в Тебризе бедным стал
Из-за родинки одной,
Из-за родинки одной.
Молодца сгубил недуг
Из-за родинки одной,
Из-за родинки одной.
Есть у нас лекарство, друг:
Черной родинкой своей
Вводит нас во грех джейран.
И прекрасней, и милей,
В мире слаще всех джейран.
Соловей свистит в садах
Из-за родинки одной,
Из-за родинки одной.
Побывал в каких краях
Из-за родинки одной,
Из-за родинки одной?
Под цветущим миндалем
Из-за родинки одной,
Из-за родинки одной
Мы друг другу подмигнем.
Черной родинкой своей
Вводит нас во грех джейран.
И прекрасней, и милей,
В мире слаще всех джейран.
К роднику тропа ведет

Из-за родинки одной,
Из-за родинки одной.
Там волнуется народ
Из-за родинки одной,
Из-за родинки одной.
На земле лежит платок.
Из-за родинки одной,
Из-за родинки одной.
Подниму, пойдет слушок.
Черной родинкой своей
Вводит нас во грех джейран.
И прекрасней, и милей,
В мире слаще всех джейран.

103. ДОЧЬ КУРДИСТАНА

Как-то девушка-курдянка в горы вышла хмурым днем,
Ей завидуя, сердито солнце спряталось в туман.
Раскрасавица курдянка, не промокни под дождем,
Ах, красавица курдянка, твой родитель — Курдистан.

Села девушка-курдянка и ковер из шерсти ткет,
Из узорного горшочка ест, смакуя, с маслом мед.
Кто красавицу полюбит, тот иных богатств не ждет,
Потому что в целом мире ты одна дороже всех,
Раскрасавица курдянка, колокольчиковый смех.

Эта девушка-курдянка поднимает гордый взгляд,
Расплетает, заплетает косы черные до пят.
Нет красавицы подобной, люди правду говорят.
Погоуляй в горах, курдянка, строен твой девичий стан,
Ах, красавица курдянка, твой родитель — Курдистан!

104. МОЯ ЗАРНИШАН

В кудри черные цветочек вплела,
Насурьмила бровь свою, подвела.
Милой гостьей в дом сегодня пришла
Зарнишан, душа моя Зарнишан.

Ей на свадьбах приходилось бывать,
Много бравых молодцов повидать.
Всё сумела разглядеть, разузнать
Зарнишан, душа моя Зарнишан.

В сад выходит она ранней порой,
Умывается водой ключевой.
На лице ее огонь заревой,
Зарнишан, душа моя Зарнишан.

105. НЕ ПРИХОДИ

Вослед зиме придет весна, —
Не приходи, о мой цветок.
В любви была ты неверна, —
Не приходи, о мой цветок!

Я без тебя страдал вдвойне, —
Гуляла ты на стороне.
На что любовь такая мне?
Оставь, уйди, о мой цветок.

Я, как влюбленный соловей,
Стремился к розочке своей.
Тех, кто разлюбит, не жалею, —
Сгинь, пропади, о мой цветок.

106. ЧЕРНАЯ КОСА

Черна коса, черна коса,
Чернее черного коса.
Как смоль черна твоя коса,
Черна коса, черна коса.

Черна коса, черна коса,
Черна коса, черна коса.

Черны глаза, черны глаза,
Чернее черного глаза.

Что ждут, скажи, твои глаза,
Когда глядят в мои глаза?

Черны глаза, черны глаза,
Что ждут, скажи, твои глаза?

Влюблен я в твой лучистый лик
И в завитки волос твоих.
Тебе я сердце в дар принес, —
Не вздумай думать о других.

Черна коса, черна коса,
Что ищут черные глаза?

107. ЦВЕТУЩИЕ САДЫ

Я на дорожках цветников
Красавиц встретил молодых.
Благоухающих цветов
Букеты и венки у них.

Они гуляют и молчат,
Уста молчат, сердца стучат.
Мерцают, звезды в небесах,
Как очи девичьи, горят.

В саду цветение весны,
Подруги радостью полны.
А песни любящим сердцам
Без слов понятны и слышны.

108. МИЛАЯ, ПОСТОЙ

Будто горный снег
Мертвой белизны,
Бледны лица тех,
Кто разлучены.

Милая, постой,
Потолкуй со мной.
Сердцем я с тобой,
Страстью обуян.
Пусть струна звенит,
Спой мне песню, джан!

Наш Аракс глубок,
Холодна вода,
Жду я, голубок,
Приходи сюда.

Милая, постой,
Потолкуй со мной.
Сердцем я с тобой,
Страстью обуян.
Пусть струна звенит,
Спой мне песню, джан!

109. ПРИДИ, ЛЮБИМАЯ, ПРИДИ!

Весной цветы цветут в саду,
Печали места не найду.
Приди, капризница, я жду,
Приди, любимая, приди!

Ты в винограднике одна,
С тобой разлука мне страшна.
Жизнь без тебя, как ночь, темна,
Приди, любимая, приди!

Все соловьи слетятся в сад,
Им кружит души аромат.
Они рокочут и звенят:
«Приди, любимая, приди!»

110. ЗАЧЕМ ТЕБЕ СУРЬМА?

В твоих глазах ночная тьма.
Зачем бровям твоим сурьма?
Они атласной черноты.

Джан, для чего тебе сурьма?
И без сурьмы прекрасна ты!

Ты обожгла меня огнем,
В твоих глазах весна сама,
Тебя сравню я с ясным днем.
Джан, для чего тебе сурьма?
И без сурьмы прекрасна ты.

Ты, как луна, лицом светла.
Зачем, скажи, тебе сурьма?
Ресницы — быстрая стрела.
Зачем бровям твоим сурьма?
Ты без сурьмы сведешь с ума.

Ты обожгла меня огнем,
В твоих глазах весна сама,
Тебя сравню я с ясным днем.
Джан, для чего тебе сурьма?
И без сурьмы прекрасна ты.

Подругой верной стань моей.
Джан, для чего тебе сурьма?
Ты, как весна, в расцвете дней.
На что, скажи, тебе сурьма?
И без сурьмы ты всех милей.

Ты обожгла меня огнем,
В твоих глазах весна сама,
Тебя сравню я с ясным днем.
Джан, для чего тебе сурьма?
И без сурьмы прекрасна ты.

111. У ЛАНИ НЕТ ТАКИХ ОЧЕЙ

У лани нет таких очей.
Не слышал слаще я речей.
К чему слова? Ты вся моя,
Я твой — и более ничей.
Моя душа, любовь, мечта,
Жизнь без возлюбленной пуста.

Ты мой цветок, дитя полей,
Звонкоголосый соловей.
С тобою не расстанусь я.
Ты всех родней мне и милей.
Моя душа, любовь, мечта,
Жизнь без возлюбленной пуста.

Приди, красавица, я жду.
Себе возьму твою беду,
Тебя не брошу никогда,
Клянусь, к другой я не уйду!
Моя душа, любовь, мечта,
Жизнь без возлюбленной пуста.

112. Я ПЛЫВУ

По воде плыву одна,
Не качай меня, волна.
Я для милого красива,
Для немилсго дурна.

Как соломинка легка,
Я во власти ветерка.
Если друг горою станет,
Расстелюсь, как облака.

Пал туман, приди, приди,
Мой джейран, приди, приди.
Мой дружок, приди, приди.

Я былинка, я нанэ.
Сумасбродка — диванэ.
Возле милого сгораю,
Словно бабочка в огне.

Закружилась голова.
От тоски дышу едва.
Если даже мертвой буду,
Друг придет — я вновь жива.

Пал туман, приди, приди,
Мой джейран, приди, приди.
Мой дружок, приди, приди.

113. Я ТЕБЯ ПРОВОЖУ

П а р е н ь

В садик, милая, тебя провожу,
На румянец нежный твой погляжу.

Д е в у ш к а

Что в румянце ты находишь моем?
Ярче роза полыхает огнем.

П а р е н ь

Полюбил тебя, о джан, от души,
Сжался, родинку свою покажи.

Д е в у ш к а

Откажись, джигит, от мыслей таких.
Иль ты родинок не видел других?

П а р е н ь

Губки алые — как яхонт-гранат,
Покажи их, грусть они исцелят.

Д е в у ш к а

Ах, зачем уста мои, дай ответ,
Разве пить не приходилось шербет?

П а р е н ь

В дом, красавица, приди поскорей,
Покажи мне полукружья бровей.

Д е в у ш к а

Иль не видел ты, джигит удалой,
В небе узкий серп луны молодой?

114. ВСПОМИНАЮ ТЕБЯ

Если дождик зарядит,
Колос тяжестью налит —
Вспоминаю о тебе,
И душа моя болит.

Крепостная я стена,
Другу милому верна.
Жду тебя, не дай рыдать
От рассвета до темна.

Расцветают розы пусть,
Не придут морозы пусть.
Пусть вовеки не изведать
Нам разлуки смертной грусть.

115. ДВЕ КРАСАВИЦЫ

Ответствуй, матушка, скажи,
Какую выбрать из двоих?
Подружки обе хороши,
Какую выбрать из двоих?

Тебя украсили цветы,
Всех слаще и счастливей ты.

Я утром вышел в сад чуть свет,
Одна гуляла в холодке.
В руках возлюбленной букет,
Сама — как роза в цветнике,

Тебя украсили цветы,
Всех слаще и счастливей ты.

Другая нежности полна,
Рука в запястьях золотых.
Чиста, как юная луна.
Какую выбрать из двоих?

Тебя украсили цветы,
Всех слаще и счастливей ты.

116. ТВОЙ СМЕХ

Ты словно горный снег бела,
В саду гранатом расцвела,
Мечтаю, чтоб ты рядом шла.

Пойдем, ханум, о госпожа,
Принадлежит тебе душа.

Пусть словно саз звенит твой смех,
Как песня, радует он всех.
Смеешься ты — и тает снег.

Пойдем, ханум, о госпожа,
Принадлежит тебе душа.

Засмейся, смех твой как звонок,
Чтобы влюбленный слышать мог.
Чтоб обнял крепко, как вьюнок,

Пойдем, ханум, о госпожа,
Принадлежит тебе душа.

В цветах поля весною все,
Фиалки клонятся в росе.
Приди ко мне в своей красе,

Моя ханум, о госпожа,
Принадлежит тебе душа.

117. ЧЕМ ТЕБЯ ОБИДЕЛ Я?

Архалук я твой забрал,
На лужайке разостлал.
Я из тысячи красавиц
Ту, что краше всех, избрал.
Чем тебя обидел я?
Ты не смотришь на меня!

В блеске лунного венца
Вьются кудри вокруг лица.

Почему мы расстаемся?
Чем разгневали творца?
Чем тебя обидел я?
Ты не смотришь на меня!

118. МОЯ ЧЕРНООКАЯ

Чарует черноокой взор,
Посмотрит ласково в упор —
От щечек пламенных ее
В мужской груди горит костер.

Весною вышла на лужок,
Из красных роз сплела венок.
Цветы и ленты в волосах,
Ах, как она красива, ах!

Лежит на шелковой траве,
Цветной платок; на голове
Его колышет ветерок,
Снующий в вольной синеве.

Весною вышла на лужок,
Из красных роз сплела венок.
Цветы и ленты в волосах,
Ах, как она красива, ах!

119. ДИВНАЯ РОЗА

Я вырастил дивную розу в саду,
Но милую я потерял на беду.
Влачу одиноко печальные дни.
Мой друг, на страдальца с участием взгляни.
Прекрасная роза, о, где ты, Гюльгез?

На личике родинка-мушка мала,
Она мою душу спалила дотла.
Что ты, дорогая, задумать смогла?

Любимая кубок вручила с вином,
Я выпил — и снова мечта об одном.
Я цели, о друг мой, желанной достиг —
Украшил цветами обитель двоих.
Прекрасная роза, о, где ты, Гюльгез?

На личике родинка-мушка мала,
Она мою душу спалила дотла.
Что ты, дорогая, задумать смогла?

120. ПРИХОДИ, ПРИДИ СКОРЕЙ!

Вижу — девушка идет,
Как лебедушка плывет.
Кудри черные свои
То совет, то разовьет.

Приходи, ты всех милей,
Мой джейран, я изнемог.
Приходи, приди скорей,
Самый яркий мой цветок.

Ты прекрасна и стройна,
Лик твой светел, как луна.
От огня твоих очей
Грудь моя опалена.

Приходи, ты всех милей,
Мой джейран, я изнемог.
Приходи, приди скорей,
Самый яркий мой цветок.

Ты прекрасней всех вокруг!
Погулять пойдем на луг.
Будем петь и говорить,
Я твой самый верный друг.

Приходи, ты всех милей,
Мой джейран, я изнемог.
Приходи, приди скорей,
Самый яркий мой цветок.

121. ПУСТЬ ПРИДЕТ МОЙ ДРУГ

Я люблю, ты всех милей,
В мире нет тебя родней.
День, когда ты к нам придешь, —
Самый радостный из дней.

Пусть придет мой друг, спешит.
Пусть любовь нас озарит.
Пожалей джигита, мама, —
На пороге он стоит!

В Карабахе горы есть,
Там весной отар не счесть.
Коль сердца соединятся,
То чужим не надо лезть.

Пусть придет мой друг, спешит.
Пусть любовь нас озарит.
Пожалей джигита, мама, —
На пороге он стоит!

Я Аракс, Куры приток.
Соловья пленил цветок.
Мне на горе полюбился
Сладкогласый паренек.

Пусть придет мой друг, спешит.
Пусть любовь нас озарит.
Пожалей джигита, мама, —
На пороге он стоит!

122. ХОТЬ РАЗ В ТРИ ДНЯ

Ее мне надо повидать
Хоть раз в три дня, хоть раз в пять дней.
Отрадно мне о ней мечтать
И раз в три дня, и раз в пять дней.

Приди, любовь, ты мне верна,
Вся жизнь в тебе заключена.
Меня убьют, повесят пусть —
От милой я не отрекусь!

123. ПАРЕНЬ-КРАСАВЕЦ

Розы вспыхнули огнем,
Грудь украшу я цветком.
Не насытиться тобою,
Как земле в жару дождем.

Молодец сладкоречив,
Он и статен, и красив,
Черен локон завитой.
Приходи, мой золотой!
И папахи лучше нет,
И к лицу тебе бешмет.
Придержи, джигит, коня,
Погляди-ка на меня!
Полюбить тебя не грех,
Ты, клянусь, красивей всех!

Вьется горная стезя,
В дождь взбираешься скользя.
Из-за пары поцелуев
С милым ссориться нельзя.

Молодец сладкоречив,
Он и статен, и красив,
Черен локон завитой.
Приходи, мой золотой!
И папахи лучше нет,
И к лицу тебе бешмет.
Придержи, джигит, коня,
Погляди-ка на меня!
Полюбить тебя не грех,
Ты, клянусь, красивей всех!

На горе высокий дом,
Там цветы цветут кругом,
От меня ты отвернешься —
Станут розы сорняком.

Молодец сладкоречив,
Он и статен, и красив,
Черен локон завитой.
Приходи, мой золотой!
И папахи лучше нет,
И к лицу тебе бешмет.
Придержи, джигит, коня,
Погляди-ка на меня.
Полюбить тебя не грех,
Ты, клянусь, красивей всех.

Словно яблоко, хорош.
Тянешь руку—не сорвешь,
Ты цветник такого сада,
Что вовек не отцветешь.

Молодец сладкоречив,
Он и статен, и красив,
Черен локон завитой.
Приходи, мой золотой!
И папахи лучше нет,
И к лицу тебе бешмет.
Придержи, джигит, коня,
Погляди-ка на меня.
Полюбить тебя не грех,
Ты, клянусь, красивей всех!

124. В ЧЕМ МОЯ ВИНА?

Не знаю, в чем моя вина,
За что прогневалась она?
Подруга, жалобе внемли,
Недуг мой тяжкий исцели.

Забыло счастье мой порог,
Я без любимой одинок.
Я болен от тоски, приди,
Боль излечи в моей груди!

125. ПОД РУКОЙ РОКОЧЕТ САЗ

Под рукой рокочет саз, лань моя.
Изводить меня взялась лань моя.
Пленник я жестоких глаз, лань моя.

Ах, меня не убивай,
Умоляю, не сжигай.
Приходи и успокой.
Слушай, саз звенит струной,
О, приди, побудь со мной!

Отчего ты хмуришь бровь?
Взор меня чарует вновь.
Где же прежняя любовь?

Ах, меня не убивай,
Умоляю, не сжигай.
Приходи и успокой.
Слушай, саз звенит струной,
О, приди, побудь со мной!

126. ДАГЕСТАН

Горами Дагестан богат,
Тбилиси весь цветет, как сад.
А в Чарбазаре от невест
Не отведешь влюбленный взгляд.

Табак мой тлеет и дымит,
Душа моя горит, болит.
Смотри, останешься одна —
Заплачешь, милая, навзрыд.

Ушла красавица-марал,
Ей ветер кудри растрепал.
Одна гуляет без меня,
За что я ей немилым стал?

127. ПОЧЕМУ, МИЛАЯ?

От меня в соседстве близком ненаглядная живет.
Точка-родинка на щечке обольстительно цветет.
В дом тайком прийти хотела, что-то долго не идет, —
Обманула, обманула, обманула, не пришла.
Почему ты, дорогая, мне обиду нанесла?

Ах, обманула, не пришла,
Обиду злую нанесла.
Ты обнадежила сперва,
Но обманула, не пришла.

У красавицы соседки взял я шелковый платок,
Чтобы долгую разлуку скоротать он мне помог.
Обманула, обманула, обманула, не пришла.
Почему ты, дорогая, мне обиду нанесла?

Ах, обманула, не пришла,
Обиду злую нанесла.
Ты обнадежила сперва,
Но обманула, не пришла.

Если кто-нибудь увидит ненаглядную мою,
Пусть ей скажет: я страдаю и прийти ко мне молю.
Может, глаз недобрый сглазил ту, которую люблю?
Обманула, обманула, обманула, не пришла.
Почему ты, дорогая, мне обиду нанесла?

Ах, обманула, не пришла,
Обиду злую нанесла.
Ты обнадежила сперва,
Но обманула, не пришла.

128. СОКОЛИЦА

Мутной бьет Аракс волной,
Розы тонут по одной.
Ты приветлива со всеми,
Но неласкова со мной.

Соколица, радость, джан,
В жертву я любимой дан.

Косы черные поврозь
Через плечи перебрось.
По тебе я так тоскую,
Что в Куре бушует злость.

Соколица, радость, джан,
В жертву я любимой дан.

Подо льдом Аракс ослаб,
На огне горит кебаб.
Жизнь отдам без сожаленья,
Синеглазой верный раб.

Соколица, радость, джан,
В жертву я любимой дан.

129. Я ОПЬЯНЕН

Я в гости в дом к тебе пришел,
Глянь, лань моя, глянь на меня!
Цветок мой, глянь, глянь на меня!
Мы сядем за накрытый стол.
Добрее стань, глянь на меня,
Цветок мой, лань, глянь на меня!

Я опьянен, я пьян, я пьян,
Тому виною тонкий стан, —
Я опьянен, я пьян, я пьян.

В своем саду заснула ты.
Проснись и встань, глянь на меня.

Цветок мой, глянь, глянь на меня!
Вплела ты в локоны цветы.
Глянь, лань моя, глянь на меня!
Марал мой, встань, глянь на меня!

Я опьянен, я пьян, я пьян,
Тому виною тонкий стан, —
Я опьянен, я пьян, я пьян.

130. ЕДУ ИЗ ГЯНДЖИ

Из Гянджи при свете дня, в огне зари,
Виноград везу в корзинах эскери.
Дочка дядина, улыбкой озари!

Ненаглядной я понравиться хочу,
Я жениться на красавице хочу.

Сливы сладкие я вырастил в Гяндже,
В дар везу их несравненной госпоже.
Тороплюсь я, притомился конь уже.

Ненаглядной я понравиться хочу,
Я жениться на красавице хочу.

Сладких фиников набрал я в торока,
Из Гянджи в горах дорога далека.
Дочка дядина, как финик ты сладка.

Ненаглядной я понравиться хочу,
Я жениться на красавице хочу.

Из Гянджи кружным путем, по склонам гор,
Я в подарок ей везу хрусталь-фарфор.
У красавицы моей хрустальный взор.

Ненаглядной я понравиться хочу,
Я жениться на красавице хочу.

Что за дыни, ароматней в мире всех!
Перевалы миновал я без помех.
Грудь возлюбленной бела, как горный снег.

Ненаглядной я понравиться хочу,
Я жениться на красавице хочу.

Абрикосы взяли цвет у янтаря,
Ими славится Гянджа моя не зря.
Дочке дядиной везу я, говоря:

«Ненаглядной я понравиться хочу,
Я жениться на красавице хочу».

131. ЕДИНСТВЕННАЯ

П а р е н ь

Приоткрой лицо чуть-чуть,
Най, най, най, нанай.
На глаза дозвошь взглянуть,
Най, най, най, нанай.

Полюбил я всей душой,
Най, най, най, нанай.
Ты жестокою не будь,
Най, най, най, нанай!

Д е в у ш к а

На тебя сержусь я, знай,
Най, най, най, нанай.

П а р е н ь

Погоди, не убегай,
Най, най, най, нанай!

Д е в у ш к а

Помириться хочешь ты?
Най, най, най, нанай.
Мне домой пришли цветы,
Най, най, най, нанай.

П а р е н ь

Я букет прислать готов,
Най, най, най, нанай.
Ты прекраснее цветов,
Най, най, най, нанай.

Д е в у ш к а

О любви ты мне поешь,
Най, най, най, нанай.
Что же сватов не зашлешь,
Най, най, най, нанай?

П а р е н ь

Мне кольцо вручила мать,
Най, най, най, нанай,
Чтоб его невесте дать,
Най, най, най, нанай.

Протяни мне пальчик свой,
Най, най, най, нанай,
Будь красавицей женой,
Най, най, най, нанай!

132. ДЕВУШКА И ПАРЕНЬ

П а р е н ь

Краше ты цветка,
Речь твоя сладка.
Отчего в глазах
У меня тоска?

Д е в у ш к а

Отведи свой взгляд,
Не расцвел мой сад.
Рано ты пришел —
Уходи назад.

П а р е н ь

Хоть красива ты,
Как весной цветы,

Гость к тебе пришел —
Неучтива ты.

Д е в у ш к а

Дорогой мой друг,
Брови — черный лук,
Годик обожди,
Золотой мой друг.

П а р е н ь

Как рейхан-цветок
Локон-завиток.
Не могу терпеть
Столь далекий срок.

Д е в у ш к а

Покорись, джигит,
Не таи обид.
Кто любовью полн,
С тоем не спешит.

133. ВОЗЛЮБЛЕННАЯ С ЛОКОНАМИ

О, не прячь свое лицо,
Дай сказать тебе словцо,
Разрешите мне наглядеться
На бровей полукольцо —

Стать твоею жертвой рад, жизнь отдам за нежный
взгляд,
Тонкостанная красотка, черных локонов каскад!

Нежный, горный мой цветок,
Ты красой меня увлек!
Говорю тебе я правду —
Почему твой взгляд жесток?

Стать твоею жертвой рад, жизнь отдам за нежный
взгляд,
Тонкостанная красотка, черных локонов каскад!

Ты с сестрою старшей в сад
В тень идешь, под виноград.

Виноградинка, не прячься,
Я огнем любви объят —

Стать твоею жертвой рад, жизнь отдам за нежный
взгляд,
Тонкостанная красотка, черных локонов каскад!

Гроздь в саду сорвать хотел —
Дотянуться не сумел
И колючек не заметил —
Всё в глаза твои смотрел!

Стать твоею жертвой рад, жизнь отдам за нежный
взгляд,
Тонкостанная красотка, черных локонов каскад!

134. О ДЖЕЙРАН, МОЯ МАЛЕНЬКАЯ

«Ты в окошко не гляди и гулять не выходи,
А не то сорвут бутон, что таишь ты на груди.
Если выйдешь за другого — нет мне жизни впереди.

Умираю, о джейран, снизойди к моей судьбе,
Умираю, о джейран, исстрадался по тебе.

Не идет тебе чадра — с головы чадру сорви,
Дай, джейран, поцеловать брови тонкие твои,
С юных лет в тебя влюблен, я сгораю от любви —

Умираю, о джейран, снизойди к моей судьбе,
Умираю, о джейран, исстрадался по тебе».

«Море пенное шумит — я не сяду в твой челнок,
Мне тебя не целовать — я такой дала зарок,
Я не выйду за тебя — ты завлечь меня не смог...»

«Умираю, о джейран, снизойди к моей судьбе,
Умираю, о джейран, исстрадался по тебе».

«Я не сяду в твой челнок — может он пойти на дно,
Ледяной твоей воды вместе пить нам не дано...
Но отчаливай скорей, если богом суждено».

«Умираю, о джейран, снизойди к моей судьбе,
Умираю, о джейран, исстрадался по тебе».

135. ВОЗЛЮБЛЕННАЯ К НАМ В ГОСТИ ПРИДЕТ

Я знаю, где круглые дыньки лежат,
Я знаю, в укромном местечке лежат!
Я с милой расстался неделю назад.

Она обещала, что завтра придет,
Но времени сколько до завтра пройдет,
И скоро ли дынек вдохну аромат?

На дыньках прелестные пятнышки есть,
Скорее бы мне их увидеть и счесть!
Как стан ее ладен, как ярок наряд!

Она обещала, что завтра придет,
Но сколько минуток до завтра пройдет?
Ах, скоро ли дынек вдохну аромат?

136. СОНА-ХАНУМ

«Эй, Сона, сойди с крыльца,
Посмотри на молодца,
Ты такого не видала
Черноусого лица?»

«Не боюсь признаться всем —
Полюбился мне Гешем.
Вижу родинку над бровью
И с ума схожу совсем!

Конь под милым не стоит,
Грива по ветру летит,
Замираю, если слышу
Под окошком стук копыт!

Я у них вчера была —
Сладко ела и пила,
Мне яичницу и меду
Мать Гешема подала.

Как открыть отцу секрет?
Без Гешема жизни нет!
Не отдаст — сбегу из дому,
За семь бед — один ответ».

137. ЭЙ, СМОТРИ, СМОТРИ СЮДА!

На окне решетка. Тут
Розы золотом цветут.
Сладкие девичьи речи
Юношу с пути сведут.

Эй, смотри, смотри сюда!
Обернись, смотри сюда!

Из окна — каменьев град,
Слезы капаят подряд.
За меня ты замуж выйдешь —
Всякий будет свадьбе рад.

Эй, смотри, смотри сюда!
Обернись, смотри сюда!

Речи девичьи смелы,
Коль им милые милы.
Шемахинские девицы
Выйдут замуж без моллы.

Эй, смотри, смотри сюда!
Обернись, смотри сюда!

138. КРАСАВИЦА

Красавица, люблю тебя,
Умру по слову твоему!
Горюешь ты — иди ко мне:
Горе на душу возьму.

Буду жертвою твоей,
Всюду жертвою твоей —
Жертвой глаз твоих.

Буду жертвою твоей,
Всюду жертвою твоей —
Жертвой глаз твоих.

Черны глаза, и брови — смоль.
Умру по слову твоему!
Скажи, что сделал я тебе?
Горе на́ душу возьму.

Буду жертвою твоей,
Всюду жертвою твоей —
Жертвой глаз твоих.

Буду жертвою твоей,
Всюду жертвою твоей —
Жертвой глаз твоих.

Оленья поступь у тебя,
Глаза джейрана у тебя,
Эй, погоди, не уходи!
Не то умру, тебя любя.

Буду жертвою твоей,
Всюду жертвою твоей —
Жертвой глаз твоих.

Буду жертвою твоей,
Всюду жертвою твоей —
Жертвой глаз твоих.

139. КОЛОДЕЦ В ЕРЕВАНЕ

В Ереване есть водица —
Вместо сахара годится.
Та скромна, а та гордится.
Что за родинки, девица,
На лице твоём сидят?

Я пройду по Еревану,
Серебра к ножнам достану,
Целовать тебя я стану.
Что за родинки, девица,
На лице твоём сидят?

В Ереване рынок Чарсы,
Там невеста бродит часто —
Гонит горе, дарит счастье.
Что за родинки, девица,
На лице твоём сидят?

В Ереване с неба месяц
На тебя глядит уж месяц,
Будешь жить со мною вместе.
Что за родинки, девица,
На лице твоём сидят?

В Ереване нету ханов,
В Шеки больше нет султанов.
Больше я терпеть не стану.
Что за родинки, девица,
На лице твоём сидят?

140. МАТЬ И ДОЧЬ

М а т ь

Не ходи к роднику, дочка,
Не ходи к источнику, дочка,
Там сорвет черноокий парень,
Унесет твой платочек, дочка.

Д о ч ь

Пойду к роднику я, матушка,
Пойду к источнику, матушка,
Повстречаю этого парня,
Посмотрю в его черные очи.

М а т ь

Не ходи к роднику, дочка,
Не ходи к источнику, дочка,

Кто сорвет, унесет платочек,
Разглядит лицо твое, дочка.

Д о ч ь

Пойду к роднику я, матушка,
Пойду к источнику, матушка,
Совсем ни к чему мне, девушке,
От любимого прятаться, матушка.

141. РАЗГОВОР ДЕВУШКИ С ПАРНЕМ

Д е в у ш к а

Парень, ты, что под окошком стоял,
Что крутил свои усы, разудал,
Мне подмигивал, меня окликал,
Возврати мне мой расшитый башмачок,
Мой подковкою подбитый башмачок!

П а р е н ь

Под окошком я твоим не стоял,
Не крутил свои усы, разудал,
Не подмигивал, тебя не окликал.
Не видал я твой расшитый башмачок,
Твой подковкою подбитый башмачок.

Д е в у ш к а

Стану розой я и сад украшу твой,
В нем гранатом стану я и айвой,
Навсегда останусь я, друг, с тобой.
Возврати мне мой расшитый башмачок,
Мой подковкою подбитый башмачок!

П а р е н ь

Если станешь ты в саду моем цветком,
Если сладкою айвою станешь в нем
И возлюбленной навек войдешь в мой дом,
Я верну тебе расшитый башмачок,
Твой подковкою подбитый башмачок!

142. ЧТО ТОГДА?

«Если станешь ты вольной птицей,
К поднебесью вздумаешь взвиться,
Мне придется в молнию превратиться,
Поразить тебя. Что тогда?»

Превратишься в молнию? Ну и пусть!
Поразить меня грозишь? Не боюсь!
Горсткой проса я возьму обернусь
И рассыплюсь по земле. Что тогда?»

«Станешь горсткой проса ты? Ну и пусть!
По земле рассыплешься? Не смущусь:
Курицей с цыплятами обернусь,
Всю тебя склюю. Что тогда?»

«Обернешься курицей? Ну и пусть!
Всю меня склюешь? Не боюсь!
Ланью я красивою обернусь
И в поля умчусь. Что тогда?»

«Обернешься ланью ты? Ну и пусть!
И в поля умчишься ты? Не смущусь:
Я тотчас охотником обернусь,
За тобой пушусь. Что тогда?»

«Станешь ты охотником? Ну и пусть!
Вслед за мною пустишься? Не боюсь!
Красным яблоком возьму обернусь,
Спрячусь в сундуке. Что тогда?»

«Станешь красным яблоком? Ну и пусть!
В сундуке ты спрячешься? Не смущусь:
Я ключом заржавленным обернусь,
Отопру сундук. Что тогда?»

«Превратишься в ржавый ключ? Ну и пусть!
Отпереть решишь сундук? Не боюсь!
Я невестою-красой обернусь,
Выйду вон из сундука. Что тогда?»

«Станешь ты невестою? Ну и пусты
Выйдешь вон из сундука? Не смущусь:
Женихом-красавцем я обернусь,
Обниму тебя. Что тогда?»

143. КРАСАВИЦА

Ай, красавица,
Не терзай меня.
Вздохи ни к чему.
Милая, не плачь,
Не терзай, стена.

Ни к чему мне шею
Обвивать змеей.
Милая, обвей ее
Черною косой.

Знай, как соловью,
Роза мне нужна.
Ни к чему шипы,
Ай, красавица —
Боль от них одна.

144. О, КРАСАВИЦЫ НЕЖНЫЕ

Рядом твой дом, твой порог, яр,
Ты мне прислала цветок, яр,
Если покинешь меня, узнай —
Станет репьем твой цветок, яр.

«Милый друг» — зовут всех вокруг.
Только меня не зовут «милый друг»,
О, красавицы нежные.

В море остались мои корабли,
В поле, несжаты, хлеба полегли.
Много от милой страданий я снес,
Жалобе слезной ныне внемли.

«Милый друг» — зовут всех вокруг.
Только меня не зовут «милый друг»,
О, красавицы нежные!

145. ОЧАРОВАН ТОБОЙ

«Рвал виноград я однажды в саду,
В ногу занозу загнал на беду.
Вытащил — вижу, ты рядом стоишь.
Глаз с той поры я с тебя не сведу.

Ах, девушка, я очарован тобой,
Жизнь отдам лишь тебе одной.
Уйдешь — за тобою пойти позволю.
Побудешь — возьму себе твою боль».

«В друга плеснула чистой водой,
Чтобы он верен был мне одной.
Пусть у меня отсохнет язык,
Если обижен он будет мной.

Ах, юноша, я пленена тобой,
Стану газелью твоей ручной.
Уйдешь — за тобою следом пойду,
Горе-беду твою отведу».

Шуточные песни

146. АЙ, ЗАЧЕМ РЫДАЕШЬ, ЛАНЬ?

Перепрыгнула дувал,
С головы платок упал.
Мой узорный башмачок,
Я не знаю где пропал.

Ай, зачем рыдаешь, лань?
Ай, джейран мой, перестань,
Не тумань слезой зрачок!

В гости к вам спешила я,
Бровки начернила я.
Быть красивою хотела,
Обо всем забыла я.

Ай, зачем рыдаешь, лань?
Ай, джейран мой, перестань,
Смоешь краску, милая!

147. ПЛАТОК

«Мне платочек пестрый мама дала,
Обронила я его, не нашла.
Если ты его нашел, паренек,
Возврати мне поскорее платок.
Есть примета, что к разлуке платки, —
Разлучаться нам с тобой не с руки».

«О красавица моя, не взыщи,
А сама платочек свой поищи.
Догадаться, где платок, не могу.
Может, брошенный лежит на лугу,
И совсем ты позабыла о том.
Дай отыщем твой платочек вдвоем».

«Ты лукавишь, поняла я теперь,
И обидеться я в праве, поверь.
Не вернешь ты мне платочка назад —
Мне заступником тогда будет брат.
Не позволит он обидеть сестру, —
Отдавай платочек мой подобру!»

148. ЧТОБ ТЕБЕ СГОРЕТЫ

Белокрылою ты, курочка, была,
Ты по солнышку гуляла, весела,
Я лелеяла тебя и берегла —

Ох, сгорел бы он в огне, ворюга злой,
Разрази его небесною стрелой!

Ты вчера еще прельщала петухов,
А сегодня угодила к вору в плов —

Ох, сгорел бы он в огне, ворюга злой,
Разрази его небесною стрелой!

Ты кудахтаньем своим будила нас,
Ты сердила нашу бабушку подчас —

Ох, сгорел бы он в огне, ворюга злой,
Разрази его небесною стрелой!

Белокрылой ты красавицей была!
Праздник был, когда ты яйца нам несла!
Я сокровище свое не сберегла —

Ох, сгорел бы он в огне, ворюга злой,
Разрази его небесною стрелой!

**РОДИНА — ЧУЖБИНА.
ЕДИНСТВО. НАРОД**

149

Полдороги пройдено,
Без подмоги пройдено.
Две отрады есть на свете —
Это мать и родина.

150

Есть вдали тропа одна,
Что отсюда не видна.
Не гнетет меня чужбина,
Да она — не родина.

151

Посвятишь народу жизнь —
Он тебя поднимет ввысь.
На судьбу не полагайся
И богатством не кичись.

152

Не с повинной головой
Я народ встречаю свой:
Сад я вырастил, чтоб люди
Отдыхали под листвою.

Я не знаю крова краше:
 Дни один другого краше.
 Наши горы, наша дичь
 И угожья снова наши.

Розу отыщи скорей
 И в тиши откройся ей.
 В стороне чужой не царствуй,
 Лучше нищенствуй в своей.

В край родной пришла беда,
 Слезы льются, как вода.
 Кто в бою падет со славой,
 Будет в песне жить всегда.

Строил крепость весь народ,
 Этот город — наш оплот.
 Не пробьет его ворота
 Даже сила вешних вод.

Солнце свет на кряжи льет,
 Стал прозрачней пряжи лед.
 Если весь народ прикажет —
 Даже камень оживет.

Речка валит напролом,
 Да не сладит с валуном.
 Этот дом народ построил,
 Грохнет гром — не рухнет дом.

Сколько свечек, сколько свеч —
 Каждый вечер столько встреч!
 Все в домах своих уснули,
 Негде страннику прилечь.

Летом холст простой хорош,
 Прост наряд — покрой хорош.
 В час веселья — край любой,
 В смертный — только свой хорош.

То, что я теперь спою,
 Станут петь в любом краю:
 Я отдам чужбину вам —
 Дайте родину мою.

Я один, хоть волком вой,
 Проклинаю путь кривой.
 На чужбину шел здоровый —
 Возвращаюсь чуть живой.

На чужбине побывай,
Там глаза не открывай,
А откроешь — глянь туда,
Где остался отчий край.

Вот погода — не поймешь,
Время года — не поймешь.
На чужбине мед попробуй —
Вкуса меда не поймешь.

Если б крылья дали мне
Да открыли б дали мне,
Я б с горы высокой глянул:
Как там, в милой стороне?

Горы прячутся во тьму...
Солнце прячут почему?
Возвращаются с чужбины,
Тучи плачут почему?

Зной и пыль, я возвращусь,
Дай костыль — я возвращусь.
На чужбине жить не буду —
Иль умру, иль возвращусь.

Был с чужбины путь тяжел,
 Я, отведав яда, шел.
 До земли родной добрался —
 До святыни я дошел.

Вот рубаха из холста,
 И приятна, и проста.
 Как в раю — в чужом краю,
 А свои милей места.

На чужбине я боюсь,
 Плакать ныне я боюсь —
 Кто мои глаза осушит,
 Если плачем я зальюсь?

Кто чужбину не клянет,
 Кто судьбину не клянет!
 Одинокого подушка
 Даже мягкая кольнет.

Край чужой не влать тебе,
 Там легко пропасть тебе.
 Я бывал, я погибал —
 Бог не дай попасть тебе.

Я обжег глаза — притих,
Голосить нельзя — притих.
На чужбине сто несчастий,
Да кому сказать о них?

На чужбине встретить смерть —
Как в пустыне встретить смерть.
На чужбине, я боюсь,
Без могилы мне истлеть.

Я — ашыг, иду к жилью,
То пою, то слезы лью.
Цену прежнего становья
Познают в ином краю.

Из чужих краев бегу,
Ничего не берегу.
Жизнь одна — и эту жизнь
Вам пожертвовать могу.

Так ли это — сам усвой,
Ты усвой, а после спой.
До поры, до срока старит
Край немилый, край не свой.

Хорошо в родном краю!
 Я в родных горах пою:
 Поднимаются вершины —
 Поднимают песнь мою.

Дети черных туч — дожди,
 Братья горных круч — дожди.
 Если туча одинока,
 От нее грозы не жди.

Ты в седле — догнать нельзя,
 Злой стреле догнать нельзя.
 Камень, что народом свален,
 Никому поднять нельзя.

В речку свалят бурелом,
 Речкой сплавят бурелом.
 Если дом возвел народ,
 Не развалит бура дом.

Воин шлем надел, идет,
 Шлем тому, кто смел, идет.
 За народ один игид —
 За игида весь народ.

Об известных я пою,
 О неизвестных я пою,
 Жизнь мою отдам тому,
 Кто свою отдаст в бою.

Скрой, гора, подножье мглой,
 Степь укутай той же мглой,
 Нас гора загородила —
 Нам не страшен глаз дурной.

Храбрый отразит наскок,
 Для отмщенья выждет срок.
 Тот, кого народ полюбит,
 Будет славен и высок.

Не растает лед — и пусть,
 Горьким станет мед — и пусть.
 Добрый сын — в родном краю,
 А дурной уйдет — и пусть!

**ДРУЖБА — ВРАЖДА.
 ХРАБРОСТЬ — ТРУСОСТЬ**

Я искал звезду — приди!
 Я упал в саду — приди!
 Друг-приятель дней веселых,
 Я попал в беду — приди!

Грозная звезда взойдет,
 До небес мой клич вззовет.
 Голова моя на плахе,
 Голос мой тебя зовет.

Я пою в своем кругу,
 Я друзей остерегу:
 Подогни к затылку пятки
 Ненавистнику врагу.

Я — утес в горах тебе,
 Кравчий на пирах тебе.
 Отчего ты смотришь косо,
 Будто впрямь я враг тебе?

Кто-то твой натянет лук,
 Твой наденет архалук?
 То сбылось, что враг пророчил,
 А не то, что прочил друг.

Град в горах прошел бы вдруг,
 В сад мой друг вошел бы вдруг.
 Ты туманом стань, я мглою —
 Удалимся в горы, друг.

Всадник, голову клоня,
 Рухнул замертво с коня.
 Громко недруги смеялись,
 Горько плакала родня.

Это чья еще рука?
 Иль глупца, иль дурака.
 Высока моя гора —
 Коротка твоя рука.

Я скажу: без страха бей,
 По врагу с размаху бей.
 Разве соколу опасен
 Забияка-воробей!

Этот смех на плач похож,
 От него бросает в дрожь.
 С ненадежным не дружи —
 И в беду не попадешь.

Через горы перейду,
 Без опоры перейду.
 Если ж я найду поддержку,
 Очень скоро перейду.

Шашлыку зола страшна,
 Ветерку скала страшна.
 Смельчаку булат не страшен —
 Смельчаку хула страшна.

Свет в глаза вбери — пиши,
 В книгу взгляд впери — пиши.
 Горе друга своего
 На врага перепиши.

Месяц светит кое-как,
 Одолеть не может мрак.
 В трудный день, в опасный час
 Знай, кто друг тебе, кто — враг.

Разве нужен саду кров?
 Дым идет от очагов.
 Враг среди друзей найдется —
 Друга нет среди врагов.

Звезд и за год счесть нельзя,
 Столько ягод съесть нельзя.
 Береги от друга тайну —
 И у друга есть друзья.

Сирота — не сирота,
 Помогает доброта.
 Твой приятель — караванщик,
 Ставь пошире ворота.

На горе камней не счесть,
 В каждом камне тайна есть.
 Созывай друзей, а недруг
 Сам успел к огню подсесть.

Я ашыг, в саду лоза,
 Вянет на виду лоза.
 За глаза меня сгубили —
 Улыбались мне в глаза.

Помни, постоянства нет
 И не будет у монет:
 Прежде чем к тебе попали,
 Обошли весь белый свет.

Я недуг не излечу,
 Рвался вверх, да вниз лечу.
 Если друг мой опечален —
 Про свою беду молчу.

Добрый мой совет прими:
 Знайся с добрыми людьми.
 Враг тебе не станет другом,
 Хоть ты медом накорми.

Знай, мужская речь строга,
 Ласка друга дорога,
 Но запомни: глупый друг
 Хуже умного врага.

Верхом пронесет грозу —
 Пережду ее внизу.
 Недруг ноги перебьет —
 Я до друга доползу.

Недруг в нашей стороне —
 Слезы с кровью наравне.
 Друг нигде не повстречался
 Ни живым, ни мертвым мне.

Вместе с другом ешь и пей.
 Что потратишь — не жалей.
 Ранит вражеская пуля —
 Камень друга бьет больней.

Гонит горе в путь меня,
 Хочет жизнь согнуть меня.
 Иль хорошим другом будь,
 Иль оставь — забудь меня.

На беду погибнешь ты,
 На виду погибнешь ты.
 Я пойду — меня прикончат,
 Не пойду — погибнешь ты.

Дорог ты до гроба мне,
 Эта дружба — проба мне.
 В счастье обо мне забудь —
 В горе вспомни обо мне.

Дружит с песней голос мой,
 Дружбу водит бровь с сурьмой.
 Это — друг моих врагов.
 Что ж он водится со мной?

К лепестку от лепестка
 Крылья носят мотылька.
 Друг открыто упрекает —
 Враг кольнет исподтишка.

Кустик дернем хорошо,
 Вырвем с корнем хорошо.
 Если в белом ходит недруг,
 Мне и в черном хорошо.

Ты — игид, и я — игид,
 У обоих грозный вид.
 Друг в лицо тебе посмотрит —
 Недруг под ноги глядит.

На пути утес возник —
 Не пробиться напрямик.
 Если спутники сдружились,
 То не нужен проводник.

Стал бедой мороз и лед,
 Погубил все лозы лед.
 Попадет в беду храбрец —
 Даже кровник слезы льет.

Ты седым-седа, гора,
 Не глядишь сюда, гора.
 Стала вражеским укрытьем —
 Вспыхни со стыда, гора.

Полюбил народ тебя —
 Он один спасет тебя.
 Подлеца не умоляй —
 Пусть поток несет тебя.

Ты стрелу точней нацель,
 Наведи верней на цель.
 Друг хорош — секрет раскрой,
 Конь хорош — раскрой кошель.

Только истинный игид
 Правду прямо говорит.
 Попадет игид в несчастье —
 Мать игида ободрит.

Злой татарин бьет меня,
 Он в полон ведет меня.
 Где бы я ни очутилась,
 Верный друг найдет меня.

Раздается подлый клич:
 К розе рвется старый суч.
 Соловей, остерегайся —
 Хочет суч врасплох застичь.

Не убил пришельца взгляд,
 Не дошел до сердца яд.
 Плохо сад мы сторожили,
 Если враг ворвался в сад.

Враг юлит — не слушай слов,
 Пусть велит — не кушай плов.
 Если твой дружок садовник,
 Ты не будешь без цветов.

Не считайте, сколько лет —
 Верной дружбе сроку нет.
 Чем бы враг ни угощал,
 В угощениях проку нет.

Не к лицу ашыгу ложь,
 Подлецу подруга — ложь.
 Не копай другому яму —
 Сам в ту яму упадешь.

Без цветов чернеет сад,
 Без плодов беднеет сад.
 Пусть враги не забывают,
 Что поможет брату брат.

Спел ашыг — проверь слова,
 Новый друг — проверь сперва.
 Попадется лев трусливый —
 Не считай его за льва.

Друг поймет мои слова,
 Разберет мои слова:
 Даже тысяча лисиц
 Одного не свалят льва.

Ты большой храбрец, паша,
 Ты большой гордец, паша!
 Кёроглу придет однажды —
 Твой придет конец, паша!

Шубы нет у скорняка,
 Пользы нет от сорняка.
 Не пальнет стрелок впустую —
 Пулю шлет наверхняка.

Я пришел на правый суд,
 Я сказал — вся правда тут.
 Сын трусливым оказался —
 Мать с отцом его клянут.

Дружный стан ослабил трус,
 Сам себя ославил трус.
 Пал храбрец — оставил имя.
 Что же нам оставил трус?

Наполняет горечь рот,
 Вышло всё наоборот:
 Храбрецы родник открыли —
 Воду пьет трусливый сброд.

Подпирает снизу брус,
 Сверху давит тяжкий груз.
 Возводили мост для храбрых —
 По нему проходит трус.

Ты оружие протри
 И снаружи, и внутри.
 Что смотреть на подлеца?
 Он — подлец, как ни смотри!

Край родной в крови, в огне,
 Не видать конца войне.
 Где игид в кровавый день?
 Иль в земле, иль на коне!

Нанесенная клинком
 Рана мучает потом,
 Но мучительнее рану
 Враг наносит языком.

Я скажу: достойный вид
 И внушительность хранит
 Тот игид, что много знает,
 Да немного говорит.

Избегай воды, игид,
 Что течет, а не шумит.
 И того, кто смотрит в землю,
 А в глаза не поглядит.

Я врагу сказать могу,
 Что лежу да встать могу.
 Тайну скрой от болтуна —
 Выдаст он ее врагу.

Имя кравчего звенит —
 Пир восходит в свой зенит.
 Независтливый хозяин
 Хлебосольством знаменит.

Рви цветы — кидай игиду,
 Есть добро — отдай игиду.
 Угодит в беду игид —
 Конь не даст его в обиду.

Туча, белый свет черня,
 Погасить не может дня.
 Сколько конник ни скакал бы,
 Всё равно сойдет с коня.

Я любить готов миндаль,
 Пусть не даст плодов миндаль.
 Жалит враг подобно змею —
 Никого ему не жаль.

ПРАВДА — ЛОЖЬ.

УМ — ГЛУПОСТЬ.

РЕЧЬ. СЛОВО. УЧТИВОСТЬ

Если горе снес, пройдет,
 Пролил море слез, пройдет.
 Слово правды сквозь скалу,
 Сквозь глухой утес пройдет.

Глянул в небо звездочет,
 Видит — в звездах недочет.

Правду режь — она поможет,
Пуще сабли рассечет.

253

Нет в горах солончака,
В горе нет весельчака.
Если ты стремишься к правде,
Разве правда далека?

254

Размотай моток сперва,
Отбирай, знаток, слова.
В сплетню сам себя не впутай,
Правду выпытай сперва.

255

Кто сплошную чушь поймет,
Кто в такую глушь пойдет?
Правду смело говори —
Кто захочет, тот поймет.

256

Только мой заслышит клич —
Разлетится в поле дичь.
На коне печали трудно
Правды-истины достичь!

257

Путь большой — и ты большой.
Я желаю всей душой:
Ты живи своим умом —
Не надейся на чужой.

Это — лестница, по ней
Поднимайся веселей.
Ценит золото знаток,
Не оценит дуралей.

Вот кольцо, в нем камень есть,
В этом камне пламень есть.
С мудрецом ворочай камни,
С глупым плов не стоит есть.

Я — ашыг, присядь к огню,
Если друг, не прогоню.
Ты разумен, если лаской
Отвечаешь на ругню.

От невежды прочь скачи,
Нет надежды — прочь скачи.
Мудрецу намек хватит,
А невежде — хоть кричи.

Я люблю мою скалу,
Я скале пою хвалу.
Шьют из бархата попону,
Да не вьючному ослу.

Суть урока коротка,
 Да морока — как река.
 Сам разучишься скорее,
 Чем научишь дурака.

Почему ашыг умолк,
 Пел, играл — и вдруг умолк?
 Тот, кто много повидал,
 В каждом деле знает толк.

Это речка или ров?
 Для чего отрыли ров?
 Навострится подмастерье,
 Сам научит мастеров.

Мой завет тебе один,
 И запомни до седин:
 Пред учтивым — будь слуга,
 Пред спесивым — господин.

Над горой уже темно,
 Там фонарь горит давно.
 Слово — ковкое железо,
 Бей — податливо оно.

Я сюда не звал тебя,
 Никогда не знал тебя.
 В жизни место знай свое,
 Чтоб никто не гнал тебя.

Нужно тропки примечать,
 Чтоб прямым путем промчатъ.
 Видишь — слово не поможет,
 Значит, лучше промолчать.

Снег идет, гора белеет,
 Холод птицу не жалеет.
 Сердце — хрупкое стекло:
 Разобьешь, никто не склеит.

Я в бреду — ни плоть, ни дух:
 Ни кругов не счесть, ни дуг.
 Друг лекарство сам отыщет —
 Назовите лишь недуг.

Кто забрался в огород —
 В огороде недород!
 Испокон гостей незваных
 Гонят в шею от ворот.

Луч блеснет — исчезнет тьма,
Речь пряма — душа пряма.
Разуменье в каждом деле —
Признак зрелого ума.

Разорется горлопан,
Разорвется горлопан.
Что обманом достается —
Разойдется, как туман.

Суть от вздора отличай,
Да не спутай невзначай.
Будь с учтивыми учтивым,
А невеж не привечай.

У ашыга путь широкий,
Смело он слагает строки.
Ловит на лету знаток
Недомолвки и намеки.

Возвратятся с гор стада,
Пастуха жени тогда.
С тем, что мелет что попало,
Не беседа, а беда.

ЛЮБОВЬ.
ВСТРЕЧИ — РАЗЛУКИ

278

Чернота очей твоих —
Темнота ночей моих.
Преврати меня в цветок —
Спрячь промеж грудей своих.

279

Приходи глядеть со мной
Перелет гусей ночной.
Хватит места на двоих
На циновке нам одной.

280

Тот, кто хлеб растил, поймет,
Кто зерно грузил — поймет.
Грусть влюбленного ашыга
Тот, кто сам грустил, поймет.

281

На округу с гор взгляни,
Здесь луга коврам сродни.
Мне бы груди разнимать,
Как затеют спор они.

282

Сквозь скалу струя прошла,
До того ручья прошла.
Ты открой глаза, охотник,
Вон где лань твоя прошла.

Я ушел, остался сад,
 Не достался виноград.
 Я на двух сестренек глянул —
 На одной остался взгляд.

Как познать любовь сполна?
 Жизнь отдать? На что она,
 Если поцелуй бесценен,
 Если жизни — грош цена.

В отдаленье, в том краю,
 Есть олени в том краю.
 Я по родинке двойной
 Узнаю любовь свою.

Обходил гнездовья птичьи
 И глядел в глаза девичьи.
 Слыл охотником сто лет —
 Не добыл ни разу дичи.

Мне б к окну, — темно в углу,
 Подоткну плотней полу.
 Я к твоей груди привык —
 Не ложится на полу.

Караван собрался к югу,
 Переждал мороз и вьюгу.
 Друг подругу подзабыл,
 Но она простила другу.

Между гор проход увидел,
 В дальнем море плот увидел.
 «Милая идет», — сказали, —
 Там луна встает — увидел.

Спят поля — расцвел миндаль,
 Жаль, не я развел миндаль.
 Как змея — коса твоя,
 Жалить ей людей не жаль.

Мне внушил мой шейх: влюбись
 В тех, чьи локоны сплелись.
 Саз возьму, уйду в ашыги —
 Мне мила такая жизнь.

Здесь таиться скучно мне,
 Дай напиться, душно мне.
 Мне моя нужна подруга,
 А чужой не нужно мне.

Отсырел мой бедный кров,
 Боль с печалью — мой улов.
 Иль и впрямь любовь безмерна,
 Иль я вправду безголов.

Как тюльпан, что всех милей,
 Твой стакан в руке моей.
 Я — твоя, ты — мой навеки,
 Об иной мечтать не смей.

Небо в тучках голубых,
 Месяц глянул и притих.
 Что в глазах твоих таится,
 Что, скажи, мне ждать от них.

Парус в море остается,
 Колос в поле остается,
 От любви моей лишь горе
 Мне на долю достается.

Как ни труден путь большой,
 Жду свиданья всей душой.
 Ты своим умом живи —
 Не надейся на чужой.

Вот туман седой пришел,
 С длинной бородой пришел.
 Я выглядывала брата,
 Глядь — любимый мой пришел.

Стать звездой бы в вышине,
 Стать счастливой в тишине.
 В дверь любимый постучится —
 Быть одной бы в доме мне.

До горы река дошла,
 С нею грусть-тоска дошла.
 Дай у пристани простимся —
 Видишь, барка подошла.

В листьях сплошь река уныла,
 Осень машет однокрыло.
 Что мне милой подарить,
 Чтоб лицо свое открыла?

Нет у лани языка.
 Я иду издалека,
 Я хочу пробраться к милой,
 Дайте мне проводника.

Чтобы вдосталь угоститься,
 Дай мне ягод, шелковица.
 Встретил милую тайком —
 Не успел наговориться.

Та мужчине всех нужней,
 Что жемчужины нежней.
 Я тебя, язык, отрежу —
 Нежной, ей грубить не смей.

Трудно лесом лес назвать —
 Там фиалок не видать.
 Целовать глаза мне мало —
 Губы лучше целовать.

Где тот край, что повидал
 И на время покидал?
 Душу отдал я за локон —
 Кто б еще дороже дал!

От тебя как в дреме я,
 В дреме я, в истоме я.
 Голос твой дойдет снаружи —
 Заикаюсь в доме я.

В сердце, как в свой дом, войди,
 Грусть развеешь в нем — войди.
 Сколько у тебя кудряшек,
 Столько ран в моей груди.

После непроглядных дней
 Стало озеро видней.
 Лебедь плещется одна —
 Сто орлов парит над ней.

Трону струны — тар рокочет,
 Стонет, а смеяться хочет.
 Если лебедь улетает —
 Сокол плачет, сыч хохочет.

Дай, садовник, глянуть в сад,
 Дай всего, чем сад богат.
 С непосаженных деревьев
 Дай несорванный гранат.

Ты — царица этих мест,
 Всё твое, что есть окрест.
 Твой тебризский запах, мята,
 Мне вовек не надоест.

313

Мчится речка, голося,
 Всё, что встретится, снося.
 Обещал, а не пришел —
 И любовь, выходит, вся!

314

Чтобы плети не помять —
 Надо дыни тихо рвать.
 Недосуг счастливым парам
 Одиноких вспоминать.

315

Из серебряных камней
 Крепость стала бы моей.
 Я пойду к любимой в гости,
 Ночь бы стала подлинней.

316

Между скал-громов пройду,
 В лес приду и в сад приду.
 Если ждать зимою будешь,
 Я сквозь снег и град приду.

317

Горной мглою стать бы мне,
 Всё вокруг застлатъ бы мне.
 Те цветы, что ты сажаешь,
 Рвать бы после свадьбы мне.

Черви дереву вредят,
 Черви листики едят.
 Наклонись-ка, поцелую —
 Пусть завистники глядят.

Как поднимется волна,
 Всё вокруг снесет она.
 Я к твоим глазам привязан
 Так, что буря не страшна.

Рвать бы розы по весне...
 Где, в какой ты стороне?..
 Я б тебе коня прислала —
 Прилетел бы ты ко мне.

Перейдет туман гряде,
 Скроет всё, что на виду.
 У меня пропажа в сердце —
 У тебя ее найду.

На руке — багровый шов
 От ременных поводов.
 Жениха со свадьбы взяли —
 На огне остался плов,

Сколько здесь, в нагорье, их,
 Диких курочек рябых.
 Руки нежные у милой —
 Не натер бы повод их.

Мой светильник, ты огня
 Не жалеешь для меня.
 Свешу косы стремянами,
 Чтобы ты сошел с коня.

Я гуляю по садам,
 Я шагаю по садам.
 За одну твою улыбку
 Я всю жизнь мою отдам.

Позови — джейран придет,
 По любви джейран придет.
 Кто полюбит, тот к любимой
 Сквозь любой буран придет.

Я люблюсь красотой —
 Темной родинкой двойной.
 Ни фиалка, ни гвоздика
 Не сравняются с тобой.

Саз настрой, струну поправь,
 Пред игрой струну поправь.
 Ты летай, как сокол, всюду,
 Только сердце мне оставь.

Выходи смелей, пройдишь,
 Где тебе милей, пройдишь.
 По земле идти устанешь —
 По груди моей пройдишь.

Хоть придет потоп второй
 И зальет весь мир водой,
 Утолить желаю жажду
 Не водою, а тобой.

Влево глянь и вправо ты,
 Здесь и травы, и цветы.
 Стану речкою прохладной,
 Чтоб во мне купался ты.

Мне б дымком вершинным стать
 Иль цветком вершинным стать.
 Милая к ручью выходит —
 Я хочу кувшином стать.

333

На восходе выйди в путь,
На охоте ловким будь.
Небосвод стрелу пустил —
Угодил в девичью грудь.

334

Ты очами не играй
И плечами не играй.
Как стрелой, играешь мной,
Шлешь меня в далекий край.

335

Есть гора — пустынной нет,
Здесь семьи пчелиной нет.
У двуличного ашыга
Ни одной любимой нет.

336

Ни цветов на ивах нет,
Ни плодов на ивах нет.
Есть двуличные красотки —
Прямоты у лживых нет.

337

Если б милая чуть-чуть
Мне свою открыла грудь...
Я б молочным стал барашком,
Чтоб к ее груди прильнуть.

Тропы горные узки,
Сердце тает от тоски.
Я с тобою не расстанусь,
Хоть изрежут на куски.

У тебя хорош наряд,
Пусть получше разглядят.
Пусть ослепнет тот, кто бросит
На тебя недобрый взгляд.

Я к ручьям пойду дружить,
По горам пойду кружить.
На тебе жениться только б, —
Там хоть милостыней жить.

Меж цветов просвета нет,
Здесь зимы и лета нет.
Для меня твой груз досаден,
Как для ветки пустоцвет.

«Ты затмила все цветы.
Как спастись от маеты?»
— «Не из тех цветов я, милый,
Чтоб сорвал и бросил ты».

Мне бы милую мою,
Будто розу соловью.
Слова доброго не слышу:
Я чужой в родном краю.

Как невестою — жене,
Быть сперва звездой луне.
Губы есть для поцелуев,
Не терзай ты груди мне.

Серый нес конек меня,
Задержал стрелок меня.
На твоих вздремну коленях —
Ты разбудишь в срок меня.

Пробудись, в саду проспят,
Причешись, в саду проспят.
За любовь к весенней розе
Соловей в саду распят.

Солнце встало вдалеке,
Заблистало в цветнике.
Как роса на лепестке —
Поцелуи на щеке.

На Ширване есть цветы,
 Что, как чаши, налиты.
 На плечо упала тень,
 Показалось: это — ты.

Сад цветет, весна пришла.
 Где любовь? Она ушла.
 Сердце вянет-увядает,
 Ночь опять без сна прошла.

Я одна, здесь дико мне,
 Не нужна гвоздика мне.
 Или я к тебе заеду,
 Или ты зайди ко мне.

Мне, бедняге, не до сна,
 Хоть постель и не тесна.
 Я любимой стал не нужен —
 Мне же всё нужней она.

На тебя все дни гляжу,
 От тебя не уйду.
 Загостишься — угожу,
 А простишься — провожу.

«Дорогой, не рви цветы,
 Почему в крови цветы?»
 — «Соловья шипом пронзила —
 Стала, роза, алой ты».

Челка смелая на лбу,
 Черная на белом лбу.
 Ты капризами своими
 Разоришь мою судьбу.

Поспеши издалека,
 Я жива, жива пока.
 Приковала меня цепью
 К твоему пути тоска.

Пустоцветы выполи,
 Из кремневки выпали.
 Колесо судьбы сломалось —
 Дни разлуки выпали.

Провинюсь — суди меня,
 Разосплюсь — буди меня.
 Иль пойду любовь найду,
 Иль убьют в пути меня.

Я — зерно, а ты — гранат,
 Не роняй цветы, гранат,
 Я тайком из-за ограды
 В ваш заглядываю сад.

Платье шьешь и споришь ты,
 Вдруг возьмешь распорешь ты.
 Я одной тобой люблюсь.
 На кого же смотришь ты?

Горы, скаты, да хребты,
 Да горбатые мосты.
 Ты пришел, прибавил горя —
 Лучше б не являлся ты.

Муке этой нет конца,
 Ни просвета, ни конца.
 Знай, любовь не убивает,
 А сгоняет цвет с лица.

Что поможет, не пойму,
 Исцеленью моему.
 Коль тебя в разлуке вспомню,
 То подушку обниму.

Я как роза средь ветвей,
 А пою, как соловей.
 Если ты меня обидишь,
 Стану колоса желтей.

Я живой, живой пока,
 Ноет рана, глубока.
 Без тебя я спать не лягу —
 Мне тюфяк намнет бока.

Средь цветов нашла родню —
 Не увяну на корню.
 Но в разлуке, как фиалка,
 Низко голову клоню.

Лань проходит в вышине,
 Еле слышно в тишине.
 Что же я любимой сделал?
 Не идет она ко мне.

В тюбетейке вышитой,
 Для меня всех выше ты.
 К нам нельзя, так хоть к соседям, —
 Всё равно же вышел ты.

У меня была броня,
 Не боялся я огня.
 Никакой огонь не жег,
 Только ты сожгла меня.

Я — бедняк, родник не мой,
 Берега, родник не мой.
 Всё, что скажут, очи скажут —
 У меня язык немой.

Взор султанши, взор хмельной,
 Взор сулящий, взор шальной.
 Разума лишишь навеки —
 На мгновенье грудь открой.

Меж двумя дворами путь,
 Устелен коврами путь.
 Хитрый локон не дает
 Мне на родинку взглянуть.

Глянь сперва, чей сад щедрей.
 Что — айва! Гранат вкусней.
 Я родителей люблю,
 Только милый мне родней.

Черных недругов клянупу,
 А к друзьям покорно льну.
 Прядь волос лицо прикрыла,
 Будто облачко — луну.

Облегчи мне грудь еще,
 Вспомни что-нибудь еще.
 Я глядел — не нагяделся.
 Дай в лицо взглянуть еще.

Дорогой, пьянею я,
 Розой пламенею я.
 Ты — напиток мой хмельной,
 Гляну — опьянею я.

Жду, мой суженый, приди,
 Что получишь, погляди:
 Два граната на моей
 Беломраморной груди.

Много разного питья
 В доме вашем видел я.
 Я тобою опьяняюсь
 Безо всякого питья.

Я погоду узнаю
 И породу узнаю.
 Есть под кофтой два граната —
 Нет похожих и в раю.

Руки в хне, смеешься ты,
 В стороне смеешься ты.
 Ты печальна — я печалюсь,
 Тяжко мне — смеешься ты.

До чего любовь сильна!
 Месяц пьян, и ночь хмельна.
 Не дозваться мне тебя —
 Сон пьянит сильнее вина.

День разлуки — Страшный суд,
 Мне одной что делать тут!
 Не возьмешь с собой, так слезы
 Потекут — тебя найдут.

Солнце сядет, погоди,
 Месяц встанет, погоди.
 Приходи, когда стемнеет,
 А пока что походи.

Для меня на вкус и цвет
Яблок лучше этих нет.
Если б их прислал любимый,
Сохраняла бы сто лет.

«Я поссорилась с тобой».
— «Не гони меня, стой».
— «Если хочешь помириться,
Подари цветок степной».

От тебя я как чумной,
Ты всегда передо мной.
Разреши припасть однажды
К этой родинке двойной.

Сколько можно звать тебя?
Нет со мной опять тебя.
Не устанешь ты в дороге —
Не устану ждать тебя.

Караван собрался вдаль,
Разбудил мою печаль.
Как же мне не плакать кровью —
Снова свидимся едва ль.

Ливень хлещет по горам,
Он сердца терзает нам.
Это — вечная разлука,
Понимаю по глазам.

Мне бы черный виноград,
Мне б тогда и черт не брат.
Без гостинца на свиданье
Я идти не очень рад.

По округе день-деньской
Я хожу-брожу с тоской.
Как про твой приезд услышу,
Разукрашу домик свой.

На груди родной тепло,
Тут руке одной тепло,
А другую, что снаружи,
Болью с холода свело.

Я не стану рвать цветы,
Жаль их внешней красоты.
Я в разлуке не повинна,
В ней один повинен ты.

Не собью с цветов росу,
 Не попью с цветов росу.
 Боли снес, печали вынес,
 А разлуку не снесу.

Будто б омертвелая,
 Без души, без тела я.
 Если б не было разлуки,
 Разве б пожелтела я!

По Куре баркас пришел,
 На заре баркас пришел.
 Полюбуйся мною вдоволь —
 Расставанья час пришел.

Снегопад замел в ночи
 Все садочки, все бахчи.
 Соловьем скучаю в клетке,
 Сторожат меня сычи.

Видел — милую ведут,
 Да не вырвался из пут.
 Языка не отрезают —
 Слова молвить не дают.

Ты в седле — не понимаю,
 Иль в земле — не понимаю.
 Плачу и сама себе
 Я колени обнимаю.

Пусть садовник ждет от сада
 Винограда иль граната,
 А моей душе больной
 Только встречи с милой надо.

Счастлив ты всегда иль нет?
 Что ответить — да иль нет?
 На лице твоём, я вижу,
 Чуждый взгляд оставил след.

Эту снасть чинить не надо,
 Эту бровь чернить не надо.
 Кто найдет подругу верную,
 Тем искать не нужно клада.

Погляди — цветут луга,
 Погулять зовут луга.
 Для других я — господин,
 Для возлюбленной — слуга.

Блещет брошка, нам она
 Как игрушка, допоздна.
 Как же нам с тобой слюбиться —
 Я несмел и ты скромна.

Дует ветер верховой,
 Повторяет эхо вой.
 Разлучил меня с любимой
 Лютый ветер — кровник мой.

Если встретить смертный час —
 Вместе встретить смертный час,
 Пусть вдвоем в одной могиле
 Похоронят люди нас.

Я о том прошу судьбу,
 Чтоб услышала мольбу:
 Умереть бы нам вдвоем
 И в одном лежать гробу.

Мне стезя одна — в Измир,
 Приведет она в Измир.
 Как заплачешь — плачь украдкой,
 Не рыдай на целый мир.

Слева роза, справа роза,
Где какого нрава роза?
Соловья шипом пронзила,
Оттого кровава роза.

Ты была надеждой мне,
Я песком лежал на дне.
Жизнь прошла, и мне отрады
Не найти в грядущем дне.

Глянь-ка ввысь — ни облачка,
Засветись, как звездочка,
Что — луна! Свое лицо
Приоткрой немножечко!

Солнце спорило с луной,
Похвалялись красотой.
Вышла ты — умолкли сразу,
Не тягаться им с тобой.

Всей семьей пичужки ходят,
Бойко вслед друг дружке ходят.
Без чадры идет красавица —
Под чадрой дурнушки ходят.

Рдеют розы во дворе,
Во дворе, как на ковре.
Расставаться каждый день бы
Мне с любимой на заре.

Где силок, а где кусты,
Где стрелок, а где кусты?
О других вздыхать не стану,
Если в сердце только ты.

Мне не спится — как начать?
Не ложится — как начать?
Соловья привыкла роза
На ветвях своих качать.

Рядом с вашим садик мой —
За стеною за глухой.
Перелезь через ограду —
Мы натешимся с тобой.

С дальних горок я сошел,
Путь мой горек и тяжел.
Мы с тобой встречались тайно,
Так откуда слух пошел? . . .

О тебе одной пою,
От беды больной, пою.
Исцелит твоя улыбка
Душу бедную мою.

Мной, родная, не играй,
Не кидай из края в край.
Все покинули меня —
Только ты не покидай.

Птицы в вышине уже,
Не догнать их мне уже.
Кто б ни глянул на тебя,
Глядь — душа в огне уже.

На горах — весенний цвет,
Да тоска мне застит свет.
Ухожу, прости-прощай,
На возврат надежды нет.

Высока у вас ограда,
Да тебя увидеть надо.
Все глаза я проглядел,
А в награду — ни полвзгляда.

Я красавицу люблю
 И разлуку не стерплю.
 Посажу я душу в клетку
 И любимой отошлю.

Милый ходит по горам,
 По ущельям, по долам.
 Дай обнимемся — посмотрим:
 Подойдет ли это нам.

Тонкой бровью не играй
 И любовью не играй.
 Никакого нет терпенья —
 Ты надежду мне подай.

Нарядилась ты, подруга,
 Ты милей мечты, подруга.
 Светом красоты твоей
 Озарилась вся округа.

Усомнился — ты ль одна
 Так пригожа, так умна.
 Стал похожую искать —
 Убедился: ты одна.

Шел к любимой день за днем,
 За подъемом брал подъем.
 Подожгла меня любовь,
 Загорелись мы вдвоем.

Льется речка с дальних гор.
 Перелезь через забор.
 Дай тобою полюбуюсь —
 Просветлеет хмурый взор.

К роднику ручей преник,
 Что мне речка, что родник!
 Я из роз рубаху сшила,
 Из бутонов — воротник.

Разразилась ливнем высь,
 С гор потоки полились.
 Как сладка любовь — не высказать,
 Первую — на всю бы жизнь!

Соль равнины различить,
 Лед вершины различить.
 Разлучить влюбленных можно —
 Их сердца не разлучить.

Во дворе растет фисташка,
Дерево и плод — фисташка.
Милая сложила губки —
Я сказал: не рот — фисташка.

Я веду с недавних пор
Сам с собою разговор.
Как лицо твое мне вспомнится,
На луну смотрю в упор.

Мы в одном огне горим
И не можем сладить с ним.
Все записки шлем друг другу,
А когда ж поговорим?!

Верх горы в тумане сплошь,
Тот туман густой, как ложь.
Я тебе бы отдал сердце,
Да боюсь, что разобьешь.

Милый вспомнил обо мне,
Гикнул в горной стороне.
Поспешил ко мне, помог —
Я теперь в двойном огне.

Жди, когда исправится
 Вздорная красавица.
 Будешь при смерти лежать —
 О здоровье справится.

Причешись — не нагляжусь,
 За всю жизнь не нагляжусь.
 Пусть казнят хоть каждый день —
 От тебя не откажусь.

Я пути боюсь морского,
 Но в него пускаюсь снова.
 Может быть, не возвращусь —
 На прощанье молви слово.

Вся гора в цветах опять,
 Кто-то будет их срывать?
 Как назвать любовь такую,
 Что приходится скрывать?

Ты красивая сама,
 Так зачем еще сурьма?
 Для того глаза подводишь,
 Чтобы нас сводить с ума?

И у нас бутылъ одна,
 И у вас бутылъ одна.
 Я одной тобою пьян
 И с вином, и без вина.

У меня, у сироты,
 Нет заветнее мечты:
 Ты меня прижми к себе,
 Приласкай немножко ты.

Драгоценный мой глазаст,
 Он фиалки рвать горазд.
 За него отдам я душу,
 Если мне свою отдаст.

Гром гремел и дождик лил,
 Больше горный край не мил.
 Проходил сто лет в стрелках,
 Ничего не подстрелил.

Ходит милая моя,
 Ходит гордо, как ничья.
 Ночь прошла — ее всё нету,
 Днем зайдет — надеюсь я.

Я в саду цветы лелею,
О любви мечты лелею.
Мотылек, как я, влюбился
В белотелую лилею.

Ты на сетку погляди
И на клетку погляди.
Сколько родинок у милой,
Столько ран в моей груди.

Прокатить по льду тебя,
Превратить в звезду тебя.
Я считаю в небе звезды —
Каждой ночью жду тебя.

Что у птицы на груди
Серебрится — погляди.
Приходи под вечер в гости,
А под утро уходи.

На Кяпаз в упор взгляни,
На его убор взгляни,
Хочешь вспомнить кудри милой,
На вершины гор взгляни.

Полюбить да отступить —
 Мне вины не искупить.
 Ты отступницею станешь —
 Как с тобою поступить?

Слух через хребты пришел,
 С дальней высоты пришел.
 Месяц вышел из-за тучи —
 Мне на память ты пришел.

Сон уносит вдаль тебя,
 Согревает шаль тебя.
 Сладко спиется на рассвете —
 Разбудить мне жаль тебя.

Мрак ушел, осталась мгла,
 Мгла густа и тяжела.
 Ничего, что я умру, —
 Только б милая жила.

Как зиме весной не стать,
 Так звезде луной не стать.
 Та, что любишь, всех красивей —
 Равной ей не отыскать.

Молвил слово невопад
 И осекся: виноват!
 Попросил я поцелуя —
 Просит жизнь она в заклад.

Морем яростным взреву,
 Сеть и парус разорву.
 Правый глаз тебе отдам —
 Я и с левым проживу.

Мой последний час пробьет,
 Смерть с косою за мной придет.
 Если ты распустишь косы,
 Смерть в их сети попадет.

Хороши в саду цветы,
 Только не войду в цветы.
 Превратись весь мир в цветок —
 Ты мне нужен, только ты.

Тюбетейку берегу,
 Не забуду на лугу.
 Что мне мир? Я на тебя
 Наглядеться не могу!

Ты еще не расцвела,
Только друга извела.
Мне давала обещанья —
Жизнь другому отдала.

У меня вся грудь в крови,
Сердце вынь и разорви.
Плачешь — все глаза проплачешь,
Да не выплачешь любви.

В дом дорога через сад,
Нет ли в том саду засад?
За любимую влюбленный
Должен жизнь отдать в заклад.

Если жизнь — всего пять дней,
Что же нам дрожать над ней?
Поцелуй меня еще —
Разве станешь ты бедней?

Если вновь не выйдешь ты,
Знай, меня обидишь ты.
Я сгораю от любви,
Дыма нет — не видишь ты.

Ты, горянка, не смугла,
 Как сберечь лицо смогла?
 Мать — скала, отец — утес,
 Ты, как облачко, светла.

Стал совсем отпетым я,
 Мраком стал, не светом я.
 Говорят, что ты в обиде
 И повинен в этом я.

Дорогой цветок подрос,
 Засверкал цветок от рос.
 Ты в саду — я не могу
 Отличить тебя от роз.

Я — ашыг, попал в беду,
 Я задаром пропаду.
 По косе, как по канату,
 Я над пропастью пройду.

Я — на солнце, ты — в тени,
 В тень меня перетяни.
 Жизни можно враз лишить —
 Ежечасно не казни.

Ты поскачешь на коне,
 Не подашь и знака мне.
 Я пьянею от любви —
 Что хорошего в вине!

Под чадрой лицо — взгляну,
 Приоткрой лицо — взгляну.
 Провалиться мне потом,
 Если гляну на луну.

Отмываю сажу я,
 А морщин не сглажу я.
 Красоту увидеть — счастье,
 Дай взглянуть — не сглажу я.

Преграждает путь утес,
 И нельзя столкнуть утес.
 Кто разлуку пересилил,
 У того не грудь — утес.

Рот раскроешь — глянуть любо:
 До чего жемчужнозуба!
 Так тонка — зачем же ты
 Разговариваешь грубо!

Я готов болеть сильнее,
Только ты не заболей.
Пусть тебя хранит судьба —
Жизнь моя в судьбе твоей.

У меня не две души:
Обнимаешь — не души.
За душою смерть придет,
Глянет: нет давно души.

Нет певца, чтоб спел под саз,
Нет врача, чтоб хворых спас.
Сердце любит — глаз не видит,
Разделяют горы нас.

На закат уходит день,
Спать олень уходит в тень.
Под стрелу моей любимой
Грудь подставлю, как мишень.

Я в груди берег любовь,
Убережь не смог любовь.
В грудь мою запала искра —
Сам сгорел и сжег любовь.

Не забудешь томных век,
Светлых глаз и темных век.
Ты пойдя побудь с любимой,
Да недолго — только век.

Стала крепость мне видней
И равнина перед ней.
Расставаться с милой трудно —
Встретить вновь еще трудней.

Солнце встанет — снег в тени,
Не растает снег в тени.
Дни считать — они плетутся,
Не считать — летят они.

Жизнь хотя и тяжела,
Всё же смерти не желай.
Ты умрешь — меня убьешь,
Я умру, чтоб ты жила.

Хлеб мой черен, соли нет,
Мир просторен, воли нет,
Мне разлуки достаются,
А на встречу доли нет.

Помогаешь слабо ты,
 А меня спасла бы ты.
 Пусть весь мир Қаабой станет —
 Мне милей Қаабы ты.

Ручеек течет к реке.
 Что его влечет к реке?
 Без тебя, любовь моя,
 Погибаю вдалеке.

Чужедальние края,
 Может быть, погибну я.
 Кто на родине заплачет?
 Только девушка моя.

Я люблю — гляди сама,
 Как люблю — суди сама.
 Я извелся по тебе —
 Говорят: «Сошел с ума».

Я родной покинул стан —
 Гибкий твой увидел стан.
 А глаза твои — как угли:
 Из-за них я пеплом стал.

Я с дороги не сойду,
 Ноют ноги — не сойду.
 В сад сто лет ходить не буду,
 Если милой нет в саду.

Кто тревожил там листву,
 Уничтожил нам листву?!.
 Прикоснусь к груди губами —
 Я и мертвый оживу!

Жду кинжал давно, пришли,
 Ржавый — всё равно пришли.
 Мне пять яблок посылаешь —
 Надкуси одно — пришли.

Свет растаял, мрак пришел,
 Я не знаю — как пришел.
 Ночью я тебя ждала,
 Что ж ты днем, чудак, пришел!

Крыши рядышком у нас
 И балконы в самый раз.
 Глянь оттуда, я — отсюда,
 Пусть враги лишатся глаз.

Грусть мою развей, судьба,
 Грудь мою согрей, судьба.
 Иль к любимой приведи,
 Иль в пути убей, судьба.

Финик — не услада мне,
 Даже из Багдада мне.
 Ни свиданий, ни прощаний —
 Ничего не надо мне.

Я — ашыг, я — книгочей,
 Сколько я не спал ночей!
 Всё твоих очей боялся,
 Будто братьев-палачей.

Милый мой, темно в ночи,
 Город спит давно в ночи.
 Если хочешь повидаться,
 Оседлай коня, скачи!

Сад расцвел, и дом готов —
 Двор не хуже всех дворов.
 Спросят: скоро ль милый будет?
 Скажем: был бы жив-здоров!

Сколько улочек глухих,
 Пел петух, и тот утих.
 Ты свою любовь окликнешь —
 Отзовется сто чужих.

Брови — черные кусты,
 А ресницы так густы,
 Что закрыли мне глаза —
 Не видал, как вышла ты.

Схож с луною облик твой,
 Брови схожи с тетивой.
 Я боюсь сомкнуть ресницы —
 Вдруг исчезнет образ твой.

Поспевает виноград,
 Гроздья тучные висят —
 Я на брови поглядел бы,
 Да глаза твои грозят.

Долго ль кровью изойти,
 Если нет ее почти!
 Вот бы бог послал предлог
 Снова к милому зайти.

Я — ашыг, в огне стою,
Дай прозренья мне — спою.
Я от тысячи красавиц
Отличу любовь свою.

Подрубили пшат весной,
Завалили пень стеной.
Девять юношей убили
Из-за девушки одной.

Ты сплела из кос венец,
Из каштановых колец.
Ты в любви моей разбитой
И начало и конец.

Я с тропы упасть хочу
Иль в рабы попасть хочу.
Чтоб изменницы не видеть,
Умереть, пропасть хочу.

В сад зашел нарвать букет,
Да с ветвей опал весь цвет.
Знал бы я тебя сначала,
Не влюблялся бы сто лет.

Рос цветок, на воле рос,
Гроз навиделся и рос.
Словно роза, ты красива —
На тебе венок из роз.

Что за яблоко — огонь,
Обжигает мне ладонь.
Жизнь мою берешь — бери,
А любимую не тронь.

Хватит, речка, не гуди,
Все уснули — не буди.
Бурку милый позабыл —
Чем укроется в пути?

До чужих мне дела нет,
Мне своих хватает бед.
Сам скорее возвращайся,
А на что мне твой привет?

Куропатки гнезда вьют,
Дождевую воду пьют.
Если есть от милых весть,
Люди плачут иль поют.

Птица ранена судьбой,
 Машут крылья вразной.
 Разлучает смерть людей —
 Я живой, да не с тобой.

Милый мой, не мельтеши,
 Лучше камни отеши.
 Две души соединятся —
 Уголок найдут в тиши.

Золотым кольцом блеснуть
 Не желаешь ты ничуть.
 Ты какой реки струя,
 Что менять не хочешь путь?

Сколько снегу ветер сгреб,
 Посмотри, какой сугроб!
 Если ты в постель не пустишь,
 Вот пойду и лягу в гроб!

Долго целился и вновь
 Угодил не в глаз, а в бровь.
 Только раз один мигнул —
 Проморгал навек любовь.

Поднимает ветер вой,
 Замерзаю, дверь открой.
 Ты брани меня как хочешь,
 Только б слышать голос твой.

Парень тропку проторял,
 Песню робко повторял.
 Загрустил о милой парень —
 Где-то стадо потерял.

Я гадаю: где кусты.
 Здесь вода, в воде кусты.
 Подмету дорогу, если
 Скажут мне, что едешь ты.

Тарантас в пыли пройдет,
 Парень девушке мигнет.
 Виноваты не ребята —
 Всё от девушек идет.

Вешний вечер, поздний час,
 Тьма, никто не видит нас.
 Нацелуемся с тобою
 Мы сегодня про запас.

Я влюбилась, ой, гора,
Тайну мне открой, гора.
По тебе прошел мой милый —
Стала ты святой, гора.

Розы алые горят —
Не сгорят цветник и сад.
Я сгораю от любви —
«Лихорадка», — говорят,

Словом в песне стать хочу,
Камнем в перстне стать хочу.
Там, где девушки сидят,
Я неслышно встать хочу,

Разгребать ты жар устал,
Красным ты от жару стал.
Ты попросишь поцелуя —
Баш усте — пожалуйста!

Я поспать в тени хочу,
Вспоминать те дни хочу,
Как тебя во сне увижу,
Просыпаться не хочу!

Черный шелк для шали плох,
 Как ни украшали — плох.
 Шел на тихое свиданье —
 Произвел переполох!

Дай воды мне, Арпачай,
 Заварю я крепкий чай.
 Счастье, парень, не проспи —
 Выйди милую встречай.

Ты ко мне приди, прильни,
 Хоть во сне приди, прильни.
 На подушке жестко спать —
 Ты к моей груди прильни.

В сад одна тропа ведет,
 Там одна хурма цветет.
 Целоваться — так без счета,
 Поцелуй один — не в счет.

У забора я стою,
 Полночь скоро — я стою.
 Пой погромче, соловей,
 Разбуди любовь мою.

Я в огне, не знаешь ты,
 Обо мне не знаешь ты.
 Разобью я твой кувшин —
 Стан под ним сгибаешь ты.

Значит, ты судьбе нужна,
 Что она к тебе нежна.
 Ты граната пожелала —
 Мне желанна ты одна.

Над горами мгла и мрак,
 Коршун кинулся в овраг.
 Отчего тебе не нравлюсь —
 Не могу понять никак.

Как печально одному.
 Веришь слову моему?
 Летом в роще поцелую,
 В стужу — дома обниму.

Мимо сада враг прошел —
 Враг прошел, и страх прошел.
 Говорил: «В долине жди» —
 Что же ты в горах прошел!

Нет со мной опять тебя,
Не дозваться-звать тебя!
Ты устал идти ко мне —
Я устала ждать тебя.

Дни и ночи напролет
Кто-то терпит, кто-то ждет.
Обещался через месяц —
Возвратился через год.

Папиросу закурю,
Закурю, да не сгорю.
Я уйду, тебя покину,
Как ты вспыхнешь — посмотрю.

Тюбетейку постирай,
Посуши — не замарай.
Ты не очень-то красива,
Нос не слишком задирай.

Истерзало горе грудь,
Милый держит в море путь.
Поднимается волна —
Перестань, моряна, дуть!

Путь прямой — не искриви,
 Ты со стеблем розу рви.
 Все тебя осудят, если
 Я погибну от любви.

Что молчишь? Скажи словцо,
 Где изнанка, где лицо.
 Мы прильнем к щеке щекою —
 Скажут нам: одно лицо.

Стая рвется, как стрела.
 В стае птицам нет числа.
 Доброе шепнул я слово —
 Ты его дурным сочла.

Город в поздний час утих —
 Кто увидит нас двоих!
 Стал мой день чернее ночи
 Из-за черных глаз твоих.

Так ли, этак — нет вражды,
 Нет вражды, и нет нужды.
 Пыль покрыла мой порожек,
 А под ней — твои следы.

На Ширване виноград,
 Наши рвали виноград.
 От тебя не откажусь —
 Я стерплю упреков град.

Ты в какой ни выйдешь путь,
 К нам старайся завернуть.
 На рассвете, на закате,
 В полдень будь и в полночь будь.

Путь немилый я терплю,
 Грудь заныла, я терплю.
 Что ж печалиться тебе,
 Если я тебя люблю!

Кто-то плачет у ручья —
 Может быть, утешу я.
 Утешал бы незамужних —
 У замужних есть мужья.

Наточи кинжал острей
 И убей меня быстрей.
 Сердце ты возьми, как саз,
 И прижми к груди своей.

На деревьях хилый цвет.
Сад увянет или нет?
На смуглянку взгляд я бросил,
А она в ответ — букет.

Огоньком я стать хочу,
Мотыльком я стать хочу.
Милая с кувшином выйдет —
Родником я стать хочу.

Стать бы коркой ледяной,
Мятой горькой, ледяной.
Милый мой к ручью подходит —
Мне остаться бы одной.

Ты сказал: «Храни секрет».
Я храню все дни секрет.
От секрета сердцу тесно,
Говорит: «Верни секрет».

Вышел к звездам смелый месяц,
К синим звездам — белый месяц.
С той, что видел каждый день,
Я не вижу целый месяц.

563

Жить не стану без тебя,
В сад не гляну без тебя.
Ранен я, лечить не буду
Эту рану без тебя.

564

Одинокий мак стоит,
Над горою мрак стоит.
Не могу к тебе прийти —
На дороге враг стоит.

565

Светит месяц кое-как,
Не осветится овраг.
Так приди и так уйди,
Чтоб не знал ни друг, ни враг.

566

Улетели журавли,
Ливни желтые пошли.
Нет бумаги — на осеннем
На листочке весть пошли.

567

Не летите, облака,
Погодите, облака.
Я сейчас письмо закончу —
Отнесите, облака.

Я прошусь и в путь пушусь,
Не рыдай, когда прошусь.
Не водись ни с кем другим —
Я уйду и возвращусь.

Приударил дождь сильней —
Пьет земля и просит: «Лей!»
Как насытиться — не знаю —
Мне любимую моей.

По горам хотим пройти,
Трудно там двоим пройти.
Ты уходишь — как бы мне
По следам твоим пройти!

Нет вестей — кого винить?
Журавлей распалась нить.
С той поры, как ты замолк,
Камни стали говорить.

Я в неволе, я в огне,
Ты в далекой стороне.
Никого с тобою нет —
Кто ж напомнит обо мне!

Бил охотник поутру —
Промахнулся на ветру.
Грустноокая, не плачь —
Я от раны не умру.

Бьет озноб ночной меня,
Днем изводит зной меня.
Утром косы расплети —
В их тени укрой меня.

Отступает тень моя,
Подступает смерть моя.
Я умру — пускай не знает
Лань моя, что умер я.

Бей с размаху — не держу,
Бей без страху — не дрожу.
Голову на грудь твою,
Как на плаху, положу.

Тронусь в путь, изгнанник, я,
Роз не тронул ранних я.
Если скажут: странник умер,
Знай, что этот странник — я.

Дождь пошел, весна пришла,
День прошел, луна взошла.
Я напрасно изнываю —
Нет любви, она ушла.

На окне — железный прут,
Под окном вьюнки цветут.
Речи девичьи приманят,
Молодца с пути сведут.

Я сгорел, золою стал,
Я твоим слугою стал.
Птичью речь не знал, а ныне
Соловьем я засвистал.

Сделай птицею меня,
Смелой птицею меня,
Иль сведи в проулке темном
С белолицею меня.

Шум и смех у родника,
Встретишь всех у родника.
Розой звать тебя не буду —
Жизнь у розы коротка.

Лань — бедняжка; пожалей,
 Стонет тяжко, пожалей.
 Знаю, целишься в меня,
 Не порань меня — убей.

Над горами тучи, мгла,
 Покрывает кручи мгла.
 Сокрушит скалу Фархад,
 Чтоб Ширин пройти могла.

Ветерок веселый, вей,
 На поля и села вей.
 К соловью не ходит роза —
 Ходит к розе соловей.

Не забуду кос твоих,
 Не забуду роз твоих.
 Будет плохо — плачь тихонько,
 Пусть не видят слез твоих.

Я тебе принес тюльпан,
 Поливай, чтоб рос, тюльпан.
 Где любви хотя бы капля,
 Там терпенья океан.

Жесткий локон, не ужаль,
 Лоб высокий не ужаль.
 Красоты тебе не жалко,
 Мне души совсем не жаль.

«Что ты медлишь у дверей,
 Будешь гостьей, будь смелей».
 — «Подожди, спрошусь сначала
 Я у матери своей».

В Карабахе поле есть,
 Льда и соли вволю есть.
 Две души одною станут —
 Кто посмеет в душу лезть!

Год прошел, и сад весной
 Покрывается листвою.
 Подхожу — не отвечает,
 Ухожу — кричит: «Постой!»

Вышел на равнину я,
 Расправляю спину я.
 Где увижу соколицу,
 Там и сеть раскину я.

Ты не стала мне родной —
Враг смеется надо мной.
Не стыдиться за меня,
А гордиться надо мной.

Не было косы черней,
А теперь седины в ней.
Я змеи не испугаюсь,
А боюсь косы твоей.

Причесать бы мне тебя,
Разубрать бы мне тебя.
Наяву давно не вижу —
Увидать во сне б тебя.

Туча давит, как свинец,
Неразбитых нет сердец.
Наклонись-ка, поцелую —
Всё равно один конец.

Всё метели до утра,
Невеселая пора.
Грудь любимой для меня —
И равнина, и гора.

Держит птица ночью путь,
Серебрится птичья грудь.
На ночь с вечера останься —
Спозаранок снова в путь.

Гость прощаться не хотел,
Возвращаться не хотел.
В белотелую влюбился,
Оттого и пожелтел.

Майский мед, целебный мед,
Райский мед, волшебный мед.
Та воистину красива,
Что прикрас не признает.

Отложила мой букет,
Позабыла мой секрет.
Умираю на чужбине,
А тебе и горя нет!

Не хочу топтать траву —
И фиалку не сорву.
Мне тебя во сне увидеть —
Всё равно что наяву.

Думал, соколом взлечу,
 Да вот камнем вниз лечу.
 Наклонись-ка, поцелую —
 Все недуги излечу.

Месяц, лучше посвети,
 Из-за тучи посвети.
 Напиши газель, приятель,
 И газели посвяти.

Скрылся в роще соловей —
 Не найдешь среди ветвей.
 Сердце девушки забилось —
 Значит, милый скачет к ней.

Бирюза в кольце блестит.
 Пусть петух не голосит:
 Милый вечером заедет,
 Только ночку погостит.

Глянь в окно, тебя люблю,
 Я давно тебя люблю.
 Ничего, что небогатый,
 Всё равно тебя люблю.

Парень строен и высок,
Он охотник, он стрелок,
Я люблю его, люблю,
А ему и невдомек.

Я на яблоко смотрю,
Надкушу — посеребряю.
Брат просил — не отдала,
А тебе сама дарю.

Парень мой голубоглаз,
Крепость, а не дом у нас.
Крепко я люблю, да помню
И родительский наказ.

Я — звезда, а не луна,
Здесь я — дочь, а не жена.
Что же медлишь у порога —
Видишь, в доме я одна!

Погляди на мой наряд,
Как на нем цвета горят!
Если хочешь повидаться,
Приходи к соседям в сад.

613

Я — ночным цветам родня,
Без тебя не встречу дня.
Чтоб постель жаровней стала —
Спать не надо без меня!

614

Звонкая подкова я,
Родинка бедовая.
Не вздыхай напрасно, братец,
Жду совсем другого я.

615

Я расту у родника,
Как тростиночка хрупка.
Пусть для всех я неприглядна,
Да красива для дружка.

616

Ни во сне, ни наяву
Сажай снег не назову.
Тот, кто ищет соколицу,
Не посмотрит на сову.

617

Не Аракс я, нужды нет
Заливать мне белый свет.
Обо мне оценщик скажет:
«Это — редкий самоцвет».

Ветер, ветер, тише дуй,
 Нашу речку не волнуй.
 Я на ситец спорю с милым,
 Он со мной — на поцелуй.

Спелых яблок не возьму,
 Белых яблок не возьму.
 Мой любимый на чужбине —
 Шлите яблоки ему.

Обнимались мало мы,
 Целовались мало мы.
 Поздно встретились с тобою
 И расстались рано мы.

И папаха в самый раз,
 И рубаха в самый раз.
 Ты в горах, а я в долине —
 Угораздило же нас!

Я нарцисс в саду сорву,
 Брошу — пусть лежит во рву.
 Ты уедешь — помертвею,
 Ты вернешься — оживу.

Смех и слезы — мне одной,
 Все угрозы — мне одной.
 Не заботься о гостинце —
 Хватит розы мне одной.

Если скажут: «Под горой
 Показался милый твой», —
 Я навстречу побегу
 С непокрытой головой.

С неба снег густой идет,
 К дому путь крутой идет.
 Надо выйти посмотреть —
 Может, милый мой идет.

Есть ли солнце, есть ли тень?
 Здесь и солнце, здесь и тень,
 Две души соединятся —
 Станет праздником тот день.

СЕМЬЯ. БЫТ

Суженому — к суженой,
 Золоту — с жемчужиной.
 На земле красавиц много —
 Назови одну женой.

Нам красавица нужна.
 Быть должна какой она?
 Белолицей, темнокозой,
 Сероглазой быть должна.

Из порядочной семьи
 Некрасивую возьми,
 Из дурной семьи красотка
 Осрамит перед людьми.

Загляни поглубже в грудь,
 Чтоб себя не обмануть.
 Не садись на трон с немилым,
 Нищей стань, да с милым будь.

Роза нравится — сорвут,
 Позабавиться сорвут.
 Страхолюдину с приданым
 Раскрасавицей зовут.

На горах коснется льда,
 Не растопит солнце льда...
 Нелюдимой оставаться —
 Нелюбимой быть всегда.

Мне б утешиться, да просто ль?
 Платье ей купил по росту ль?
 Три весны, как обручен, —
 Не видал ни разу вдосталь.

Саз возьми, ашыг, с собой,
 Нас возьми, ашыг, с собой.
 Обручаешься зимою,
 А поженишься весной.

Кину камень в петушка —
 Не задену гребешка.
 Отложить придется свадьбу
 До осеннего снежка.

Было грусти мало мне,
 Горя не хватало мне.
 Чтоб ты сгинула, гадалка,
 В день, когда гадала мне.

Подождешь — венок совью,
 А пока цветок даю.
 Я просватана давно —
 Проклинаю мать свою.

Что с колечком — посмотрю,
Что с сердечком — посмотрю
Я просватана давно —
Маму я благодарю.

Возле речки на ветру
Придержу-ка я чадру.
Неженатого хочу —
Мне вдовец не ко двору.

Неужели от творца
Эта мука без конца?
Выхожу я, молодая,
Да за старого вдовца.

Мой кудрявый, будь смелей,
Не копайся у дверей.
Мать с отцом давно уснули —
Умыкай меня скорей.

Гибну я в твоём огне,
Гибну по твоей вине.
Я тебя считала честным —
Не хитри — женись на мне.

Милый, не женись на мне,
 Силой не женись на мне.
 Семьянином ты не станешь —
 Сжался, не женись на мне.

Речка льется напрямик,
 В наш вливается арык.
 С милым я слюбилась тайно —
 Мать, боюсь, поднимет крик.

Погляди, судьба, сама,
 Их сведи, судьба, с ума.
 Сваты в дом наш не приходят —
 Развали ты их дома.

Не линял в воде кисет,
 Не менял свой красный цвет.
 Сваты к нам стучатся в двери —
 Тех, которых жду, всё нет.

Видишь, день идет к концу,
 Видишь, тень идет к крыльцу.
 Вправду любишь — засылай
 Сватов к грозному отцу.

В стенку я воткну иглу —
 Надоело ждать в углу!
 Сам отправлюсь сватом к милой —
 Свату почесть, как послу.

Милый мой, ты к нам идешь,
 По моим следам идешь.
 Что б твои пропали сваты —
 Вместо них ты сам идешь.

Льется дождик — солнца нет,
 Солнце встанет — льется свет.
 Умыкни меня — от сватов
 Каждый день отбою нет.

Одинок я, одинок,
 Отомкну любой замок.
 Мать с отцом не отдадут —
 Умыкну тебя, дай срок.

У меня кольцо одно —
 Память матери оно.
 Я даю кольцо тебе —
 Обрученье решено.

Я бы сватался давно —
 Ваши против всё равно.
 Ты ко мне украдкой выйди —
 Не увидят, здесь темно.

Шел бы ты гулять, дружок,
 Шелком щеголять, дружок.
 Возле дома не слоняйся —
 Обругает мать, дружок.

Навевает ветер грусть,
 Нагрущусь — расхожусь:
 Любит милая другого,
 Нареченным я зовусь!

Вечер долог, мерь — не мерь,
 И никто не стукнет в дверь.
 Ты поссорилась с любимым,
 Пропадай с тоски теперь.

Над ущельем я стою,
 Для веселья вам спою.
 Свата я послал к соседке —
 Он просватал дочь свою.

Срежешь розу — не сомни,
В мягкий бархат заверни.
Выйдешь замуж по любви —
Будут радостными дни.

Я держусь едва-едва,
Точит грусть не день, не два.
Пляшет гордая невеста —
Плачет горькая вдова.

Пот с лица смахни теперь,
Отдохни в тени теперь.
Нелегко любовь досталась,
Ты ее цени теперь.

Больно я платок люблю,
Да на время уступлю.
Потанцуй — верни платок,
Черноглазой отошлю.

На озерах тает лед,
Птичьим стаям — перелет.
Дочь с тобой разделит горе,
А невестка засмеет.

Шлет стрелу одну, и две,
И крадется по траве.
Кто живет за счет жены,
Бьют того по голове.

Плов помешивай, свекровь,
Да поменьше вой, свекровь.
Лед на лоб клади — мне мужем
Стал сыночек твой, свекровь.

Утром курицу украл
Из курятника шакал.
Эй, свекровь, невестка мерзнет,
Чтоб твой сын вот так дрожал!

Разве стоил он любви?
И какая ты Лейли?
Парня выбрала сама —
Не кричи, что обвели!

Переждать бы надо ночь
И не гнать бы стадо в ночь.
Любит-холит мать сыночка —
Приневолит чья-то дочь.

На горе блестит снежок,
На траве хрустит снежок.
Обожжет меня невестка —
Дочь подует на ожог.

От нагорного огня
Стала ночь светлее дня.
Пусть меня свекровь не любит —
Не разлюбит муж меня.

Ох, невестка варит плов,
Мало риса — много слов.
Провозилась целый день,
Сели есть — как камень плов.

Врет бездельница — молчим,
Мелет мельница — молчим.
Упрекнуть нельзя невестку —
Убежит она к своим.

Жир заляпает парчу —
Знать такого не хочу.
Силой отдали меня
Богачу-бородачу.

Я валюсь от ветерка,
 Извела меня тоска.
 Замуж родичи не взяли —
 Выдают за чужака.

Пропадала, улетаю,
 И пропала птичья стая.
 Замуж выдали силком —
 Жизнь пропала молодая.

Пригодилось решето —
 Прохудилось решето.
 Муж достался некрасивый —
 Жизнь красивая зато.

По ложбинке я бреду,
 По тропинке я бреду.
 Проклянута — твой муж помрет,
 На поминки я приду.

У игида бодрый вид,
 Что игида молодит?
 Верен конь, жена верна —
 Не состарится игид.

Мне сердечко вынули,
Прямо в печку вдвинули.
Что ж красавицу такую
За урода выдали!

Нити тонкие сучу,
Ткать я буду чесучу.
Соловей страдал, сердечный, —
Розу отдали сычу.

Наряжайся, не старей,
Ну, решайся, грудь согрей.
Со сварливую женою
Муж состарится скорей.

Снега белая стена
Да тумана пелена.
Муж стареет раньше срока,
Если много спит жена.

За ограду я шагну
Да на улицу взгляну.
Я ль тебе не угождала,
Что ж вторую взял жену?

Глянь на брата моего!
Как я рада за него!
В черный камень обратись,
Недруг брата моего!

Весть летит из дальних мест,
Весть разносится окрест.
Тяготится брат сестрою —
Брат сестре не надоест,

Сколько нас, твоей родни,
Всех навек соедини.
Стань ты деревом ветвистым —
Проживем в твоей тени.

Огород не городи,
Наперед не городи.
У тебя плохой сосед —
В дом другой переходи.

Посмеялись надо мной.
Что осталось мне одной?
Я пошла искать родню —
Потеряла край родной.

Пить хочу — пои меня,
Жить хочу — пойми меня.
Лучше близкие соседи,
Чем далекая родня.

На ограду я взгляну,
Не измерить вышину.
Сто печальниц, сто заботниц
Не заменят мать одну.

Шаль с кистями мне под стать,
Трудно кисти сосчитать.
Зятем став, полюбит тещу
Сын, который любит мать.

Нет воды — умрет трава,
Нет мечты — душа мертва,
Нет детей — живой как мертвый —
Мудрость жизни такова.

Пусть добра со всеми дочь,
Как пустое семя — дочь.
Если сына нет в семье,
Гостю держит стремя дочь.

Снег начнут метели стлать,
Как в такой постели спать?!
У бездетных есть занятие —
Небесам проклятья слать.

Станет месяцем звезда,
А вода — горою льда.
Были б в доме сыновья,
Нету дочек — не беда.

Хороша в горах весна,
Хорошо тропа видна.
Семерых сынов милее
Дочь хорошая одна.

Эй, девчонка, чья ты дочь?
Ты как яблочко точь-в-точь.
Мать с отцом тебя растят —
К нам уйдешь однажды в ночь.

Видишь — добрый жеребец,
Деньги на кон — и конец.
Уродится сын недобрый —
Добрый сгорбится отец.

Гнутся рослые кусты —
 Клонят росные цветы.
 Сын умрет — глаза проплачешь,
 Брат умрет — согнешься ты.

Угля много жжет жаровня,
 Пospешай — не ждет жаровня.
 Детям, что растут с отцами,
 Безотцовщина — не ровня.

На поляне мака нет,
 Ни цветка, ни злака нет.
 Сыновья у всех вернулись,
 Моего, однако, нет.

Чтоб отраду понимать,
 Горе надо понимать.
 Все родные ждать устанут —
 Будет мать терпеть и ждать.

Горка яблок золотых.
 Я сложу на полку их.
 Пусть покатится одно,
 Как появится жених.

Червяку на просе тлеть,
Тлеть сперва и после тлеть.
Не блеснуть луне сквозь тучи,
Сироте не просветлеть.

ТРУДОЛЮБИЕ — ЛЕНЬ

Поживет школяр простой
Бесприютным сиротой.
А когда пройдет ученье,
Дом построит золотой.

Ты учись, ученье — свет,
С малых до преклонных лет.
Замерзаю — нет терпенья,
А на шубу — денег нет.

Я учусь, азы бубня,
Вечерами близ огня.
Я без матери тоскую —
Ей тоскливей без меня!

Сколько пятниц, сколько сред —
Четверга меж ними нет.
Терпеливость — польза делу,
Торопливость — делу вред.

Розы станут медоветь —
Здесь и золото, и медь.
Ремесло верней богатства,
Мастерством бы овладеть.

Пробуй снасти все подряд,
Брат несчастий — недогляд.
Не помаешься в засаде —
Не поймаешь соколят.

На охоте не робей,
Не добыча — воробей.
Чтоб наполнился казан,
Покрупней фазанов бей.

Рано мы встаем, чуть свет,
На поля идем чуть свет.
Дохнет с голоду лентяй —
До него нам дела нет.

Сад посадишь — зацветет,
И песок не заметет.
Тот, кто пчелами не кусан,
Оценить не может мед.

Не кричи, не подбегай,
 Олененка не пугай.
 Хочешь верного коня —
 Жеребенка покупай.

Улетают облака,
 Или тают облака?
 Если холку трет упряжка —
 Бык в обиде на быка.

Не найти следов в горах —
 Ветер сдул дорожный прах.
 Сами кормятся верблюды,
 Овцы — те при пастухах.

БЕДНОСТЬ — БОГАТСТВО

Я скатился кувырком,
 Припустился прямиком.
 Наша правда на коне —
 Не угонишься пешком.

Времена, ах времена!
 Заржавели стремена.
 Каждый день — ослу ячмень,
 Ни зерна для скакуна!

Дождик, дождик, не части,
Бедность всюду не в чести.
Бедняку достался конь,
Только где его пасти!

Ливни хлещут по горам,
Не дают гореть кострам.
Медь полудой покрывают,
А богатством — стыд и срам.

Труден горный путь крутой,
Путь не торный, путь витой.
Над убожеством смеются
Сытость с праздной красотой.

Горы стонут, как сердца,
Громким стонам нет конца.
Лучше честного палатка,
Чем палаты подлеца.

Горше горя на веку
Не встречалось бедняку.
Запрягу в соху кручину
И посею грусть-тоску.

Привечали бедняка,
Приручали бедняка.
Волны так утес не гложут,
Как печали — бедняка.

Не посмотрят — перейдут,
Не поспорят — перейдут.
Над рекою слез сиротских
Мост построят — перейдут.

Мрачен день, и ночь черна,
Плачет день и ночь зурна.
Что ж на мельницу идти, —
Ни осла нет, ни зерна!

Я — ашыг, пойми, бедняк,
Я прошу — прими, бедняк.
Съест голодный всё, что может,
Да глаза насытить как?

Не пришел ашыг назад,
Заблудился, говорят.
Бедняки дождя просили —
Значит, с неба грянет град.

Розы в садике цветут,
Руки девичьи их рвут.
Будь мудрее мудреца,
Если бедный — засмеют.

Ты шагнешь — брести не даст,
Речь начнешь — вести не даст.
Не насытится хозяин,
Хоть крестьянин всё отдаст.

Не дошел бы до суда,
Да беда гнала сюда.
Ты на хана и на змея
Не надейся никогда.

С горных пастбищ вести нет,
Ни овец, ни шерсти нет.
Счастья нет у бедняков —
У богатых чести нет.

Человека по уму
Разгадаю и пойму.
Скопидому будет мало,
Хоть полмира дай ему.

«Что там?» — «Видишь сам — туман».
 — «А вот там?» — «И там — туман».
 Лжец однажды молвил правду —
 Люди думают: обман.

До чего Ширван богат,
 Весь Ширван как вешний сад.
 У простого — сто деревьев,
 У скупого — сто оград.

Есть у щедрого еда,
 Есть захочешь — не беда.
 Сто скупых одну тарелку
 Не наполнят никогда.

Ешь свое — и впрок пойдет,
 Раздари — тебе почет.
 Сам добро свое используй:
 Что оставишь — враг возьмет.

Горный снег не любит тьму,
 Боль любимой я уйму.
 Не останется богатство
 Напоследок никому.

Если б зависть и вражда
Не сулили бы вреда,
Ни заповров, ни заборов
Сад не знал бы никогда.

Как зарядит дождь с крупой —
Так заладит нить скупой.
Масло к маслу потечет,
А крупа лежит с крупой.

Ты в забавах, ты — ага,
Я в заботах, я — слуга.
У завистливых людишек
Жизнь горька и недолга.

Солнце — словно золотой,
Свет струится золотой.
Золотой престол не нужен,
Жить бы жизнью золотой.

Дам тебе совет простой:
Где присядь, а где постой.
Свой айран вкуснее плова,
Если этот плов не свой.

743

Хоть гора и высока,
Ни снежинки нет пока.
Ни граната, ни айвы
Нет в саду у бедняка.

744

Глянь, какая синева,
Глянь, какая тетива.
Какова работа, глянь-ка,
А награда какова!

РЕЛИГИЯ — ДУХОВЕНСТВО

745

Издает молла-пузан
Клич молитвенный — азан.
Не надейся на моллу —
Виден жулик по глазам,

746

Вот ашыг помолвки ждет,
А молла поминок ждет.
Хоть больной ни жив ни мертв —
Пусть молле подарки шлет.

747

Ткани много? Два вершка.
Нет ни бога, ни божка.
Кто аллаха так дубасит,
Что трещит его башка?

Вертелов-то белых нет,
И зубов-то целых нет.
Веселюсь на *этом* свете:
До *того* — мне дела нет.

ОБИДЫ И ЖАЛОБЫ

749

Глянет солнце с высоты,
Улыбнется с высоты.
Шлет судьба что пожелает —
Хочешь иль не хочешь ты.

750

Соловей страдал от роз,
Сам теперь им грусть принес,
Времена пошли такие:
Мало смеху, много слез.

751

Не меняют годы рек,
Прямо льются воды рек.
Только время вспять пошло —
Заблудился, видно, век.

752

С мглой туман густой уходят,
Будто брат с сестрой уходят.
Дни уходят чередой,
Жизнь они с собой уводят.

День за днем, за годом год,
Это — вечный хоровод.
День иной дороже года,
Дня иной не стоит год.

День иной длиною в год —
Самых стойких изведет.
Даже горы застонали —
Тяжко давит небосвод.

Есть замазка, погляди,
Есть закваска, погляди.
Дни ушедшие не трогай —
В те гляди, что впереди.

Дымка тихой мглой течет,
Всюду ровный слой течет.
Свой веди расчет, да помни,
Что у неба свой расчет.

Кто ни глянет на поток,
Отопьет хотя б глоток.
И никто не хочет знать,
Где находится исток.

Кто по кромке льда пройдет?
 Ненадежен хрупкий лед.
 Как посуду ни паяй,
 Таз дырявый протечет.

Есть лужайка, есть вода,
 Здесь лужайка, здесь вода.
 Красота — глядеть на утку,
 Воду мутит — вот беда.

Мой Кяпаз, седой Кяпаз,
 Слышишь ветра вой, Кяпаз?
 Отчего же почернел
 Белый камень твой, Кяпаз?

Всюду в мире черный цвет —
 Вестник бед, несчастий след.
 И на маке те же знаки,
 Хоть цветка красивей нет.

Ты куда влечешь, судьба,
 Что ты в чаши льешь, судьба?
 Ты сама того попробуй,
 Что другим даешь, судьба!

Грудь чернее казана —
От обид черным-черна.
На судьбу не полагайся —
Переменчива она.

Нет ни ночи мне, ни дня,
Нет спасенья от огня.
Попади, судьба, мне в руки —
Изведу, как ты меня!

Горы белые стоят,
Горы выстроились в ряд.
Все твердили: мир — как мед,
А на деле: мир — как яд.

По какой такой вине
Осудили в вышине?
Всем судьба дает отраду,
А отраву — только мне.

Тлеют зори, посмотри,
Гаснут вскоря, посмотри.
Море ищешь ты, а горе
Глубже моря, посмотри.

Утка вынырнет со дна,
 Спросит белый свет она:
 «Если есть на свете смерть,
 Для чего мне жизнь дана?»

Путь-дорогу уместят,
 Грудь и ноги уместят.
 Горе у меня с наперсток,
 Да озера не вместят.

Это море глубже всех —
 Снизу горе, сверху смех.
 Дом разрушить — грех большой,
 Жизнь разрушить — больший грех.

Всё на свете разглядят,
 Рыб и сети разглядят.
 Незаметного при жизни
 После смерти разглядят.

Я ни в чьей родне — никто,
 В неродной стране — никто.
 Я тону в разливе горя —
 Не поможет мне никто.

773

Как я море переплыл,
Как я горе пережил,
Сколько листьев облетело —
Столько к ранам приложил.

774

Эхо горное звончей,
Горе черное горчей.
Если речка морем станет,
Станет речкою ручей.

775

Рыл арык глубокий я,
Слил в один потоки я.
Тень досталась лежебоке,
А на солнцепеке — я.

776

Ничего, хорош арык,
На ручей похож арык,
Да в ручье своя вода,
А арык к чужой привык.

777

Этот холм по праву мой.
Слева мой и справа мой.
Сад выращивал один,
А плоды срывал другой.

День за днем проходит год.
Время разве вспять пойдет?
Если шла вода арыком,
День придет — опять пойдет.

Речка буйствует в селе,
Мы ютимся на скале.
Станет меркнуть солнце в небе —
Жизнь угаснет на земле.

Кто меня спасет — гляди,
Вихрь летит с высот — гляди.
Строил дом с таким трудом,
А разлив снесет — гляди.

Я лишился челнока —
И реку взяла тоска.
Если хлынут в реку слезы,
Переполнится река.

Привела к воде беда,
Помогла в беде вода.
Вроде птицы перелетной,
Так я и не свил гнезда.

На корню гниет овес,
В корм коню нейдет овес.
Стала огненной земля
От моих горючих слез.

Долетел огонь сюда —
На реке горят суда.
Боль свою воде открою —
Станет пламенем вода.

От печали я зачах:
Пламя в сердце, тьма в очах.
Одолжу огня тому,
У кого остыл очаг.

Прямым тут бегу,
Где гора стоит в снегу.
Я горю — посторонитесь, —
Ненароком обожгу.

Я не плачу, грусть таю,
Горе прячу в грудь свою.
Невредимым притворяюсь,
Ноют раны — я пою.

Голова моя в снегу,
И стряхнуть я не могу.
Я надеялся на гору,
А она — сама в снегу.

Горьких много ягод есть,
Рви, и хватит на год есть,
Хохотать меня не тянет,
А поплакать — тяга есть,

Снес разлив в недобрый час
Всё добро, что я припас.
Мы к счастливику пришли —
Он заплакал пуще нас,

Пыль столбом — стене конец,
Рухнул дом — и мне конец.
Я, хозяин дома, плачу —
Горше плачет мой жилец.

Месяц льют дожди подряд,
Наводнением грозят.
С горя я пою, а люди
«Вот счастливик!» — говорят.

В крепком я сидел челне,
 Этот челн теперь на дне.
 Ни отца, ни брата нету —
 Кто ж теперь поможет мне!

По горам стрелок идет,
 По долам ходок идет.
 Нет в горах ни туч, ни снега —
 Где исток поток берет?

Рис не сваришь без воды,
 Лучше плова нет еды.
 Чтобы горсть зерна смолоть,
 Много надобно воды.

В сердце горе ни к чему,
 Уговоры ни к чему.
 Если дерево бесплодно,
 То подпоры ни к чему.

Как песок на темном дне,
 Я мечтал о светлом дне.
 Юность больше не вернется,
 Не блеснет надежда мне.

Я зеленый сад полью,
Все цветы подряд полью.
Соловей пускай зальется —
Вспомню молодость свою.

Потерпел я больше всех,
Постарел я раньше всех.
Солнца нет, а я растаял,
Будто самый первый снег.

Я обман понять не мог,
Я аркан поймать не мог.
Что — пальба! Стоял — не падал,
А судьба свалила с ног!

Только оступился я —
И с горы свалился я.
Закипел котел несчастий —
Заживо сварился я.

В сердце коршуны впились,
Вдоволь крови напились.
Вот мой меч, вот голова,
Отсеки! Я проклял жизнь!

Дни удач и неудач
Перепутались, хоть плачь.
Где престол и падишах,
Там и плаха, и палач.

Речка взбухнет, почудит,
Свечка вспыхнет, почадит,
Сто голов отрубит шах —
Ни одной не пощадит.

Спотыкаюсь что ни шаг,
Смутный звон стоит в ушах,
Я ни в чем не виноватый,
А меня карает шах.

Караванам нелегко,
В жарких странах нелегко,
Упадет скала большая —
Грохот слышен далеко.

Как пойдет метель мести —
Долго ль горы замести?
Тем и почесть не поможет,
Кто у счастья не в чести.

Журавля и цапли нет,
И ружья, и сабли нет.
Написать письмо собрался,
Да чернил ни капли нет.

За высокою стеной
Не увидишь край родной.
Не напишешь письмеца,
Если руки за спиной.

Как джейран, спасался я,
На обман поддался я.
Шла охота на джейрана,
А в капкан попался я.

Волк поднимет кутерьму —
Перережут путь ему.
Если бык в ярме не стонет,
Ни к чему стонать ярму.

Не увидишь со скалы
Ничего среди белой мглы.
Стали вороны орлами —
Обворонились орлы.

Крыльев нет, и нет пути,
Я, как птица, взаперти.
Был больным — не приходила,
Хоть к покойнику приди.

Мы хмельной ручей найдем,
Подойдем к ручью вдвоем.
Кровью я, а ты слезами
Изольемся над ручьем.

Не могу понять никак:
Я, как все, посеял мак.
У людей поля краснеют,
У меня чернеет мрак.

Были тропы хороши б,
Ничего бы не ушиб.
Думал: роза попадетса,
А попалса острый шип.

Выйдет путь из темноты —
Расступаются хребты.
Что же слезы проливать,
Если сам ушибся ты!

У скитальца сто скорбей,
 Та сильней, а та слабей.
 Били насмерть — не убили,
 Не жалея, ты тоже бей.

Уцелела бы душа,
 Не болела бы душа.
 Пусть лицо не побелеет —
 Не чернела бы душа.

Роза плачет в тишине:
 «Как бельмо, пятно на мне».
 Чище чистого луна —
 Пятна есть и на луне.

У садовника цветы —
 Не шиповника цветы.
 Заживать не хочешь, рана,
 Так чего же ноешь ты?

Горе горькое пришло,
 Я сгибаюсь тяжело.
 Колесом судьба задела —
 Грудь разбилась, как стекло.

Я сгорю — что делать мне?
 Я смотрю, что делать мне:
 Закричу — весь мир сожгу,
 Промолчу — я весь в огне.

Наша речка впереди,
 Если можешь, перейди.
 Ты не врач и понапрасну
 Ран моих не береди.

Не лечи и не кричи,
 Не помогут мне врачи.
 Если сердце на замке —
 У кого спросить ключи?

Приглядишься — скорей найдешь,
 Груши меж ветвей найдешь.
 Грудь — как лавка или свалка:
 Всё, что хочешь, в ней найдешь.

Кто-то свищет здесь, в саду,
 Что-то ищет здесь, в саду.
 Пусть расщедрится садовник —
 Ведь гранаты есть в саду.

Дни весенние прошли,
Вслед осенние пошли.
Раздели со мною горе
Иль спасение пошли.

Сад огромен, даже треть
За три дня не обозреть.
Груш больному захотелось —
Грушам нужен срок созреть.

Огонек среди огней,
Корешок среди корней.
Счастье мне не улыбнулось —
Я засох среди камней.

Чем копейке старой стать,
Золотым динаром стать?
Стать у ивы не такая,
Чтобы ей чинарой стать.

Небо шлет несчастья мне,
Сердце рвет на части мне.
Даже древний Семендар
Не горел в таком огне.

Боли я не выдержал,
 Слег и еле вылежал.
 Будь я камнем — развалился б,
 Я — земля, я выдюжил.

В Эрзурум я не попал,
 Путь угрюм, я не попал.
 Всё снесу, как тот араб,
 Чей верблюд в пустыне пал.

Я — ашыг, рыдает саз,
 Плачу сам на этот раз.
 Я поранен, ты печален —
 Кто несчастнее из нас?

Крыльев на просторе нет,
 Даже слез во взоре нет.
 Караван тоски навьючить —
 Груза, кроме горя, нет.

Бравый мешковатым стал,
 Правый виноватым стал.
 Был полковником когда-то,
 А теперь солдатом стал.

Через эти буераки
Не пройти в крошечном мраке.
Не сойдут с груди ожоги,
Как с горы не сходят маки.

В поле ветер, в поле грусть,
То ли ветер, то ли грусть.
Я скакал на иноходцах —
На арбе теперь трясусь.

Я судьбу свою искал,
Я в чужом краю искал.
Это мой тяжелый вздох
Между скал туманом стал.

Ни заряда, ни кремня,
Ни приклада, ни ремня.
Старый я стрелок, да что-то
Дичь уходит от меня.

В час, когда уходит день,
Не поймешь, где свет, где тень.
Чтобы ты ослеп, охотник,
Если цель твоя — олень.

Лань скрывается во мгле,
 Не догнать ее стреле.
 На сто верст — одно село,
 Сто старшин в одном селе.

Камень есть на косогоре,
 Там охотники в дозоре.
 С горя из села ушел,
 Так в меня вселилось горе.

Есть жестокие стрелки —
 Не уйти от их руки.
 Оседлав коня разлуки,
 Стал я всадником тоски.

Станный сон приснился мне:
 В речке сом попался мне,
 Правосудье не догонишь
 На заезженном коне.

Продающий жеребца
 Купит лучше жеребца.
 Не куражься надо мною:
 Ты с отцом — я без отца.

Из тоски одежду сшей
Да укутайся плотней.
Лучше жить в стране чужой,
Если нет житья в своей.

Как я гибну, жизнь коря,
Не опишешь, только зря
Превратишь деревья в перья
И в чернильницы — моря.

Белый лист черня, пиши,
Не теряй ни дня, пиши.
В книги черные — во все! —
Первым ты меня впиши.

Неродной ко мне придет,
Как родной к родне, придет.
Где бы горе ни бродило,
Всё равно ко мне придет.

Молодой у нас ашыг,
Начал грустный сказ ашыг.
Праздник превратился в траур —
Поломай свой саз, ашыг.

От глупца не жди добра,
Нет покою до утра.
Обижается подушка,
Что от горьких слез мокра.

Я теперь в такой беде,
Что спасенья нет нигде.
Мне б открыть ворота правды,
Да ключи такие где?

Я бреду, я пить хочу,
Я пряду, я нить сучу.
«Соловей погиб», — сказали,
Розу отдали сычу.

Садовода не гневи,
Ничего в саду не рви.
Соловья в саду убили —
Роза, бедная, в крови.

Горе, ты — гора моя,
А тоска — сестра моя.
Онемел мой соловей,
Сад увял без соловья.

Я — ашыг, я петь не рад,
 Как велит печальный лад.
 Если умер соловей,
 Пропадает пусть и сад!

Есть деревья без цветов,
 Без деревьев нет садов.
 Пусть весна цветет сто лет,
 Сад — не сад без соловьев.

Не растает след тоски,
 Порастает след тоски.
 Чужеземцам наши земли
 Оставляем, смельчаки.

Людам радость, мне тоска,
 Мне усталость, мне тоска.
 Был садовником прилежным —
 Не досталось ни цветка.

Мне хибара без двора —
 Как бесснежная гора.
 Нет ни роз, ни соловьев —
 Бесплезная пора.

Горы в траур облачу,
 Горя я не облегчу.
 Стану я осенним садом,
 Листопадом облечу.

Сад выносит дождь и град,
 Плодоносит щедрый сад.
 В плен садовника забрали —
 Пожелтел зеленый сад.

Из-за веток посмотри,
 Напоследок посмотри:
 Нет ни роз, ни соловьев —
 Не сады, а пустыри.

Ни зимою, ни весной
 Сад не виден за стеной.
 Садам сад зовут, хоть нету
 В нем былинки ни одной.

Разноцветнее ковра
 Луговине стать пора.
 Я к тебе пришел с надеждой,
 Помоги, проснись, гора!

Злой пришелец умирал,
 Землю кровью обагрял.
 Ключ студеный, луг зеленый —
 Всё опять твое, марал.

Я домой — не прекословь,
 Кто со мной — не прекословь.
 Справа ранило меня —
 Проступает слева кровь.

Ты поди лицо умой,
 Подведи глаза сурьмой.
 Я боюсь: умру в скитаньях —
 Уцелеет кровник мой.

Мрак сплошной в родном краю,
 Враг шальной в моем краю.
 Шел к любимой на свиданье,
 А пришел на казнь свою.

Стрел шершавых не сочту,
 Ран кровавых не сочту.
 Не губи меня, судьба,
 Дай исполнить мне мечту.

Шелкопряду листья дать,
Шелкопряду — благодать.
Пусть сестра свечу подержит,
Перевяжет рану мать.

Виноградная лоза,
Ненаглядная лоза...
Через сто лет после смерти
Приоткрыть бы мне глаза.

Поднимаю ропот я,
Разрываю ворот я,
Смерть, возьми свою рубаху —
Не надену, молод я.

Повстречаю сатану —
По заливку садану.
Заработал на чужбине
И недуг, и седину.

Где отрава, где вода,
Где отрада, где беда?
Сам разлуку испытаеть,
Боль мою поймешь тогда.

Я — один, мой путь далек,
Меж теснин мой путь пролег.
Воска я не растопил —
Сам сгорел, как фитилек.

Сколько грудь перенесла —
Стрелам в сердце нет числа.
Ты попасть захочешь в сердце —
Попадет в стрелу стрела.

Подошла пора тоски,
Тяжела пора тоски.
Вниз пойти — долина горя,
Вверх пойти — гора тоски.

Ночь морозна, ночь долга,
Глянь, у месяца — рога,
Неудачное зимовье —
Нет ни дров, ни очага!

Мне грозит ущелье тьмой,
Тьмой — и летом и зимой.
Ты, гора, — мое жилище,
Горный снег — товарищ мой.

Горный край издалика —
 Будто рай для простака.
 Здесь три месяца — веселье,
 Девять месяцев — тоска,

За волной волна идет,
 За стеной стена идет.
 Как ни тянется зима,
 Вслед за ней весна идет.

Я — пастух, я — бородач,
 Не считаю неудач.
 Пусть рожок мои печали
 Перескажет, как толмач.

Снег белеет в вышине
 С облаками наравне.
 В этом мире всем привольно —
 Нет приволья только мне.

Ждал, чтоб тучи разошлись
 Да вошло бы солнце ввысь,
 Думал, выпадет удача —
 Понапрасну ждал всю жизнь.

Старых ран не бережи,
Знаю — горе впереди.
Я б со смертью разминусь,
Да могила на пути.

Горцы в горы шли с утра,
В сердце горе как гора.
Разве я вмещусь в могилу,
Если лечь придет пора?

Я — садовник, сад в слезах,
Пшат в слезах, гранат в слезах.
Плачу сам, пока не умер,
А умру — заплачет прах.

Облетают лепестки.
Отступают ли пески?
Я построил дом из горя,
А ограду из тоски.

Под ногами — горный снег,
Вместе с грязью черной — снег.
Не забудет и в низине
О вершине гордой снег.

Ты тайком, как мысль, прошла,
Поднялась и ввысь прошла.
Только-только жить собрался,
Поглядел, а жизнь прошла.

Боли я не утаю,
Боли я не утолю.
Выйду прямо на дорогу,
Боль с прохожим поделю.

На врага нашла чуму,
Я проклятья шлю ему.
Спать хочу — уснуть боюсь,
Я один — будить кому?

Ты живешь в стране чужой
И умрешь там, неродной.
Соловей в саду засвищет —
Ты встаешь передо мной.

Я умру в чужой глуши —
Ты на родину спешి.
Мать о смерти пусть не знает,
А невесте расскажи.

Снег в горах опять пойдет,
Глядь, и град стучать пойдет.
Мне б в могилу у дороги —
Так скорее мать найдет.

Кто вопил во тьме ночной,
Разбудил народ честной?
Век людской — дворец кирпичный,
День долой — кирпич долой.

Нет обиднее судьбы,
Незавиднее судьбы:
Коль без ворота рубаха,
Значит, крыша без трубы.

Как без молний грома нет,
Так без кровли дома нет.
Где же видано такое:
Пламя есть, а дыма нет!

Мне покою не дают,
Я давно забыл уют.
С той поры, как стал рабом,
На базарах продают.

903

Проклинает раб судьбу —
Яму вырыли рабу.
И не имя написали,
А предсмертную мольбу.

904

Пел ашыг сегодня нам,
Вторил саз его словам:
Сироту убьют печали,
Люди скажут: «Умер сам».

905

Я — тюльпан, на взгорье рос,
Сколько горя перенес.
Я родителей не знаю,
Породил меня утес.

906

Всё вокруг белым-бело,
Все тропинки замело.
Сироте легко заплакать —
Рассмеяться тяжело.

907

Если птица взаперти,
Не поет, не пьет почти.
В счастье — каждый веселится,
Ты в несчастье пошути.

Плач бедняцкий — горький плач,
 О судьбе сиротской плачь.
 Мое имя выкликая,
 На вершине горной плачь.

Славен горный край седой
 Водопадами, водой.
 Небо стонет, тучи плачут —
 Умер странник молодой.

Врач посмотрит и уйдет,
 Хочешь боль унять — уймет.
 Сто врачей в одном бессильны:
 Смерть придет — так жизнь уйдет.

Я цветами не богат
 И деньгами не богат.
 Черный ветер, пощади
 Мой единственный гранат.

Хлещет черная струя —
 В ней исчезнет тень моя.
 На охоту вышла смерть —
 Первым ей попался я.

Здесь зима — у нас весна,
 Ночь темна — у нас ясна.
 Чужаки могилу рыли,
 Оттого она тесна.

Что развеют ветерки,
 Что развеют ветерки?
 Видно, пал в горах Фархад —
 Не слышать его кирки.

Месяц гнется, будто лук,
 Превратится в лунный круг.
 Стрелы кончились в колчане —
 Лук я выронил из рук.

Можно ль розе век продлить,
 На морозе век продлить?
 Над бездетным в смертный час
 Слезы некому пролить.

Стар ашыг, а всё ж поет,
 Окажи ему почет.
 Дух покойника бездетного
 По чужим домам пойдет.

Листья на деревьях есть,
 Листья будут черви есть.
 Испускает дух бездетный,
 А наследников не счесть.

Брат уехал на коне,
 Не воротится ко мне.
 Не привез обратно брата —
 Пусть тот конь сгорит в огне.

Просит друг забыть печаль,
 Сбросить траурную шаль.
 Мне своих печалей хватит —
 Ты мне сердце не печаль.

Червь грызет, трещит доска,
 Грудь мою грызет тоска.
 Дверь моя замков не знала
 И закрылась без замка.

Бейся, птица, не слабей,
 Кровопийца, кровь не пей.
 Руки-ноги мне сковали
 Без колодок, без цепей.

Кто-то сглазил днем меня,
 Опалил огнем меня.
 Развяжи кушак — в могилу
 Опустит на нем меня.

Есть кладбища больше сел —
 Что ни день, то новосел.
 Будь же проклято, кладбище, —
 Кто ушел, тот не пришел,

Ты сгубил, как всех, меня,
 Растопил, как снег, меня.
 Ни на солнце, ни в тени
 Продержал весь век меня!

Властный мир, неправый мир,
 С головой дырявой мир.
 Иль дворцом меня обрадуй,
 Иль густой дубравой, мир!

Я — ашыг, забыл я страх,
 Пусть бедой грозится враг.
 Как теснина грудь моя,
 А в теснинах — вечный мрак.

Рассудил неверно век —
 Умер добрый человек,
 А дурной живет себе
 И смыкать не хочет век.

Ветер любит озорство,
 Стонут птицы от него.
 Ста убитых не воротит
 Смерть убийцы одного.

Гордо ты, гора, держись,
 Пусть режут ветра, держись.
 Боль о мертвых заживает —
 За живых болеть всю жизнь.

**ЛЕНИН. СОВЕТСКИЙ НАРОД.
 СВОБОДНЫЙ ТРУД**

Ленин славу заслужил,
 Ленин новый мир сложил.
 Сколько звезд на небе, Ленин,
 Столько б лет ты жил и жил.

Наша партия идет
 Ленинским путем вперед.

Этой силой и единством
Горд советский наш народ.

933

Ополчился весь народ
И ударил в свой черед.
Красной Армией героической
Был разбит фашистский сброд.

934

Нам в краю родном светло,
Как в саду сплошном, светло.
Что мы здесь ни посадили —
Всё взошло, всё расцвело.

935

Здесь, в горах, как птица я,
И могу гордиться я.
Охранять края родные
Призван на границе я.

936

Как светла моя земля!
Я живу, ее хваля.
На Ширвани, на Мугани —
Урожайные поля.

937

У ашыга взгляд такой,
А у саза лад такой.

Соловей поет над розой —
Не увянет сад такой.

938

Осень плодородной будет,
А зима холодной будет.
Срок придет — страна любая,
Как моя, свободной будет.

939

И отраднo у воды,
И прохладнo у воды.
Ленин, светлых дней садовник,
Это всё — твои плоды.

ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ
ЗАГАДКИ

940

Где единение,
там и спасение.

941

Хоть голым,
иди с народом.

942

Соберемся в круг
изгонять недуг.

943

Кто падет в глазах народа,
не поднимется вовек.

944

Волк не станет другом,
а змея — подругой.

945

Золото не ржавеет,
а вражда не стареет.

946

Волк линяет — шерсть меняет,
только нрава не меняет.

947

За конем, как друг, ходи,
на коне, как враг, сиди.

948

Ишаку
ходить в шелку?

949

Лысая башка
просит гребешка?

950

Умному — нарек,
глупому — пинок.

951

Сперва покумекай,
потом кукарекай.

952

Глухой сказал: «Я слышу»,
слепой сказал: «Я вижу»,
хромой сказал: «Бежим!»

953

Смелый крепости берет —
трус в безвестности живет.

954

Пал игид — оставил имя,
бык падет — оставит кожу.

275

955

На вершину горную — зима,
на лихую голову — беда.

956

Говорится испокон:
«Кровь пролей — не тронь закон».

957

Ни забот, ни бремени,
а всё нету времени.

958

Прилежница плешивая
замуж пошла,
красавица ленивая
в яму сошла.

959

Ест за быка —
спит за телка.

960

Много рук в еде,
мало их в труде.

961

Это сказано давно:
сам мели свое зерно.

962

И на севе не был плут,
и на жатве не был плут,
сели есть — он тут как тут.

276

963

Бывает, человек своротит горы,
бывает, не поднимет и зерна.

964

Полно ума — пуста сума,
а нет ума — полна сума.

965

Поменьше плова —
голова здорова.

966

Я одежду подстелю,
где придется пересплю.

967

Кто спешит разбогатеть,
может скоро обеднеть.

968

Богачу: «Да!», «Да!»,
бедняку: «Балда!»

969

Что в крошке,
то и в ложке.

970

Если есть — и так и сяк,
если нет — спи натошак.

277

971

Господин бранился с госпожой,
а слуга простился с головой.

972

Золотом пробьешь —
силой не возьмешь.

973

Добыл обманом —
унесет ураганом.

974

У владельца дом — один,
у постояльца — сто один.

975

Один сажал —
другой пожал.

976

Разобьет хозяйка —
ничего не скажут,
разобьет служанка —
еще как накажут.

977

У людей дома — палаты,
а у нас одни заплаты,

978

Белую деньгу
про черный день берегу.

278

979

У бедняка
нет языка.

980

Стал слугой —
прощай покой.

981

Молюсь однажды в год,
и то шайтан не дает.

982

У моллы шесть животов,
и шестой — всегда пустой.

983

Лучше в ад идти со смехом,
чем со страхом в рай плестись.

984

Говорят: «На, молла!»
«Дай, молла!» — не говорят.

985

Нет еды — давай поститься,
дела нет — давай молиться.

986

Отец для сына не жалеет сада,
а сын не даст и грозди винограда.

279

987

Сын убил отца родного,
чтоб его могилой клясться.

988

Пока отцом не станешь,
цены отцу не знаешь.

989

Не состарюсь, не согнусь —
внуков-правнуков дождусь.

990

Нет дома без скандалов,
нет леса без шакалов.

991

У замужних есть мужья,
а у вдовых — только бог.

992

Новый дом, гвоздя не вбито,
некуда повесить сито.

993

Не смотри на писаря,
смотри, что написано.

994

С человеком — языком,
со скотиной — хворостиной.

995

На лице стыда не видно —
и словам конца не видно.

996

Как в песок вода,
так к беде беда.

997

Вор оправдан на суде —
быть свидетелю в беде.

998

Океан перемахнул —
а в речонке утонул.

999

Госпожою величали —
всё богатство промотали.

1000

Обойду одну беду —
сто одну взамен найду.

1001

Вселенная — что мельница:
всё в мире перемелется.

1002

Бывает, смерть как облегченье,
бывает, смерть — одно мученье.

1003

Напьешься пьян,
на виду любой изъян.

1004

Слепой-то слепой,
да глаза открой.

1005

Начнут языками —
кончат кулаками.

1006

Рот без зубов —
мельница без жерновов.

1007

Терпи в несчастье,
дождешься счастья.

1008

И ловец, и беглец
просят: «Помоги, творец!»

1009

Ты сперва попробуй гуся,
а потом суди о вкусе.

1010

Скромный краснеет,
наглый наглеет.

1011

Кто плюет навстречу ветру,
попадет себе в лицо.

1012

Не та красива, что красавица,
а та, что до смерти понравится.

1013

Против солнца сильна,
Против ветра слаба,
А сама незряча —
Нету глаз, а плачет.

(Туча)

1014

Днем и ночью начеку,
На лету да на скаку,
Он на мельнице хозяин
И работник на току.

(Ветер)

1015

В небе начинается,
На земле кончается.

(Дождь)

1016

В колодец дяденька свалился,
Да ушами зацепился.

(Кинжал в ножнах)

1017

У нее печалей нет,
Я иду — она вослед.

(Тень)

1018

Есть арбуз, в нем зерен нет,
А вместит весь белый свет.

(Глобус)

1019

Приучается к труду,
Копит загодя еду,
Спит всю зиму напролет.
Кто его мне назовет?

(Муравей)

1020

День и ночь идет девица —
Ей нельзя остановиться.

(Речка)

II

ДАСТАНЫ

ЖУРАВЛИНОЕ ПЕРО

Приехал Эйваз в Ченлибель, и сердце Нигяр-ханум успокоилось. Муж — Кёроглу, сын — Эйваз, кругом — удальцы. Есть ли на свете большее счастье! А Кёроглу был еще больше доволен: он привез себе и сына, и помощника, и опору. Смелостью и удальством Эйваз быстро снискал славу среди удальцов: стал он таким молодцом, что за него и жизни никто б из них не пожалел.

У Кёроглу было заведено: утром и вечером удальцы упражнялись в верховой езде, в метанье копья, рубились на саблях, стреляли из лука. Как-то раз удальцы разбились на отряды, и Эйваз оделся, вооружился и с группой всадников выехал поупражняться в воинском искусстве.

Кёроглу вместе с Демирчиоглу стояли на возвышенности и следили за удальцами. Женщины были возле них. Смотрят, отряд всадников скачет во весь опор, а впереди Эйваз. Но Эйваз, что за Эйваз!.. Арабат под ним пляшет, в руках у юноши египетский меч, на руке сокол... Словно вслед врагу он мчится, как стрела из лука летит, точно птица в воздухе парит. На шалке у него журавлиное перо, — ну просто сын кесаря, украсивший голову золотом и драгоценными камнями.

Посмотрела на него Нигяр-ханум, не выдержала и сказала Кёроглу:

— Кёроглу, взгляни туда, кто это скачет там?

Но тот и сам давно уже любовался Эйвазом. В ответ на слова Нигяр-ханум он прижал к груди саз и запел:

Нигяр-ханум, я говорю:
«Эйваз идет, Эйваз идет!»

Я узнаю доспехов блеск,
Эйваз идет, Эйваз идет!

Пятнадцать лет ему, светло
Его прекрасное чело,
Прядь — журавлиное крыло.
Эйваз идет, Эйваз идет!

Отважный из отважных он,
Сын мужа, мужем наречен,
Как лев, в сраженье разъярен —
Эйваз идет, Эйваз идет!

Египетский клинок звенит.
Скакун арабский — звон копыт.
Он жизни не щадит, игид.
Эйваз идет, Эйваз идет!

Из лучших лучший — мой птенец.
Он смел, он мужества венец.
Я, Кёроглу, его отец.
Эйваз идет, Эйваз идет!»

Телли-ханум стояла тут же. Демирчиоглу был уже здоров, и в сердце у нее пела радость. Поглядела она, поглядела и вдруг сказала:

— Нигяр-ханум, смотри, как журавлиное перо к лицу Эйвазу! Если так оно идет мужчине, то как должно пойти нам, женщинам. Пусть бы нам привезли журавлиных перьев.

При этих словах Эйваз как раз поравнялся с ними. Сойдя с коня, поклонился он Нигяр-ханум, Кёроглу, Демирчиоглу и Телли-ханум, а потом сказал Кёроглу:

— Слышишь? Женщинам понравились журавлиные перья. Дозволь, я поеду и привезу их.

Не хотелось Кёроглу пускать Эйваза. Побоялся он, что с юношей приключится беда. А потом подумал и решил — пусть едет: игиду все нужно испытать, его закаляют и жар, и холод. Повернулся он к Нигяр-ханум и спросил:

— Что скажешь? Ехать ему или нет?

Нигяр взглянула на Эйваза. Видит аллах! Глаза

Эйваза словно сейчас заговорят, начнут молить и упрашивать. Не выдержало сердце Нигяр, не захотелось ей нанести обиду Эйвазу, и она дала свое согласие.

Тут вышел вперед и Демирчиоглу:

— Кёроглу, дозвожь поехать и мне.

— Ты ведь недавно встал с постели, — возразил Коса-Сафар.

— Нет, — перебил его Демирчиоглу, — я поеду, и все тут!

— Почему тебе непременно надо ехать? — спросил Кёроглу.

— Первое — Эйваз еще молод, ехать ему одному не годится, — отвечал Демирчиоглу. — А второе — перьев этих захотелось Телли-ханум. Нехорошо, чтоб я сидел дома, а другой отправился за ними.

Кёроглу разрешил ехать и ему.

В ту же минуту вышел вперед и Белли-Ахмед.

— Кёроглу, позвожь ехать и мне, — сказал он.

Кёроглу согласился.

Так как путь предстоял долгий, Эйваз сел на Гырата, а Демирчиоглу и Белли-Ахмед вскочили на лучших коней. По полям, по лесам, по долинам, по холмам ехали они и наконец подъехали к окрестностям Багдада.

Смотрят, тут журавлей видимо-невидимо. Пустив коней пастись, взяли они луки, стрелы и начали охоту. Ну, раз за разом упал один, пять, десять, пятнадцать! Словом, часа за два настреляли они уйму журавлей. Уселись, начали ощипывать им хохолки и перья, набивать ими свои охотничьи сумки, а мясо нарезали и изжарили шашлык в тени пальм. Поели они, попили и уснули все трое.

А сторож заповедника багдадского Аслан-паши давно уже следил за ними. Когда все трое уснули, он бросился бежать к Аслан-паше.

— Чего сидишь, о чем думаешь? Приехали трое чужеземцев. Они уснули у родника. А между ними один — вылитый Кёроглу, да и только!

Выслушав сторожа, Аслан-паша тотчас же вспомнил о султанском фирмане.

Весть о поездке Кёроглу в Туркмению, о его схватке с Араб-Рейханом, о том, как он увез Эйваза, обошла весь свет, дошла и до султана. Разгневанный султан снова разослал всем пашам фирман. И говорилось в нем, что

тот, кто убьет Кёроглу или кого-либо из его игидов, будет награжден, а тех, кто увидит удальцов из Ченлибеля и не известит об этом султана, — вздернут на виселицу. Такой же фирман был прислан в Багдад и вручен Аслан-паше. Поэтому не успел сторож произнести имя Кёроглу, как Аслан-паша, призвав сардара, приказал ему собирать войска в поход.

Забили в литавры. Воины облачились в боевые доспехи, вооружились и пустились в дорогу.

Гырат стал бить копытом оземь и громко ржать. Демирчиоглу и Белли-Ахмед проснулись и увидели, что со всех четырех сторон они окружены войсками. Белли-Ахмед потянулся за мечом, но Демирчиоглу удержал его.

— Что делаешь? Не видишь разве, что Эйваз спит? Нельзя вступать в бой, не разбудив его. Втянемся мы в драку, потеряем друг друга из виду, и Эйваз очутится в руках врага.

Демирчиоглу принялся будить Эйваза. Но как он ни бился с ним, тот не просыпался. Окликали его, трясли, но ничего не помогало. А войска паши все прибывали, точно саранча. Время шло. Увидев, что он не может разбудить Эйваза, Демирчиоглу взял саз, и послушаем, что он спел:

Нас враг окружил неожиданно, вдруг.
Что спишь, просыпайся, боец Эйваз.
Уже замыкается страшный круг, —
Проснись, иль придет нам конец, Эйваз.

Не поддавайся на вражью ложь.
Всё выложу — правду мою поймешь.
Будь стойким, чтоб недруга бросило в дрожь.
Сияй нам, как светлый венец, Эйваз.

Не допустим, чтоб Белли-Ахмед
Пленен был, и я, Демирчи, за ним вслед
Был продан в рабы, канул в бездну бед.
Встань, ведь Кёроглу — отец твой, Эйваз!

Звуки саза разбудили Эйваза. А войска уже окружили их. Хотели они сесть на коней, какое там — лошадей нет. Их давно заарканили. Аслан-паша приказал схватить удальцов. Когда войско двинулось на них, Демирчи-

оглу издал боевой клич ченлибельцев и потянулся за мечом. Удальцы с трех сторон бросились на бесчисленное войско. Ударяя справа, выходили слева; ударяя слева, выходили справа. Но сколько воинов они ни клали на землю, сколько ни отправляли их прямым путем на небо, войска все шли и шли, и удальцы не могли пробиться сквозь них. Трудно им было биться пешими. Обессилели они. Войскам Аслан-паши удалось разъединить их и схватить поодиночке. Вместе с конями привели их в город.

Теперь оставим их здесь, а расскажу-ка я вам о Ходже-Азизе.

У Кёроглу был приятель-купец. Звали его Ходжа-Азиз. Много лет Ходжа-Азиз дружил с Кёроглу. Когда Эйваза и удальцов схватили, Ходжа-Азиз как раз ехал в Багдад за товарами. По всему Багдаду разнеслась весть, что пойманы три разбойника и их ведут на казнь. Весь базарный люд устремился на площадь поглазеть. Среди них был и Ходжа-Азиз. Ждали, ждали, наконец приехал Аслан-паша, его сардар и конница. Смотрят, стража ведет пленников. Видит Ходжа-Азиз — что это?.. Да ведь это Эйваз, Демирчиоглу и Белли-Ахмед! В глазах у Ходжи-Азиза потемнело.

«Беда, — подумал он, — этот злодей, сын злодея, убьет их. Как быть? Тут сам я ничего не сумею поделать. Будь это купля-продажа, я бы надул и тысячу багдадских купцов, оставил бы им от всех их богатств зерна на прокорм одного петуха. А тут надо действовать мечом... Поехать и известить Кёроглу?.. Да отсюда до Ченлибеля надо ехать неделю. Пока я поеду, пока Кёроглу прискачет, от них и праха не останется...»

Так думал Ходжа-Азиз, не зная, на что решиться. Вдруг смотрит — вслед за пленными удальцами ведут трех коней. Взглянул он и сразу узнал Гырата. «О, неразумное сердце наше! Надо только заполучить Гырата, а там я смогу известить Кёроглу». И Ходжа-Азиз двинулся за стражей. Шли, шли и наконец подошли ко дворцу Аслан-паши.

— Заточить всех троих в темницу, — приказал тот, — а коней привести сюда!

Эйваза, Демирчиоглу и Белли-Ахмеда бросили в темницу. А конюхи подвели коней к Аслан-паше. По его

приказу старший конюх сел сначала на коня Демирчиоглу и пустил его галопом. Проехал он из конца в конец и остановил коня перед Аслан-пашой. Конь паше понравился. Затем сел старший конюх на коня Белли-Ахмеда и проехался на нем. И этот конь понравился Аслан-паше. Дошла очередь до Гырата. Бедняга Ходжа-Азиз стоял и терзался, не зная, что делать, а в душе решил пожертвовать хоть всем своим состоянием, но получить Гырата. Старший конюх сел на Гырата, но, что он ни делал, конь не двигался с места. Наконец, выйдя из себя, конюх хлестнул коня. Гырат опустил уши. Когда же конюх снова хлестнул коня, Гырат поджал хвост, прикрыл один глаз и кое-как поплелся, прихрамывая на одну ногу. Аслан-паша рассмеялся:

— Видно, двое из тех хозяева, а третий — слуга. Это хромой конь слуги. И с виду сам похож на слугу.

И он приказал старшему конюху:

— Тех двух коней пусти в мой табун. А эту клячу отдай сторожу заповедника. Пускай ездит на ней. Все же лучше, чем плестись пешком.

Гырата отдал сторожу заповедника. Тот ждал богатой награды за доставленную паше весть. А ему дали полуслепую клячу. Взяла его большая досада. А Ходжа-Азиз радовался в душе и хвалил Гырата. Пробившись сквозь толпу, он подошел к сторожу:

— Послушай-ка, брат, сколько заплатить тебе за эту негодную клячу?

Думая, что купец над ним насмехается, сторож совсем разъярился и начал сыпать руганью. Ходжа-Азиз стал увещевать его:

— Послушай, нас-то за что ругаешь? Мы-то чем виноваты?

Словом, туда-сюда, Ходжа-Азиз пустил в ход сладкие речи и успокоил сторожа. Недаром говорили в старину, что язык купца заставит и змею выползти из гнезда. Словом, Ходжа-Азиз, уплатив малую толику денег, забрал у сторожа Гырата.

Не теряя времени, повел он коня к дому, где остановился. Наскоро насыпал ему ячменя и сена, а сам поспешил на рынок. Купив батман смолы и кусок бязи, вернулся домой и стал ждать, пока не начало смеркаться. Разведя огонь, Ходжа-Азиз положил смолу в медный

таз и растопил, она стала мягкой как воск. Затем, намазав смолу на кусок бязи, привязал он эту бязь на спину Гырата, а сам уселся сверху. Смола стала застывать и прихватила Ходжу-Азиза так крепко, словно был он привязан к коню ремнями и веревками. Ходжа-Азиз, решив, что теперь он не упадет, полегоньку пустил коня вскачь. И Гырат понесся, да так понесся, будто оставил в Ченлибеле своего жеребенка. У бедного Ходжи-Азиза душа ушла в пятки, и он тут же обеспамятел. Сколько проскакал конь — не знал, как проскакал — не ведал, и только когда Гырат вдруг громко заржал, Ходжа-Азиз на минутку раскрыл глаза и увидел, что он уже у Ченлибеля.

Сбежались удальцы, услышав ржанье Гырата, и увидели — конь мчится, да так, что вот-вот у него треснут копыта. Но Эйваза на нем не было. Конь все приближался. Видят удальцы — что-то чернеет на нем. И удивляются — что это такое? Тут как раз конь подскакал и стал прямо перед Кёроглу. Повернул Гырат голову в сторону Багдада и заржал так, что содрогнулись горы и скалы. Потом, взглянув на Кёроглу, принялся бить копытами оземь. Обнял Кёроглу своего верного коня и осыпал поцелуями его глаза, морду и шею. Смотрят, на Гырате какой-то человек. Взяли его за руки, хотели снять, но как ни тянули, как ни старались оторвать, не могли. Смотрят, оказывается, он прилепил себя к коню смолой.

Короче говоря, так и сняли Ходжу с коня вместе с бязью и положили наземь. Взглянул Кёроглу — да ведь это Ходжа-Азиз! Ну, принесли тут воды — то да се, Ходжа-Азиз пришел в себя.

— Что случилось? — спросил Кёроглу.

Ходжа-Азиз ответил ему:

Я весть тебе принес, о Кёроглу!
Ты об Эйвазе знаешь ли своем?
Внимай мне опечаленной душой.
Ты об Эйвазе знаешь ли своем?

Игид игида не приводит к злу.
Неужто вправду канули во мглу
Белли-Ахмед и Демирчиоглу?
Ты об Эйвазе знаешь ли своем?

Ходжа-Азиз не поднимает глаз.
В тюрьме томится доблестный Эйваз.
В Багдаде связан — бог его не спас.
Ты об Эйвазе знаешь ли своем?

И Ходжа-Азиз повторил то, что сказал в песне:

— Кёроглу, Аслан-паша схватил и заточил в темницу Эйваза, Демирчиоглу и Белли-Ахмеда. Если ты не поспеешь, тебе их больше не видать.

Удальцов точно обдали холодной водой. Женщины поникли головами. Кёроглу взглянул на Нигяр-ханум. Видит аллах, с Нигяр такое делается, такое делается... Розовые щеки стали белыми, как самаркандская бумага. Голубые глаза полны влаги, как вешние тучи. В одну минуту рубиновый рот поблек, словно опаленные морозом тюльпаны. Только хотел Кёроглу сказать что-то, как Нигяр-ханум встала с места. Не глядя ни на Кёроглу, ни на удалцов, поднялась она на вершину горы. Посмотрела на белевшие вдаль снежные горы. Выбрала из черных, тугих кос своих три волоса, прижала их к бело-мраморной груди и, перебирая, точно струны саза, запела:

Поднявшие шапки до облаков,
Где Эйваза вы спрятали, горы?
Поглотили вы, горы, трех смельчаков.
Где Эйваза вы спрятали, горы?

Вы услышите ныне проклятья мои,
Не спаситесь вам от ураганной струи,
Рухнут камни, останетесь в забвении.
Где Эйваза вы спрятали, горы?

Взываю, рыдаю о сыне моем.
Пылая, других опалю огнем.
Разъяренная, опояшусь мечом.
Где Эйваза вы спрятали, горы?

Я вздыхаю, Нигяр, мой удел жесток.
Ваши камни, горы, сброшу в поток.
Вас срою, чтоб замок поднялся, высок.
Где Эйваза вы спрятали, горы?

Свет померк в глазах Кёроглу, и словно все в Ченлибеле закружилось вокруг него. Протянул он руку, схватил за поводья Гырата и со всего размаху вскочил на него — будь на месте Гырата другой конь, тотчас бы у него сломался хребет. Потом Кёроглу обратился к Коса-Сафару:

Скорей, скорей проснитесь, удальцы.
Эйваз мой схвачен, он в руках врага.
Пусть кровью обагрятся мечи, —
Эйваз мой схвачен, он в руках врага.

Я спал и видел страшный сон, и вот
Предугадал я горестей приход.
Коней седлайте, поскачу вперед —
Эйваз мой схвачен, он в руках врага.

Враги над ним свершат неправый суд.
Злорадствуя, закатят пир, и тут,
Коль Кёроглу не поспешит, — убьют.
Эйваз мой схвачен, он в руках врага.

— Я еду, — сказал Кёроглу. — Вы отправитесь следом. Буду ждать вас в садах Багдада. Тот, кто ранним утром первым будет приветствовать меня в саду, получит сто золотых.

Сказав это, он натянул поводья. Гырат взвился на дыбы и полетел к Багдаду.

Удальцы стали спешно готовиться к отъезду. Оделись, вооружились и отправились путем-дорогой. Сколько ехали они, как ехали, неведомо никому, но только поутру, с зарей, смотрит Кёроглу — Дели-Гасан, Дели-Мехтер, Коса-Сафар, Чопур-Мехти, Исабала, Тыпдагыдан, Тохмагвуран, Алайпозан, Танрытанымаз, Дилбилмез с мечами наголо стоят перед ним. Поглядел он и видит — легче перечесть финики в садах Багдада, чем выстроившихся за ними удальцов.

— Хорошо, что вы уже здесь, но пока рано. Подождите немного, может, мне удастся разузнать что-нибудь. Если войдем мы в город, узнают нас и молодцов наших могут перебить.

Не успел Кёроглу сказать это, смотрит, какой-то всадник мчится во весь опор.

— Коса-Сафар, — сказал Кёроглу, — человек этот едет из города. А ну-ка поезжай ему навстречу, может, что-нибудь разузнаешь.

Коса-Сафар поскакал и в мгновение ока перерезал путь всаднику. Видит, это широкоплечий, толстопузый мужчина, в чохе, в багдадских башмаках, с узорчатым шарфом вокруг головы.

— Послушай, стой! — крикнул Коса-Сафар. — Куда ты так спешишь?

— Спешу, спешу, — ответил ему тот. — У меня в поле жнецы, везу им хлеба и хочу поскорее воротиться обратно.

— А что такое в городе? — спросил Коса-Сафар.

— Аслан-паша поймал трех удальцов Кёроглу. Сегодня их повесят. Будет большое торжество. Мне надо поскорее вернуться в город, чтобы видеть казнь и бросить на могилу каждого по черному камню, чтоб аллах на том свете воздал мне за это.

Только успел он сказать это, как Коса-Сафар соколом налетел на него и схватил за горло. Волоча, точно падаль, притащил он его к Кёроглу и опустил на землю. Смотрит Кёроглу, а тот давно успел отправиться в преисподнюю.

— Почему ты сделал это? — спросил он Коса-Сафара.

Коса-Сафар рассказал все, как было. Повернулся Кёроглу к удальцам и сказал:

— Сойдите-ка с коней и бросьте каждый на него по черному камню. Пусть аллах на том свете не пожалеет для него своих воздаяний.

Семь тысяч семьсот семьдесят семь удальцов сошли с коней и каждый бросил на мертвеца по камню. Камней набралось столько, что выросла целая гора. Рассказывают, гора эта стоит до сих пор, а старые люди добавляют, что произнести проклятие, проходя мимо этой горы, — благое дело.

Словом, Кёроглу узнал, что пленных молодцов сегодня должны повесить. Кликнул он, и все удальцы, повскакав на коней, двинулись к городу.

Вскоре они увидели, что какой-то старик жнет хлеб, и при этом плачет так, что слезы градом льются из глаз.

Подъехал к нему Кёроглу и спросил:

— Дядюшка, о чем ты так плачешь?

— На что тебе знать? — не поднимая головы, отвечал старик. — Ты все равно не сможешь моему горю, ступай-ка лучше своей дорогой.

Как старик ни увивал, Кёроглу не отступил от него. Увидел тот, что ничего другого не остается, и сказал:

— Раз ты так настаиваешь, ответь мне прежде, кто ты? Что это за отряд следует за тобой?

— Мы едем из Мурадбейли, — ответил Кёроглу. — Приехали сюда за скотом. На дорогах беспокойно, вот мы и вооружились.

При слове «Мурадбейли» старик на минуту задумался:

— Вот как. Говоришь, что ты из Мурадбейли, а скажи, знаешь ты Кёроглу или нет?

Понял Кёроглу, что старик скрывает что-то, и ответил:

— Знаю, как не знать!

— А раз знаешь, скажи мне, друг ты ему или враг?

— Мы с ним друзья. А что? Почему ты спрашиваешь меня об этом?

— Сын мой, никогда я не был Рустам-Залом, я и не Гизироглу Мустафа-бек, и уж, конечно, не мог равняться с Кёроглу! А все же в молодости и я был удалым, хоть куда. Поверь, что был я настоящим игидом. Не показывал врагу спину.

Старик помолчал немного и потом, вытерев глаза, добавил:

— Есть у нас в Багдаде паша, зовут его Аслан. Что за подлый, трусливый и хитрый человек! Вот уже трое суток тому, как поймал он трех удальцов Кёроглу и заточил их в темницу. Вчера глашатай Аслан-паши известил народ, что нынче повесят их. Эх, сынок, душа не потерпит, чтобы такой трус и негодяй повесил отважных удальцов. Убил бы он их один на один в честном бою, это другое дело... Но что поделаешь — проклятая старость. Мне перевалило уже за сто. Ничего я не могу сделать. Недаром отцы и деды говаривали, что, когда человек не в силах сделать что руками, он начинает работать

языком, а когда его язык скован пашой, остается только дать волю слезам.

Едва старик кончил говорить, как Кёроглу приказал своим удальцам помочь ему. Удальцы рассыпались по полю. В мгновение ока они сжали весь хлеб старца, связали в снопы и сложили в скирды. Старик стоял и только глазами моргал от удивления. Не мог он понять, что это за люди и для чего они все это делают. Подумал он было, что это люди Аслан-паши и хотят сжечь его хлеб. Но, видит, нет, на дурных людей не похожи.

Когда удальцы убрали весь хлеб, Кёроглу сказал старику:

— Старик, да будет тебе известно: Кёроглу — это я. Сейчас я зажгу в сердце этого Аслан-паши такой пожар, который будет пылать до скончания века. Мы войдем в город, а ты жди меня с большим хурджуном у сокровищницы Аслан-паши.

Кёроглу хотел кликнуть удальцов и пуститься в дорогу, но старик сказал:

— Постой, Кёроглу, я вижу — сильно ты разгневался на Аслан-пашу. Кровь застилает тебе глаза, и ты не рассуждаешь. Входить так в город вам нельзя. Тебя узнают. Ты сам, один, войди. А люди твои, разделившись, пусть смешаются с толпой.

— Старик говорит дело, — заметил Коса-Сафар.

Повернулся тогда Кёроглу, и послушаем, что спел:

На вершине высокой-высокой горы
Цветник — с одной стороны, снег — с другой,
Горят во рту пересошшем моем
Язык — с одной стороны, зубы — с другой.

Как быть нам, друзья? Мы своим огнем
Надвое вражьи сердца разорвем.
Эйвазу поможем — и бой начнем
Четверо — с одной стороны, пятеро — с другой.

Будь что будет, пускай проливается кровь.
Мой кубок наполнится до краев.
Когда усилится натиск врагов —
Ударь с одной стороны, заходи — с другой.

Нет иного исхода для Кёроглу,
Египетский меч рассечет скулу.
Коль меч опушу — упадут во мглу:
Тело — с одной стороны, голова — с другой!

Видя, что удальцы уже разделились, Кёроглу сказал:

— Удальцы мои, я буду у Аслан-паши. И до тех пор буду занимать его и толпу, пока вы все не подберетесь поближе. Смешайтесь с людьми и оцепите площадь так, чтобы, когда обнажатся египетские мечи, ни одна душа не могла двинуться с места. Но следите за мной. Пока я не покручу усы, пусть ни один из вас не начинает боя.

Кёроглу надел поверх своих доспехов одежду ашыга, взял саз и пустился в дорогу.

Итак, пусть Кёроглу в одежде ашыга спешит на площадь, удальцы, смешавшись с толпой, занимают свои места, старик торопится домой захватить хурджун, а я расскажу вам об Аслан-паше.

Его глашатаи созвали на площадь весь народ.

Площадь была так разубрана, так разукрашена, будто готовилось свадебное празднество.

Палачи подвели к виселице связанных по рукам удальцов.

Аслан-паше было так радостно, так весело, что просто сиял он весь.

Приказал он установить для себя трон на почетном месте на площади, уселся на нем и не переставая бубнил своему сэдр-эзаму:

— Подожди, еще увидишь, какую награду пришлет нам султан! Ведь это не шутка... Ни одному паше еще не удавалось поймать хотя бы одного удальца Кёроглу. Недаром меня зовут Аслан-паша.

Итак, палачи намаслили веревки и завязали петли.

Забили в барабаны. Выступив на середину площади, сэдр-эзам сообщил народу то, что следовало сообщить. Потом вывели на площадь вооруженный отряд и расставили впереди толпы, на случай сумятицы. Когда все было окончено, палач подвел Эйваза к виселице.

Кровь бросилась в голову Демирчиоглу. Напряг он силы раз, напряг в другой, но порвать веревки, связывающие ему руки, не мог. Всякий раз веревки еще

глубже врезались ему в тело, и понял он тогда, что руки его связаны воценой веревкой. Потерял он совсем надежду. Защемило ему сердце, и послушаем, что спел он тогда:

Где мой спаситель Кёроглу?
Сюда, в своей папaxe пусть,
Меч обнажив, он прилетит, —
Враг умирает в прахе пусть!

Пусть прибежит сюда Гырат,
Пусть недруги в крови лежат.
О, Кёроглу, скорей, мой брат, —
Враг разбежится в страхе пусть!

Потом обратился к Аслан-паше:

— Паша!

Меня допрашивай скорей.
Вину докажешь — не жалея,
Двух удальцов, паша, убей,
Эйваза же, прошу, не тронь!

В эту минуту Кёроглу вышел на площадь. Видит Аслан-паша, какой-то ашыг с сазом в руке выступил на середину площади.

— Послушай, ты — ашыг?

— Да, паша, ашыг, — ответил Кёроглу.

— А знаешь ли ты что-нибудь из песен Кёроглу? — спросил Аслан-паша.

— Паша, позволь, я спою песнь как песнь, а кто такой этот Кёроглу, чтобы распевать здесь его песни?

— Нет, ты ничего не знаешь. Я поймал трех удальцов Кёроглу, по этому случаю и празднество. Спой им что-нибудь из песен Кёроглу, чтобы порадовать сердца их перед смертью.

Повернулся Кёроглу, посмотрел на Эйваза, Демирчиоглу, Белли-Ахмеда, потом оглянулся на своих удальцов, стоявших в толпе, прижал к груди свой саз и так ударил по струнам, что они зазвучали по всей площади:

Удальцы, нынче битва начаться должна.
Быть разгромлены эти убийцы должны!
Узнается по ранам тяжелым игид.
Струи вражеской крови пролиться должны.

Пусть воинственный клич раздается везде.
Меч сверкнет — и враги захлебнутся в крови.
И вокруг тела кишки их обвиться должны!
Словно соколы, схватим добычу в гнезде.

Кёроглу чует пламень сражений в крови.
Эй, храбрец, на ристалище всех созови!
Бей визирей нещадно и ханов лови —
Их тела на тела громоздиться должны.

— Спасибо, ашыг! — поблагодарил Аслан-паша. —
Ты поешь совсем как Кёроглу.

Повернулся Кёроглу и взглянул на стоявших у виселицы удалцов. Видит, все трое узнали его. Демирчиоглу уставился глазами на одну виселицу, а Белли-Ахмед — на другую. Понял он, что они только и ждут того, чтобы развязали им руки. И тогда держись паша, — они выворотят столбы и начнут битву. Посмотрел он на Эйваза. Видит: нет, у Эйваза не то на уме. Стоит он у подножья виселицы, впился глазами в Кёроглу, а от счастья глаза полны слез. Не выдержало сердце Кёроглу, и он спел:

Душа моя, глаза мои, —
Паша, Эйваза отпусти!
Такая просьба у меня:
Паша, Эйваза отпусти!

Низрину молнию с небес,
Всех обращаю я в пепел здесь,
Чтоб ты с лица земли исчез, —
Паша, Эйваза отпусти!

Я вижу бека и пашу —
Душа в крови, едва дышу.
Я, Кёроглу, тебя прошу:
Паша, Эйваза отпусти!

Пусть Кёроглу поет, паша слушает, а удалцы ждут, — расскажу вам о Гизироглу Мустафа-беке.

В здешнем краю жил прославленный игид по имени Гизироглу Мустафа-бек. Был он могуч и удал. Прежде отец его был гизиром, а потом, за то, что пошел ~~он~~

против султана, его повесили. Рассказывают, что с той поры Мустафа-бек с сорока всадниками ушел в горы и враждовал с пашами. Он то и дело нападал на кого-нибудь из недругов своего отца, хватал его, вздергивал на виселицу и снова уходил в горы.

Давно уже хотелось Гизироглу Мустафа-беку встретиться и помериться силами с Кёроглу. Еще в старину было сказано, что в одном котле двух молодецких голов не сварить. И Гизироглу говаривал: «Пусть или имя Кёроглу гремит, или мое».

И Кёроглу доводилось слышать о Мустафа-беке, хоть он никогда и не видел его. Знал он также, что Гизироглу, рыская по горам и долинам, дни и ночи ищет встречи с ним.

Дошла до Гизироглу Мустафа-бека весть, что Аслан-паша схватил трех удальцов Кёроглу и сегодня их должны повесить на площади. Собрал он своих людей и обратился к ним с такими словами:

Мой путь ведет в Багдад.
Кто едет — пусть без слов поедет.
Кто ловок и кто может пить,
Как я, — коль он таков — поедет.

Душа пылает, горяча,
А день — как год. Тот, кто сплеча
Ударом одного меча
Срубает семь голов, — поедет.

Где розы цвет и где заря?
О, соловей умолк не зря.
В плену все три богатыря,
Кто жизнь отдать готов — поедет!

Потом Мустафа-бек повторил сказанное под звуки саза:

— У меня есть счеты с Кёроглу, это своим чередом. Наступит день, мы встретимся и рассчитаемся. А подлостей Аслан-паше я не прощу. Должен я вырвать удальцов из его рук. Ведь удальцам Кёроглу никакого дела до него не было. Все, кто видел, говорят, что они в степи охотились за журавлями. Аслан-паша хочет выслужиться

перед султаном, виляет перед ним хвостом. В назидание другим я хвост у него отрежу и воткну ему в глаза. Не допущу, чтобы он предал позорной казни удальцов.

Люди Гизироглу Мустафа-бека воздали хвалу его благородству. Все они поднялись, надели свои доспехи, вооружились и прибыли в Багдад. Неподалеку от площади высился небольшой холм. Гизироглу поднялся на него, чтобы посмотреть, что делается на площади. Видит, Кёроглу, переодетый ашыгом, поет. Мужество Кёроглу изумило Мустафа-бека, и он в душе воздал ему хвалу.

— Подождем, посмотрим, чем дело кончится, — сказал он своим людям. — Никак не поверю, что ему удастся вырвать своих удальцов из самого змеиного гнезда. Вся площадь оцеплена войсками. Клянусь, я подожду до конца. Увижу, что не под силу ему это дело, пойду на помощь. Если же сумеет он своих выручить, поеду следом и, когда он выедет из города, померюсь с ним силой. Аллах будет или с ним, или со мной.

Сказав это, Мустафа-бек сошел с коня и стал ждать. Кёроглу пел, расхаживая по площади. Он не зря развлекал народ, а делал это для того, чтобы каждый из его удальцов мог занять нужное место. Ждал Гизироглу, ждал, видит, нет, кажется, Кёроглу вовсе и не собирается вступать в бой.

«Быть может, удальцы его еще не подоспели, — подумал Мустафа-бек, — он один и потому боится, дам-ка ему знать, что я здесь».

У Гизироглу Мустафа-бека была булава с раздвоенным концом. О ней было известно всем. Когда матери проклинали своих детей, они говорили: «О, чтобы поразила тебя булава Гизироглу Мустафа-бека». Гизироглу поднял эту булаву над головой, покружил и метнул так, что она попала в купол мечети на площади. Булава ударилась с такой силой, что посыпались искры. Аслан-паша так и подскочил.

— Что это? С неба сыплется огонь?

Смотрит Кёроглу, что-то упало ему под ноги. И узнал знаменитую булаву Гизироглу. Он тотчас понял все.

— Паша, — сказал он, — огонь этот не с неба. Он постоянно висит над твоей головой.

Только Кёроглу сказал это, как увидел: сэдр-эзам

Аслан-паши собирается улизнуть. Прижал Кёроглу груди свой саз и спел:

Аслан-паша, решил визирь
Твой удалиться, — показалось.
Не птица ль это из гнезда
Решила взвиться, — показалось.

Аслан-паша поспешно оглянулся по сторонам. В самом деле, сэдр-эзам хотел удрать. Что-то не понравилось ему в ашыге. Точно чужало сердце его, что это сам Кёроглу. Когда Аслан-паша вдруг оглянулся и посмотрел по сторонам, сэдр-эзам испугался и сел на место.

— Что такое? Что это там? — спросил Аслан-паша.

Сэдр-эзам прильнул губами к уху Аслан-паши и зашептал:

— Да продлит аллах жизнь паши, не нравится мне этот ашыг, не верю я ему. Он смахивает на Кёроглу.

Видит Кёроглу, что сэдр-эзам разгадал все, и, чтобы отвести от себя подозрение, продолжал начатую песню:

Своею храбростью блеснул
Гизироглу — разнесся гул, —
И так он булаву метнул,
Земля дымится, — показалось.

И Кёроглу указал на лежавшую на земле булаву. Убедился Аслан-паша, что в самом деле это булава Гизироглу Мустафа-бека, и тотчас приказал палачу приступить к казни. Палач бросился к Эйвазу, схватил его и стал тащить на помост. Видя, что Эйваза ведут на казнь, Кёроглу закончил свою песню:

Я — Кёроглу, я в гневе лют.
Я в горе изнываю тут.
Эйваза вешать ли ведут,
В глазах двоится, — показалось.

Обернулся Кёроглу, посмотрел на удальцов, видит, все стоят наготове и ждут знака, а сами от злобы и ярости кусают губы. Еще раз сделал он круг по площади, потом повернулся к Демирчиоглу:

Три игида, будьте мудры:
Лев ринется в бой сейчас.
Порвется веревка и цепь —
Лев ринется в бой сейчас!

Сокол к вам, братья, пришел.
Откройте объятия — пришел.
Спасет он вас, знайте, пришел.
Лев ринется в бой сейчас!

Палач подвел Эйваза к виселице и ждал — кончит ашыг свою песнь, и тогда он накинет петлю на шею Эйваза. Идя по кругу, Кёроглу подошел к нему и спел:

Не гляди ты заносчиво так.
Не слетает стервятник на мак.
Захлебнешься ты кровью, враг.
Станет почва багровой сейчас!

Сделав еще один круг, Кёроглу спел дальше:

Станьте рядом — лицом к лицу.
Плотно вяжите — конец к концу.
Головы не снести глупцу —
Кровь прольется снова сейчас!

Крикну: «Гей!» — торопясь, выходи.
Крикну: «Гой!» — из себя выходи.
Выходи, Кёроглу угоди;
Кровь смешается с кровью сейчас!

Удальцы напрягли мускулы. Издал Кёроглу боевой клич:

Эгей, храбрецы, эгей!
В блистанье клинков летите!
Как соколы в небесах,
На алуию кровь летите!

Пусть кони крылатые ржут,
Мечи, как огонь, сверкнут.
Освободясь от пут,
Вперед, на врагов, летите!

Слыша клич Кёроглу живой,
Дрогнут беки, слабы душой.
Я расправлюсь с Аслан-пашой.
Вы ж — на ханов его летите!

Распевая так, провел Кёроглу рукой по усам. Удальцы налетели со всех сторон. Все смешалось. В мгновение ока бросился Кёроглу к Аслан-паше. Не успел египетский меч сверкнуть в воздухе, как голова Аслан-паши скатилась на землю. Удальцы мечами разрубили веревки и освободили Эйваза, Демирчиоглу и Белли-Ахмеда.

Кёроглу только и видел, как в разных концах площади поднимаются и опускаются столбы от виселиц и всякий раз десять — пятнадцать воинов паши превращаются в кровавое месиво. А это Демирчиоглу и Белли-Ахмед, выворотив столбы, истребляли войско паши.

Действуя мечом направо и налево, дошел Кёроглу до сокровищницы Аслан-паши. Смотрит, старик уж тут. Ударил Кёроглу в дверь своей палицей. Дверь разбилась в тысячу щеп.

— А ну-ка, старик, иди сюда!

Старик подошел.

— Где твой хурджун? — спросил Кёроглу.

— Ах, родной, право же, от радости я не знал, что делаю.

— Не беда! — сказал Кёроглу. — Входи!

Вошел старик в сокровищницу, и дал ему Кёроглу целый мешок золота, а двум удальцам приказал:

— Проводите его домой и потом возвращайтесь.

А теперь дайте-ка расскажу я вам о Гизироглу Мустафа-беке. Когда Кёроглу покрутил свои усы и все смешалось на площади, Гизироглу поначалу ничего не понял. Только под конец сообразил он, как было дело.

— Ну, друзья, — обратился он к своим людям, — нам тут делать больше нечего. Я ручаюсь за Кёроглу. Теперь мне остается свести с ним свои счета. Пойдемте!

Он собрал своих людей и ушел. Когда же бой затих, посмотрел Кёроглу кругом, видит, нет Гизироглу Мустафа-бека. И тоже понял все. Понял, что Гизироглу преградит ему путь. Сейчас он нарочно ушел, чтобы удальцы не были свидетелями их стычки.

Когда удальцы, веселые и радостные, сели на коней и поскакали к Ченлибелю, Кёроглу сказал Коса-Сафару: — Коса-Сафар, сколько дорог ведет отсюда в Ченлибель?

— Отсюда в Ченлибель две дороги, — отвечал Коса-Сафар, — одна та, по которой мы едем, вторая, горная дорога, тянется за теми холмами, но та дорога трудная и в полтора раза длиннее этой.

А Кёроглу только того и нужно было. Повернулся он к удальцам и сказал:

— Поезжайте этой дорогой. Я поеду горной тропой. Если приедете в Ченлибель до меня, значит считайте, что вы одни, без меня, освободили наших молодцов, и вся казна Аслан-паши достанется вам. Если же я приеду раньше, тогда казна целиком моя.

Кёроглу не стал дожидаться ответа, хлестнул Гырата и тотчас перевалил через высокий холм. Удальцы, ни о чем не догадываясь, поспешили в Ченлибель.

Кёроглу поворотил Гырата и снова выехал на вершину холма. Когда он убедился, что удальцы уже далеко, спустился на дорогу, и, надвинув папаху на брови, медленно поехал он вдоль берега реки. Не проехал он и версты, как Гырат зашевелил ушами и поднялся на дыбы. Вдали конь заржал. Обернулся Кёроглу, видит — Гизироглу Мустафа-бек на своем Алапаче скачет так, что пыль поднялась столбом. Заслышав ржание Алапача, Гырат остановился. Как ни бился Кёроглу, Гырат не двинулся с места. Оглянулся было Кёроглу, чтоб посмотреть, далеко ли, близко Гизироглу Мустафа-бек, как тот хватил его палицей по голове. Не удержался на коне Кёроглу, упал на землю и покатился вниз прямо в реку. Бросив палицу, Гизироглу обнажил меч, чтоб снести голову Кёроглу, но тот ловко выскочил из реки, мгновенно схватил палицу Гизироглу и нанес ему по голове такой удар, что на этот раз в реку покатился сам Гизироглу. Когда же тот, поднявшись, хотел выбраться из воды, Кёроглу протянул руку, помог ему выйти на берег и только хотел взяться за свой египетский меч, как Гизироглу сказал:

— Остановись, Кёроглу! Ведь у тебя со мной никакой вражды нет.

— У меня-то нет, — ответил Кёроглу, — но у тебя, вижу, есть.

— Нет, и у меня нет. Мне только хотелось узнать, кто из нас сильнее — ты или я? И я это узнал. Теперь драться нам ни к чему. Дай руку, будем друзьями!

Кёроглу и Гизироглу протянули друг другу руки, расцеловались и разъехались в разные стороны. Кёроглу поскакал в Ченлибель, а Гизироглу — в горы.

Оставим Кёроглу ехать своей дорогой, посмотрим, что сделал Гизироглу.

Он приехал прямо к своему отряду.

— Ну, что? Где голова Кёроглу? — спросили его.

Гизироглу рассказал им все, как было.

Среди его людей пошло перешептывание: «Врет он. Верно, от страха даже не посмел показаться на глаза Кёроглу». Сколько ни уверял Гизироглу — никто не верил ему. Рассердился он, наконец, и сказал:

— Тогда давайте поедем в Ченлибель. Спросите у него самого. Если он человек честный и мужественный, скажет всю правду. Если же бесчестный и солжет, я сражусь с ним на ваших глазах, а вы поглядите.

Все согласились. Сели на коней и поехали в Ченлибель.

Пусть себе едут в Ченлибель — с одной стороны Кёроглу, с другой — Гизироглу со своими людьми, а вы слушайте теперь об удальцах.

Удальцы ехали, ехали и наконец ранним утром доехали до Ченлибеля. Женщины вышли им навстречу. Завидя издали Нигяр-ханум, Коса-Сафар крикнул:

— Нигяр-ханум, скажи, пожалуйста, приехал Кёроглу или нет?

— Нет, — отвечала Нигяр-ханум, — еще не приезжал.

— Вот и хорошо, — сказал Коса-Сафар. — Хоть раз и мы выиграли. Приехали к месту раньше его.

Вдруг раздалось могучее ржание Гырата. Повернулись все, смотрят — Гырат пасется на склоне, а Кёроглу, лежа на зеленой траве, поглядывает на них и, улыбаясь, говорит:

— Где вы пропадали? Да у меня от ожидания уже глаза слипаться стали.

— Опять ты выиграл! — сказал Коса-Сафар.

— Выиграл. Но ведь у нас есть еще одно условие. Кто первым придет и поздоровается со мной, тому даю сто

золотых. Значит, еще с того раза я должен каждому из вас по сто золотых, а теперь вы, все семь тысяч семьсот семьдесят семь удальцов, приехали сразу. В казне Аслан-паши только и наберется золота, чтобы расплатиться с вами, выходит, значит, что казна его должна достаться вам. Как хотите, так и делите ее между собой.

Удальцы прыгнули с коней. Разостлали суфры.

Оставим теперь их есть, пить, петь и плясать, а вы послушайте об отряде Гизироглу Мустафа-бека.

Отряд подъехал как раз тогда, когда пир был в разгаре, Мустафа-бек сказал:

— Мешать сейчас их веселью не дело! Подождем, пусть кончат.

Они отошли в сторону и стали ждать.

Когда кравчий обошел круг, все повеселели и головы прояснились. Нигяр-ханум сказала:

— Ну, Кёроглу, рассказывай, как вам ездилось? Как удалось спасти наших молодцов?

Кёроглу поведал им все, как было, от начала до конца, — но о Гизироглу не обмолвился ни словом. Повела Нигяр своими голубыми глазами, покосилась на Кёроглу и спросила:

— Ах, Кёроглу, найдется ли на свете второй такой игид, как ты, или только твоя мать родила на свет такого пехлевана?

Кёроглу ничего не сказал. Поднялся, взял саз ашыга Джунуна, прижал к груди и запел:

Рожден мужчиною на свет
Гизироглу Мустафа-бек.
Тебе и в мире равных нет,
Гизироглу Мустафа-бек.

Конец копья в крови, звенит.
У храбрецов достойный вид.
Прославлен на земле игид
Гизироглу Мустафа-бек.

Алапача — твой жеребец,
Под стать Гырату удалец,

Раздвоен булавы конец,
Гизироглу Мустафа-бек.

Когда б под крышею одной
Родились, хороши собой,
Мы были б братьями с тобой,
Гизироглу Мустафа-бек.

Коль кликнет клич на всю страну —
Сберет друзей в страну одну
И бросит Кёроглу в волну
Гизироглу Мустафа-бек.

Когда Кёроглу кончил петь, Гизироглу Мустафа-бек, выйдя из своего укрытия, подошел к пирующим.

— Кёроглу, ты и впрямь благородный, мужественный человек, — сказал он. — Но только слишком ты возвеличиваешь подвиги других и умалчиваешь о своих. Теперь постой, я расскажу всю правду.

И Гизироглу рассказал все, как было, не прибавляя и не убавляя ничего.

Кёроглу и Гизироглу снова обнялись, расцеловались и побратались. Подошли и люди Гизироглу.

И пир начался снова.

2

ПОХИЩЕНИЕ ГЫРАТА ХАМЗОЙ

После всего, что случилось в Багдаде, султан, разослав повсюду письма, созвал к себе именитых, прославленных пашей, сардаров и пехлеванов. Когда все были в сборе и каждый занял свое место, султан сказал:

— Пока подает свой голос Кёроглу, жизни на этом свете для нас нет. Я созвал вас, чтобы выслушать ваш совет — как быть, что делать, как стереть его с лица земли. С каждым днем его отряд растет. Где только ни объявится какой-нибудь проходимец или мошенник, он тотчас же идет к Кёроглу. В один прекрасный день мы узнаем, что он набрал целое войско и забирает наши го-

рода и деревни. После этого придется и нам пойти к нему в услужение или бежать в горы.

Едва султан умолк, как заговорили паши. Каждый давал свой совет. Один говорил: «Давайте обманем его: пригласим в гости, а потом схватим и вздернем на виселицу». Другой предлагал: «Надо переманить кого-нибудь из его людей, посулить денег, золота и заставить его тайно убить Кёроглу». Третий советовал: «Пошлем человека, узнаем, чего он хочет, сговоримся с ним и заключим мир». Четвертый кричал: «Ты ничего не понимаешь!» Пятый вопил: «Ты трус!» Словом, поднялся такой шум, такой гам, что уши уже не слышали того, что произносили уста.

Оставим их спорить, а я расскажу вам о тогатском Хасан-паше. И что бы вы думали, кем был этот Хасан-паша? Тем самым Хасан-пашой, по совету которого Гасан-хан из-за молодых жеребцов выколол глаза отцу Кёроглу — Алы-киши.

Хасан-паша был правой рукой султана. В дни радости и торжеств восседал он за суфрой на самом почетном месте. В дни бедствий не отходил от его изголовья. Сам же паша понимал толк в ратном деле. Знал он великое множество военных хитростей. Хасан-паша выполнял не только то, что приказывал ему султан, но и впятеро больше того.

Хасан-паша был на этом сборище. Когда загорелся спор, раздались крики, поднялся шум, послушал султан, послушал, видит — все орут, а никто не думает двинуться с войском на Кёроглу, все его боятся, как говорится, хотя хотят поймать змею чужими руками. Повернулся он к Хасан-паше и сказал:

— Хасан-паша, слово за тобой!

Встал Хасан-паша, пал ниц перед ним и сказал:

— Да продлит всевышний жизнь султана, веление его — веление аллаха. Ты изволил изречь правду. В самом деле, Кёроглу очень уж обнаглел. Я до сих пор думал, что паши сами сумеют справиться с ним. Но раз дело сложилось иначе, распорядись мною. Я берусь покончить с Кёроглу. И отца его ослепил я. Если будет угодно богу, под милостивой сенью султана мне удастся и самого его вздернуть на виселицу в Стамбуле. Но, да будет долговечна жизнь султана, у Кёроглу везде есть уши, его

люди пробираются в самые высокие собрания, подслушивают разговоры и сообщают ему все слышанное. Поэтому я выскажу тебе наедине, что намерен я предпринять.

Хотя все бывшие здесь и обиделись в душе на пашу, но из страха перед султаном не посмели возразить. Похвалив Хасан-пашу, султан отпустил остальных. Когда же султан и Хасан-паша остались вдвоем, Хасан-паша начал:

— Да продлит аллах навеки жизнь султана! Сейчас Кёроглу стал очень силен. Завлечь его обманом в сети не удастся. Мы должны с трех сторон двинуть на него войска, окружить кольцом и уничтожить со всеми его удалцами. А иначе, даже убив самого Кёроглу, мы ничего не добьемся.

— Хасан-паша, — сказал султан, — даю тебе сорок дней срока, если уничтожишь его, назову тебя своим сэдрезамом, если же нет, тогда...

Хасан-паша поднялся.

— Жизнь моя во власти моего повелителя! Если не сумею привести его к тебе со связанными руками, я сам предам себя смерти. Но только облеку меня властью над всеми пашами и военачальниками.

— Считай, что ты всевластен! Как хочешь, так и поступай!

Когда, склоняясь ниц и поцеловав прах у ног султана, Хасан-паша хотел распрощаться, султан сказал:

— Этот злодей, сын злодея не дает ни одному каравану пройти сюда. Всех грабит. Ты должен собрать вооруженный караван и доставить сюда хоть немного товаров, а то по городу ходят слухи, будто султан бессилен против Кёроглу.

Хасан-паша приложил руки к глазам и ответил:

— И это будет исполнено, мой султан.

После этого султан отпустил Хасан-пашу. А сам приказал написать всем пашам, что Хасан-паше передается власть над ними. Кто ослушается его приказаний, будет повешен.

Оставим гонца развозить султанский фирман, расскажем о Хасан-паше.

Вернувшись прямо в Тогат, он созвал всех известных ему военачальников и пехлеванов. Когда каждый занял свое место, Хасан-паша явился к ним. Прежде всего он

обвел глазами собравшихся и пытливо взглянул на каждого. Убедившись, что все это достойные его доверия люди, он рассказал им все, о чем говорилось у султана, и, прочитав скрепленный султанской печатью фирман, добавил:

— Да будет вам известно! Мы решили с трех сторон двинуть войска на Кёроглу. Мы должны сделать так, чтобы он не успел и глазом моргнуть. Теперь же я собрал вас сюда для того, чтобы вы сказали мне, кто сумеет взяться за это дело? Кто может стать во главе одной из ратей?

Собравшихся точно окатили водой. Все сидели с закрытыми ртами. Казалось, скорей заговорят камни и стены, чем кто-нибудь из них. Тогда Хасан-паша сказал:

— Одну рать поведу я сам, двигаясь посередине. Остальные же две пойдут — одна справа, другая слева и будут отвлекать врага. Я им окажу всяческую помощь.

Все продолжали молчать. Тогда Хасан-паша приказал наполнить две чаши и принести. В каждую из них он бросил по крупному алмазу и сказал:

— Кто же осушит эту чашу, получит алмаз и возьмется за дело? Клянусь, подарю ему тогатское пашалыкство и выдам за него одну из своих девственных дочерей.

При этих словах поднялся один из молодых беков, сидевших во главе собрания. И что это был за человек? Это был Болу-бек из Эрзинджана.

Болу-бек — военачальник крепости Эрзинджан — слыл большим храбрецом. Давно уже был он влюблен в старшую дочь паши, Дунию-ханум. Но сколько ни подсылал он тайком людей, чтоб заручиться расположением девушки, та твердила одно: лучше ей видеть всегда перед собой собаку или волка, чем Болу-бека. Потому-то Болу-бек и не осмеливался засылать сватов к Хасан-паше. Знал он, что Хасан-паша любит своих дочерей, ни в чем не отказывает им. Не приходится им дважды просить его о чем-нибудь. Но коль скоро Хасан-паша во всеуслышание заявил о своем намерении, Болу-бек решил не упускать случая. Он поднялся с места, и Хасан-паша радостно воскликнул:

— Хвала Болу-беку! Я знал, что в конце концов пойдешь ты!

Болу-бек прошел вперед, взял из рук Хасан-паши чашу и сказал:

— Да будет долговечной жизнь паши! Ты знаешь, что я справлюсь с делом. Ставлю только одно условие.

— Скажи свое условие! Каково бы оно ни было, я принимаю его.

Болу-бек был большим хитрецом. Он, как говорится, мог околпачить самого сатану. Обвел он глазами всех собравшихся, потом повернулся к Хасан-паше и громко сказал:

— Паша, я знаю, что это фирман самого султана. Я верю твоему обещанию. Знаю, что не обманешь меня. Как ты поклялся, так оно и будет. Ты дашь мне тогатское пашалыкство и, сделав меня своим слугой, выдашь за меня свою дочь. И не об этом сейчас идет речь. Условие мое такое: ты дашь мне в помощь пехлеванов Хаджар-Алы и Мехтер-Муртуза.

Хаджар-Алы был самым могучим пехлеваном в Тогате. Не приходилось ему еще встречать никого, кто мог бы положить его на обе лопатки или противопоставить свой щит его мечу. Что касается Мехтер-Муртуза, то он ровно семь лет был конюхом Кёроглу и хорошо знал Ченлибель.

— Сладки нам твои условия. На все согласен, — сказал Хасан-паша.

Тогда Болу-бек осушил чашу до дна. Положил алмаз в карман, вернулся и сел на свое место.

Затем Хасан-паша поднял другую чашу.

— Теперь очередь за вторым!

В это время вбежал запыленный гонец. Отвесив поклон Хасан-паше, он протянул ему какое-то послание. Хасан-паша прочел его — оно было от Араб-Рейхана. Тот писал: «Хасан-паша, слышал я, что ты собираешься двинуть войска на Кёроглу. Да будет тебе известно: он мой враг. Если согласен, и я пойду на него».

Хасан-паша возликовал. Знал он про богатырскую силу Араб-Рейхана. Слышал и о его встрече с Кёроглу.

— Второй пришел сам, — сказал он.

Взял чашу Хасан-паша и протянул ее гонцу.

— Осуши чашу! А алмаз, что лежит на дне, отдашь

своему господину! Скажешь — мы его ждем. Пусть поскорей едет с почетом и радостью встретим его.

Гонец осушил чашу, вынул алмаз, почтительно поцеловал и спрятал его. Паша повелел своему визирю накормить, напоить гонца, дать ему денег и отправить в обратный путь. А Араб-Рейхану написать ответное письмо. Визирь увел гонца. Гости спросили: от кого письмо?

— От Араб-Рейхана! — ответил Хасан-паша.

Все возрадовались. По приказу Хасан-паши позвали певцов, музыкантов, танцовщиц. Начался пир. Поев, попив, все еще больше повеселели. Тогда Мехтер-Муртуз, склонившись ниц и припав к ногам паши, сказал:

— Да продлит аллах дни моего владыки! Жизнь моя принадлежит султану и тебе, паша. Веление твое — веление аллаха. Никто не осмелится перечить тебе. Куда прикажешь, туда мы и пойдем. Только знай, — сила Кёр-оглу наполовину в его коне. Пока он сидит на своем прославленном Гырате, мы ничего с ним не поделаем! Кто хочет погубить Кёр-оглу, должен лишить его этого коня!

Слова эти крепко запали в голову Хасан-паше. Не только Мехтер-Муртуз, все подтвердили их справедливость.

— Мехтер-Муртуз, — сказал Хасан-паша, — кто распознал беду, знает и лекарство от нее. Скажи, как нам заполучить Гырата?

— Клянусь аллахом, — сказал Мехтер-Муртуз, — откуда мне знать это, паша? Ведь конь его не продажный. Надо найти человека, который бы рискнул своей жизнью, отправился в Ченлибель и привел коня или же сложил там свою голову.

Посмотрел паша вокруг, видит — все сидят, опустив головы. Хасан-паша и сам понимал, что нелегко найти охотника пойти на такое дело. Так сидел он, раздумывая, вдруг смотрит — поодаль, совсем у входа в покои, где снимают обувь, поднялся кто-то в лохмотьях. Посмотрел Хасан-паша — да ведь это плешивый Хамза!

Плешивого Хамзу все презирали, все им брезговали. В дома его не пускали, — дескать, утащит башмаки; из конюшен гнали — украдет попону. Все же, когда начался пир, плешивый Хамза кое-как протискался, чтобы поесть на даровщинку. Словом, вылез этот самый Хамза на середину комнаты и сказал:

— Да продлит аллах жизнь паши! Я берусь за это дело. Если приведу Гырата — приведу, если ж не будет мне удачи и Кёроглу меня раскусит, ну что ж, одной плешивой головой будет меньше. Пусть же она будет положена за тебя, мой паша! Но, паша, одного золота мне мало.

— Дам тебе бекство.

— И бекства мне мало.

— Усыновлю тебя!

— Нет, паша, да буду я жертвой твоею, ничего этого в отдельности мне не надо. А и то, и другое, и третье ни ты не дашь мне, ни я не попрошу у тебя. Лучше всего попрошу я одно, да такое, что будет мне всего дороже, а тебе всего дешевле.

— Проси, посмотрим, что это такое.

— Вы говорите — половина силы Кёроглу в Гырате. Я приведу эту половину, а другая достанется вам. И от этой половины часть падет на Болу-бека. Паша, да буду я жертвой твоею, за одну эту частицу ты предложил Болу-беку тогатское пашалыкство, драгоценный алмаз и свою старшую дочь Дунию-ханум. Так отдай же мне за всю эту половину свою младшую дочь, и я пойду приведу Гырата.

— Вот глупец! Неужели одна девица дороже богатства, бекства и чести быть моим названным сыном!

— Паша, ты знаешь, что плешивых бог умом не обидел. Я знаю свое дело! Знаю, что ты не дашь мне сразу все эти три дара. Если же отдашь за меня свою дочь, я стану твоим зятем. А зять все равно что сын. А сыну паши и бекство, и богатство придут сами собой.

Все присутствовавшие воздали хвалу ловкости и сметливости Хамзы. Хасан-паша задумался. Он не знал, как быть. Очень не хотелось ему отдавать дочь за Хамзу с его плешивой башкой. Но что поделаешь: если тот приведет Гырата, с Кёроглу будет покончено. Значит, тогда он, Хасан-паша, станет сэдр-эзамом

— Хорошо, Хамза, — сказал он наконец, — я согласен.

— Да продлит аллах твою жизнь, паша! — сказал Хамза — Но будь добр, потрудись написать сие от своего славного имени и сверху скрепи печатью, а я спрячу бумагу у себя. После этого назначь мне срок. Если приведу

к сроку, тогда дай обещанное, если не приведу, прикажи снести мне голову.

Волей-неволей Хасан-паше пришлось выдать от своего имени бумагу. Скрепил он ее своей печатью и отдал Хамзе. Взял Хамза бумагу, сложил, спрятал на груди и сказал Хасан-паше:

— Теперь позволь мне удалиться. Путник, как сказано мудрыми, должен быть в пути.

Сказав это, Хамза ушел. Хасан-паша был доволен. Он отпустил приглашенных, сказал Болу-беку все, что хотел сказать, поручил все, что должен был поручить, и отпустил, чтобы тот готовился к походу. А сам написал письмо и отправил с гонцом главе баязетского купечества Ахмеду: «У меня к тебе важное дело. Как говорится у нас: „Намыль голову там, побрей тут“». Что означало — добудь мне хоть из-под земли круглую сумму.

Итак, пусть гонец спешит в Баязет к Ахмеду — главе купечества, Болу-бек едет в Эрзинджан готовиться к походу, а я расскажу вам о плешивом Хамзе.

Хамза надел свои чарыхи, обмотал потуже ноги, завернул в дастархан два-три чурека, обвязал его вокруг пояса и пустился пешочком в дорогу. Что ни день — то привал, что ни ночь — то постой, там спросит, тут спросит, долго шел — коротко отдыхал, коротко шел — долго отдыхал и наконец как-то раз под вечер дошел до Ченлибеля.

Рассказывают, что Кёроглу стоял на горе Аггая и смотрел на караванный путь. Видит, бредет какой-то путник. Он подождал, пока Хамза не добрался до подножия Аггая и не начал карабкаться вверх по тропинке. Тогда спустился Кёроглу с горы и преградил ему дорогу:

— Стой! Отвечай, кто ты? Откуда идешь, куда держишь путь?

Смотрит Хамза — стоит перед ним такой пехлеван, такой богатырь, что не каждый решится заглянуть ему в глаза. Рост, осанка, плечи, руки. Черные усы торчат, словно рога у быка, так и говорят — заколю, заколю! Глаза соколиные так и горят, так и играют. А у пояса такой меч, что не приведи аллах! Смекнул Хамза, что перед ним сам Кёроглу и, как говорится, накинул на лицо покрывало лжи и притворства. Прикинулся, что не узнал, кто стоит перед ним, и говорит:

— Я ищу Кёроглу!

— А на что он тебе? — спросил Кёроглу.

— Ох, — ответил Хамза, — да перейдут на меня все твои недуги и горести! Я табунщик. Всю свою жизнь я служил бекам и пашам, ходил за их табунами. Как говорится, от питья воды из лягушечьих болот губы мои покрылись бородавками. Ох, лучше бы мать моя вместо меня родила черный камень. Голова у меня покрылась паршой. Из-за этого ни в одном доме меня не держат. Как бы усердно ни служил, взглянут на мою паршу, тотчас выгоняют. Из-за этой парши мир стал мне тесен, нет мне в нем места, нет приюта. И вот теперь, любезный, пришел я сюда, вся моя надежда на Кёроглу. Говорят, он щедр и благороден. Хлеба своего не жалеет. Или пусть он оставит меня у себя подбирать корки с его суфры, или снесет мне голову с плеч и освободит от горести и забот.

И Хамза заплакал, да так, что слезы у него полились рекой. Кёроглу пожалел его.

— Ну, пойдем! — сказал он. — Я — Кёроглу, которого ты ищешь.

Хамза повалился ему в ноги.

— Кёроглу, быть бы мне жертвой тебе! Не гони меня от себя!

Поднял его Кёроглу и сказал:

— Встань! Ты мужчина или кто? Не подобает мужчине валяться в ногах ради куска хлеба.

Хамза поднялся. Кёроглу спросил его:

— Ну, говори, что умеешь делать?

— Душа моя, Кёроглу! Знаю, что с моей плешивой башкой ты не сделаешь меня ни поваром, ни виночерпием. Поручи мне коня, и я буду ходить за ним. Испокон веков это наше ремесло.

Кёроглу повел за собой Хамзу.

— Послушай, Кёроглу, — сказали удальцы при виде Хамзы, — где ты нашел его? Смотри, глаза у него бегают, как у сороки с Учтепе. Что-то он не похож на человека честного. Отделайся от него, пускай идет своей дорогой.

И женщины поддержали удальцов.

Кёроглу уgomонил женщин и удальцов, сказав:

— Не видите разве, что он за бедняга? Какой от него

может быть вред? Пускай подбирает корки с нашей суфры и околачивается на задворках.

И стал Хамза подбирать крохи и копаться в доме, во дворе и на задворках. Что бы ни приказали, куда бы ни послали его женщины и удалцы, он исполнял все с большим усердием. Благодаря этой своей ловкости и проворству, он все больше входил в доверие женщин и удалцов. Кёроглу поглядел, поглядел на все это и разрешил ему сменить свое прозвище: именоваться впредь не плешивым Хамзой, а Кялогланом.

В конюшне стояла вьючная кобыла. Столько повозила она за свою жизнь клади, что остались у нее одни ребра. Ее-то и поручили Хамзе. Стал он ухаживать за клячей.

И он ухаживал, да еще как!

Вечером скребет, чистит, холит, утром скребет, чистит, холит. Стянет, бывало, овес и ячмень у других лошадей и прикармливает свою клячу. Не прошло и нескольких дней, кобыла до того откормилась и разжирела, что, как говорится, не влезала в собственную шкуру.

Как-то раз Кёроглу зашел в конюшню поглядеть на лошадей. Посмотрел он на клячу и изумился.

— Послушай, Кялоглан, — сказал он, — славно смотрел ты за кобылой. Ну, раз ты умеешь так ухаживать за лошадьми, поручаю тебе Дурата. Что-то он в этом году сильно сдал. Добейся, чтобы он догнал Гырата.

Не понравилось это женщинам и удалцам, да Кёроглу не стал слушать их.

Поначалу Хамза всячески ухаживал за Дуратом, но, как только Дурат набрал в теле, тотчас перестал давать ему ячмень. Дурат снова стал худеть.

Кёроглу спросил:

— Послушай, Кялоглан, что случилось с конем, почему он опять день ото дня тощает? Или ты плохо смотришь за ним?

— Господин мой! — ответил Хамза. — Я делаю все, что в человеческих силах. Да ведь конь на привязи, на ногах его путы. Нет ему ни света, ни простора, и потому он томится и худеет.

Гырат и Дурат стояли в одной конюшне. У каждого на ногах были железные путы, и отпирались они особыми ключами.

Кёроглу отдал Хамзе ключи от пут Дурата. Узнав об этом, женщины и удальцы вознегодовали:

— Что ты, Кёроглу? Как мог ты доверить ключи чужому человеку?

Но Кёроглу опять успокоил женщин и удальцов:

— Не бойтесь, ничего не случится.

В несколько дней Хамза откормил Дурата так, что на нем шкура чуть не лопалась. Но время шло. Истекал уж месяц с тех пор, как Хамза пришел в Ченлибель. Срок, назначенный Хасан-пашой, подходил к концу. Думал-думал Хамза и как-то раз ночью сказал себе: «Если даже я целый месяц пробуду здесь, все равно Кёроглу не даст мне ухаживать за Гыратом, не доверит ключи от его пут. Откуда знают в Тогате, который Гырат, который Дурат. Давай-ка возьму я этого, обману пашу, женюсь на его дочери и хоть пять дней поживу на этом свете в свое удовольствие».

Решив так, Хамза ночью потихоньку оседлал Дурата, сел и, напомнив себе поговорку: «Кто опоздает, тот все потеряет», — тотчас поскакал в Тогат.

Настало утро. Дели-Мехтер, поднявшись с постели, отправился в конюшни. Смотрит, нет ни Дурата, ни Хамзы. Кровь ударила ему в голову. Бросился он к Кёроглу:

— Что ты сидишь? Нет нигде ни Дурата, ни Хамзы.

Удальцы всполошились. Женщины напали на Кёроглу и пошли попрекать его:

— Мы ведь тебе говорили — не доверяй, не поручай коня чужаку! Что коня похитили, что жену — одно бесчестье. Раньше и птица не осмеливалась пролететь над Ченлибелем, при одном имени твоём паши и беки трепетали, как листья. А теперь, посмотри, до чего дошло, — какой-то плешивый крадет отсюда коня. Весть об этом разнесется повсюду. Враги наши обнаглеют. Ты сам, своими руками, сделал то, чего весь свет не мог бы сделать. Ну, скажи, где ты теперь найдешь Дурата? Как приведешь его?

— Дурат ушел, — ответил им Кёроглу, — но Гырат остался. Сяду на него, поеду и приведу. Хватит попрекать меня.

— Да, поедешь, приведешь... — говорили удаль-

цы. — Разве ты знаешь, кто он, откуда явился? Куда угнал коня?

Кёроглу очень разгневался, но что он мог возразить, когда сам был виною всему. В ярости он покусывал усы. Вдруг вскочил, повернулся к Эйвазу и сказал:

— Эйваз, вина!

Эйваз принес вино. Кёроглу осушил семь чаш подряд, затем позвал Дели-Мехтера и приказал:

— Седлать коня!

Оседлав, как положено, Гырата, Дели-Мехтер подвел его к Кёроглу. Казалось, тот онемел. Эх, да какие тут слова! Он даже не шевельнул губами. Сел на коня и поехал.

Оставим Кёроглу ехать своей дорогой, а я расскажу вам о Хамзе.

От страха Хамза не смел нигде остановиться, отдохнуть и все гнал и гнал коня. Близ дороги находилось местечко Гырх Дейирманлар. Хамза был уже неподалеку от него, как, обернувшись, заметил, что над дорогой пыль поднялась столбом. Внимательно присмотрелся и увидел, что Кёроглу летит на Гырате словно сокол. У Хамзы пересохло в горле. Хотел было он глотнуть слюну — куда там!.. Хватило у него сил хлестнуть раза два Дурата и въехать поскорее на мельницу. Сошел он с коня, привязал его к столбу у ворот и крикнул:

— Эй, мельник, выходи-ка скорей.

Выбежал мельник во двор и спросил:

— Чего тебе, брат? Что случилось?

— Смотри, видишь на дороге всадника? Это Кёроглу, он едет из Ченлибея. Чесотка поразила его табуны. Чем он их только не лечил, каких лекарств не пробовал — не помогает. В конце концов каким Кимягэр приказал ему попробовать мозг мельника. Теперь Кёроглу ищет мельника, чтоб убить, взять его мозги и лечить ими коней от чесотки. Меня послал Хасан-паша, чтоб я известил об этом всех мельников. Скорей спасайся, а то он в один присест разделается с тобой.

— Голубчик мой, что мне делать? — едва шевеля губами, залепетал мельник. — Как спастись от него? Ведь у меня куча детей. Посади меня на круп своего коня и увези куда-нибудь.

— Эх, жаль мне тебя! Снимай-ка свою одежду да

одень мою, ступай, спрячься. Что поделаешь. У тебя семья, дети твои останутся сиротами, а я холост. . .

Мельник быстро переоделся в одежду Хамзы и побежал, спрятался в донузлуке. Хамзе только этого и надо было. Одевшись мельником, вошел он на мельницу, прыгнул в умолот и густо вывалял голову, лицо и руки в муке.

Тут как раз подъехал к воротам мельницы Кёроглу и крикнул:

— Эй, мельник, выйди-ка во двор!

Хамза вышел, встал в дверях и спросил:

— Что прикажешь? Чем тебе служить?

— Куда девался всадник, что ехал сейчас впереди меня?

— Вон он, там спрятался. Не знаю, что он такое сделал, но едва увидел тебя, как бросился бежать и прятаться. А мне наказал не говорить, где он.

Соскочил Кёроглу с коня и сказал:

— А ну, поддержи коня.

Хамза взял поводья. Кёроглу вошел в мельницу, прошел вглубь и крикнул:

— Эй ты, Плешивый, выходи!

Мельник забился еще дальше.

— Куда я выйду? У меня нет мозгов для лекарства от чесотки. Умру, не выйду!

— Послушай, Плешивый, — сказал Кёроглу, — какая чесотка? Какие мозги? Выходи! Надо мне с тобой расчитаться.

Видит Кёроглу — он по доброй воле не выйдет, и подошел ближе. Испугался мельник и забился в самый дальний угол. Кёроглу сделал еще шаг. От страха мельник полез было дальше, да зацепился, и быть бы ему под колесом, но Кёроглу схватил его за ноги и вытащил. Смотрит — какое там, это вовсе не Хамза, а мельник, и понял, что Хамза провел его. Бросился он во двор.

А теперь узнайте, что сделал Хамза.

Хамза, ухаживая в Ченлибеле за Дуратом, исподволь обхаживал и Гырата. А у Гырата был такой нрав, — кому Кёроглу вручал его поводья, тому он позволял садиться на себя. Это и было на руку Хамзе. Как только Кёроглу вручил ему поводья своего коня и пошел искать мельника, Плешивый, приласкав и погладив Гырата, вскочил на него.

Вышел Кёроглу и видит — Хамза сидит верхом на Гырате и держится в сторонке от мельницы. Разгневался Кёроглу, хотел было обнажить египетский меч и броситься на Хамзу, да понял — пользы от этого не будет. Если Гырат понесется, птица и та не догонит его. И принялся увещевать Хамзу:

— Послушай, Кялоглан, я гнал коня, и он весь в мыле. Не мучай его так. Сойди, возьми за уздцы и дай ему пройти немного, чтобы он поостыл.

— Не беда, — ответил Хамза, — я поеду шагом, он поостынет.

И Хамза начал описывать на коне круг. Увидел Кёроглу — Хамза жалкий ездок. От страха так дергает поводья, что удила врезаются в желваки коня.

Не выдержало сердце Кёроглу, и запел он:

Душа моя, око, Хамза,
Не мучай Гырата, Хамза.
Вот просьба моя, Хамза, —
Не мучай Гырата, Хамза.

Моя опора Гырат.
Без него — и жизни не рад.
Тебя заклинаю, брат, —
Не мучай Гырата, Хамза.

Гырат — это очи мои.
Слезы очи точат мои.
Слова слушай мои —
Не мучай Гырата, Хамза.

Коль увидит паша и бек —
Будет смеху на целый век.
Не мучай коня, человек,
Не мучай Гырата, Хамза!

— Кёроглу, ты игид, — отозвался Хамза. — Славное у тебя имя. Месяц я питался крохами с твоей суфры, и не попрекай меня этим. Это тебе не к лицу. Да и стоит ли какой-то коняга того, чтобы из-за него столько просить и молить меня?

— Хамза, — сказал Кёроглу, — я знаю, ты не станешь ни ездить на этом коне, ни держать его у себя. Скажи мне правду, кто подучил и подослал тебя?

— Кёроглу, знай: все, что я говорил тебе в Ченлибеле, правда. Эта плешивая башка моя сделала мир тесным для меня. Нет мне места в нем. Ни одна душа не сжалится и не пустит меня к себе в дом. Теперь я веду этого коня в Тогат отдать Хасан-паше, чтобы наконец узнать светлые дни.

— Послушай, все это придумал Хасан-паша или ты сам додумался? — спросил Кёроглу.

— Это мысль Хасан-паши, он послал меня.

— Сын мой, раз так, слезь и отдай мне коня, а я тебе дам за него все, что пожелаешь, любое богатство.

Усмехнулся Хамза и сказал:

— Кёроглу, ты человек бывалый, видел жизнь, свет и людей. Или ты не знаешь, что сам аллах не сумеет провести Плешивого. Да разве, если я сойду с коня, ты, Кёроглу, оставишь меня в живых? Нет, приятель, не хитри! Плешивого не проведешь, как говорится: «Он за водой не пойдет!»

— Послушай, Кялоглан, неужели ты теперь отнимешь у меня коня и отдашь его Хасан-паше?

— Знаешь, Кёроглу, и у плешивых бывает мужское сердце. Не только твоего коня, даже одного твоего волоска я бы не дал Хасан-паше. Я ведь знаю: рано или поздно ты придешь и завладеешь своим конем. Но надо же и мне среди этих людей добиться своего счастья. Приедешь ты в Тогат, я сам подержу стремя и подсажу тебя на коня. А теперь прощай, я еду, меня ждет далекий путь.

Увидел Кёроглу, что Хамза уводит коня, и сказал:

— Ну, Хамза, раз ты делаешь по-своему, уводишь коня, так постой, я скажу тебе его настоящую цену, чтобы ты не обманулся и не продешевил.

Кёроглу прижал к груди саз и запел:

Постой, я Гырату сейчас тебе цену скажу:
За семьдесят тысяч бойцов, за добро — не отдай!
За семьдесят тысяч серебряных отар,
За семьдесят тысяч, за серебро — не отдай!

За семьдесят тысяч коней, табунов, скакунов,
За семьдесят тысяч даней со всех краев,
За семьдесят тысяч сох, и быков, и плугов
Отточенных, в солнце горящих остро, — не отдай!

— Будь спокоен, Кёроглу, — ответил Хамза. — Я не отдам коня за деньги и богатство. У меня с пашой свое условие. Я приведу ему коня и женюсь на его младшей дочери Дона-ханум.

— Ах, злодей, да разве можно такого коня променять на девицу! — вскричал Кёроглу, прижал к груди саз и закончил песню:

На равнину богатство свезу я с нагорных мест:
За семьдесят тысяч бери, что увидишь окрест.
Но его — за семьдесят тысяч вдов и невест,
За семьдесят тысяч, одетых пестро, — не отдай!

— Я открыл тебе всю правду, Кёроглу, — сказал Хамза. — А теперь как сам знаешь. Как хочешь, называй меня. Ну, я поехал!

— Что ж, Хамза, раз так, езжай, добейся своего. Но только хорошенько смотри за конем, не давай его в обиду, береги до моего приезда! Ведь ты знаешь, конь — это брат игида.

Защемило сердце Кёроглу. Снова прижал он к груди саз и запел:

Хамза, ты береги коня,
Скакун — игиду брат.
Ты день за днем смотри за ним:
Скакун — игиду брат.

В жару веди тропой лесной,
Подковывай его весной
И бархатом покрой зимой:
Скакун — игиду брат.

Люби ты сызмальства коня,
Чтоб на гору летел звеня.
Дай сорок мерок ячменя:
Скакун — игиду брат.

В пути, коль не видать ни зги,
Укрой попоной, помоги.
Подкова — в полторы хогги:
Скакун — игиду брат.

С игидами соединясь,
Сражался я за часом час.
И конь спасал меня не раз:
Скакун — игиду брат.

Купай не в ледяной воде.
Смотри, чтоб не было в хвосте
Репья, чтоб конь не чах в беде:
Скакун — игиду брат!

— Не беспокойся, Кёроглу! — ответил Хамза. — По-
может аллах, приедешь — увидишь!

— Езжай, Хамза! — сказал Кёроглу. — Но смотри пе-
редай Хасан-паше и эти мои слова:

Ступай и паше передай, я прошу:
Гырата возьму, у него не оставлю.
Богатства возьму, уничтожу пашу.
В табунах — жеребят, лошадей не оставлю.

Чашу я осушил — и сгустился туман.
По Гырату тоскую, безумен и пьян.
Знай, паша, что тебе не удастся обман.
Всё разрушу, твоих крепостей не оставлю.

Коль пойдет Кёроглу, значит, праведна месть.
Хлынет дождь — и обвалов в нагорьях не счесть.
Знаю, девушек много припрятанных есть:
Ни одной, кипариса стройней, не оставлю!

— Охотно, Кёроглу, передам. Но и ты приезжай по-
скорее!

Сказав это, Хамза стегнул Гырата и скрылся с глаз.
Кёроглу приехал вернуть Дурата, а упустил из рук Гы-
рата. Сел Кёроглу на землю у ворот мельницы, и послу-
шаем, что спел:

Если мельником стал, то людей созывай,
Чтоб зерно для помола нашел Кёроглу,
Получил ты Дурата, Гырата отдав, —
Так терзайся, печален и зол, Кёроглу.

Нет Гырата, ушел он из рук, словно тень,
И осталась тоска, и нерадостен день.
Так мели свое просо, пшеницу, ячмень
И потом получай за помол, Кёроглу.

Брал ты приступом гору, высокий хребет
И рассеивал войско, питомец побед,
Слыл ты хитрым и опытным множество лет, —
Где ж твой опыт, куда он ушел, Кёроглу?

Словно тень убежал, ускакал мой Гырат.
И в душе моей страшные раны горят.
Что скажу удалцам своим? Жизни не рад,
Плачь, о камень стучи головой, Кёроглу!

Кёроглу сам проголодался, и конь его остался без ячменя. Мельник же, заперев воду, удрал. Кёроглу так и уснул, не поев, не попив. Когда же настало утро, смотрит, идет какой-то крестьянин, погоняя двух навьюченных быков. Крестьянин подошел, посмотрел на Кёроглу, оглядел его одежду и сказал:

— Послушай, брат, где мельник?

— Мельника нет. Теперь на мельнице я, — ответил Кёроглу.

Крестьянин не поверил. Но Кёроглу, не дав ему опомниться, быстро снял чувалы и поволок на мельницу.

— А что, брат, есть тут ячмень? — спросил он. — Конь голоден. Боюсь, как бы не заболел. Позволь, я отсыплю ему немного ячменя.

— Два чувала с ячменем, а два с пшеницей, — ответил крестьянин.

Смотрит Кёроглу, чувалы с ячменем неполны. Торопливо пересыпал он весь ячмень в один чувал и поставил перед Дуратом. Крестьянин хотел было схватить мешок, но Кёроглу только покосился на него, и крестьянин понял, что мельник этот особенный — начнешь с ним спорить, да без головы останешься. Отошел и стал в сто-

ронке. Кёроглу и сам был голоден. Пока Дурат ел свой ячмень, он перемолол всю пшеницу. Потом, налив в корыто воды, замесил тесто, развел огонь, испек чурек. Заколоч одного быка и изжарил шашлык. Поел так, что пояс чуть не лопнул, и тогда обернулся к крестьянину. Видит, крестьянин молча усталился на него и глядит широко раскрытыми глазами.

— Ну, дядюшка, — сказал Кёроглу, — не пугайся, во что ценишь все, что я съел?

Крестьянин молчал. Увидел Кёроглу, что тот слова вымолвить не может от страха, вынул деньги и уплатил ему и за ячмень, и за муку, и за быка вдвое больше того, что они стоили. Крестьянин остался доволен. Вскочил тогда Кёроглу на Дурата и поехал.

Удальцы и женщины были в большой тревоге за Кёроглу. Не сводя глаз с дороги, сидели они и ждали его. Смотрят, идет Кёроглу. Идет, но как? Дурат следует за ним на поводу, сам же он идет, понутив голову, точно это не Кёроглу, а мельник. Удальцы и женщины поняли, что Хамза обманул Кёроглу и увел Гырата. Все опустили головы. Ни поклона, ни привета.

Кёроглу подошел. Вышел ему навстречу Эйваз, и послушаем, что спел:

Теперь ты сделался купцом —
Со сделкой поздравляю!
Ты научился торговать —
Со сделкой поздравляю!

Зачем ты здесь? Средь бела дня
Ночь нынче в сердце у меня.
Ты Кялоглану дал коня —
Со сделкой поздравляю!

Эйваза что оставил ты,
Игидов что ославил ты,
В придачу что прибавил ты?
Со сделкой поздравляю!

В каких переделках ни бывал Кёроглу, но никогда еще удальцы не встречали его так. На этот раз и жен-

щины на него не взглянули, и воины не поклонились ему. Горькие упреки Эйваза тяжким камнем легли на душу. Как ни крепок был Кёроглу, а и он чуть не заплакал. Прижал к груди свой саз и печально запел:

Всё изменчиво в мире — и время, и нрав.
Почему ты печальна, душа? Веселись!
Удальцы не ответили мне на поклон.
Почему ты печальна, душа? Веселись!

Я игид, я храбрец, я из крепких пород.
Этот мир — он царя Сулеймана оплот.
А богатство — как грязь — то придет, то уйдет.
Почему ты печальна, душа? Веселись!

Кёроглу глубину угрызений постиг.
Грудь в крови — полыхает душа как тростник.
Мне довольно того, что пою, что ашыг!
Почему ты печальна, душа? Веселись!

Но даже эти печальные слова не смягчили сердца у игидов, до того они были раздосадованы. Ни один не взглянул на Кёроглу. А иные даже проворчали:

— Коль скоро наши слова для Кёроглу все равно, что пустой орех, к чему нам тогда оставаться здесь?

Очень все это обидело Кёроглу. И Гырата он упустил, и попался на удочку плешивого Хамзы. Мало ему своего горя, а тут еще терпеть такую обиду от удальцов. Не сдержался он и сказал:

— Никого из вас насильно не держу. Кто хочет уйти, — дорога открыта. Конь был мой, я его отдал, и сам перед собой в ответе.

Не привыкли к такому разговору удальцы. Вознегодовали все и решили покинуть лагерь. Но тут поднялась Нигяр, и удальцы остановились. Кому-кому, а ей никто никогда не перечил. Дели-Гасан вернулся и сел на свое место. Уселся и Эйваз. Сел Демирчиоглу. Постепенно один за другим вернулись и уселись все. И сама Нигяр села с ними, отвернувшись от Кёроглу. То, что Нигяр отвернулась от него в столь печальный час, еще больше ранило сердце Кёроглу. Обернулся он к ней и запел:

На вершины сияющих гор
Подниматься ты где научилась?
И безумное сердце мое
Сокрушать у кого научилась?

Что ж ты стала надменною вдруг?
Поцелуй твой — нет радостней мук.
Как рассерженный сокол, вокруг
Озираться ты где научилась?

Снег с горы пусть уходит во мглу,
Пусть растает, омоет скалу.
О, возлюбленная Кёроглу,
Обижаться ты где научилась?

Нигяр смолчала, не подняла головы, даже не взглянула на него. Видит Кёроглу — нет, это не простая ссора. Тяжко было ему терпеть такую обиду от любимой подруги. Прижал он к груди саз, и послушаем, что спел:

Нигяр, свет очей голубых,
Почему от меня отвернулась?
Жизнь свою за тебя отдаю.
Почему от меня отвернулась?

За ягнятами — овцы вослед...
Всё мне видится ног твоих след.
Был предательский, видно, навет.
Почему от меня отвернулась?

Пусть сопутствует счастье везде
Храбрецу — в поединке, в мечте.
Кёроглу я, когда я в беде —
Почему от меня отвернулась?

Нигяр-ханум взглянула на него в упор и спросила:
— Как мог сказать ты своим удалцам — уходите? —
Протянула она руку, отобрала у него саз и запела:

Цену прекрасным кудрям
Уроду откуда знать?

Воробышкам цену роз
И всходов откуда знать?

Кто в поле быков не вел
И хлеб свой не клал на стол,
Кто в жизни не видел пчел —
Цену меда откуда знать?

Стыдись, Кёроглу удалой!
Иль ты опьянен высотой?
Достигшему славы такой
Жизнь народа откуда знать?

Рассказывают, что после песни Нияр-ханум Кёроглу не сказал ни слова. Видно, понял он свою вину. Встал, вышел и упал ничком на зеленую траву. Так пролежал он без пищи и без питья ровно три дня и три ночи.

И удальцы поняли, что поступили плохо. Не подбодрили его, не утешили и тем еще больше умножили его горе. Как они ни ходили вокруг, Кёроглу не поднимал головы. Рассказывают, что в таких случаях Кёроглу ложился ничком и спал ровно три дня и три ночи.

— Нияр-ханум, — сказал Демирчиоглу, — уладить все это больше некому, кроме тебя и Эйваза. Чтобы утешить его, надо найти путь к его сердцу.

— Хорошо, — согласилась Нияр, — пусть он спит. А вы, перед тем как ему проснуться, разойдитесь. Не показывайтесь ему на глаза. Эйваз приведет его ко мне, и я все улажу.

Оставим удальцов за беседой, а я расскажу вам о Кёроглу.

На исходе третьего дня снится Кёроглу, что он в Тогате перед Хасан-пашой, а Гырат пляшет под ним. Вздрогнул он и проснулся. Смотрит — Эйваз сидит у его изголовья в такой печали, в такой печали, что, кажется, скажи ему одно слово, и он горько заплачет. Вспыхнуло, запылало сердце Кёроглу подобно семендеру. Прижал он к груди саз и запел:

О Эйваз, что ты хочешь, скорей говори.
Вывать жизнь, как занозу, иль что-то другое?
Что струится сейчас из твоих очей —
Кровь ли это, иль слезы, иль что-то другое?

Где твой кравчий, который разлил бы вино?
Ты мне боль причиняешь, на сердце темно.
Грусть в лице твоём, пасмурно нынче оно —
То туман, или грезы, или что-то другое?

Кёроглу, подожди, все слова объясни,
Сам себе растолкуй — что же значат они?
Спишь — очнись от тяжелого сна и взгляни —
Видишь призрака, угрозу или что-то другое?

Эйваз сказал:

— Вставай, пойдем! Удальцы и женщины ждут тебя.

— Нет, Эйваз! — сказал Кёроглу. — Ты говоришь неправду. Очень я обидел удалцов и женщин, не захотят они теперь даже смотреть на меня.

Как ни уговаривал Эйваз, Кёроглу не поднялся с места.

— Нет, Эйваз, — говорил он, — пока я не приведу Гырата, не могу я выйти к ним.

— Это верно, — сказал Эйваз. — Ну, тогда вставай, одевайся, возьми оружие и отправляйся в путь.

Кёроглу встал. Только он сделал шаг, как слышит, о всемогущий аллах, кто-то играет на сазе и поет, да так, что словами не передать. Прислушался Кёроглу и узнал голос Нигяр-ханум. Так она пела, так играла, что птицы в небе готовы были остановиться и слушать.

Посмотрел он, увидел, что Нигяр стоит на лужайке, смотрит на него и поет:

О люди, о судьи, в надежде смотрю —
Когда бы он милым моим оказался!
Не это ль начертано в книге судеб?
Когда бы он милым моим оказался!

Пусть не будет под солнцем бесплодных садов,
И живет благодатная тяжесть плодов,
И у девушки каждой да будет любовь!
Когда бы он милым моим оказался!

О жестокий — мне жизнь без тебя — не дар.
И ресницы твои — как стрелы удар.
И жизнь отдала б за него Нигяр, —
Когда б он милым моим оказался!

И сказал тогда Эйваз:

— Ну что, видел? Теперь пойдём!

Кёроглу направился к Нигяр. Подошел он к лужайке — и что же увидел? Там устроили такое пиршество, что и описать нельзя. Удальцы и женщины, разодетые, разнаряженные, сидят и ждут его.

Кёроглу сел среди них. Эйваз сам стал кравчим. Поели, попили, развеселились сердца, — ссора и обида были забыты, и стало все, как было прежде. Кёроглу рассказал им, как было с Хамзой. Затем взял саз и спел:

Уповая на бога, пускаюсь я в путь.
Бедам в этой груди оставаться не дам.
Ожидает Гырат, моему скакуну
Я на вражьем пути оставаться не дам.

Полыхает в огне и вздымается грудь.
Добиваться победы пустился я в путь.
Может, месяц пройдет, чтоб Гырата вернуть.
Только целому году пройти я не дам.

Кёроглу я, умелый боец и храбрец.
Невозможно, чтоб вышел из боя боец.
Сокол — я, а стервятник падет наконец.
И добычу свою унести я не дам!

Переоделся Кёроглу с ног до головы, привесил к поясу египетский меч, булаву, поверх боевых доспехов надел тулуп, перекинул через плечо саз и один пешком пустился в путь — прямо в Тогат.

Долго ли шел, коротко ли, ночи сливались с днями, дни с ночами, когда наконец добрался он до Тогата. Смотрит, смеркается. Постучался он в двери к одной старухе и спросил:

— Послушай, бабушка, примешь меня гостем на одну ночь?

— Отчего не принять? — ответила старуха. — Всякий гость — гость аллаха.

Вынул Кёроглу горсть монет и сказал:

— Тогда возьми и приготовь мне поесть!

Увидела старуха, что денег много, и спросила:

— Что истрачу — истрачу, а куда дену остальные деньги?

— Какие остальные деньги? Купи на все! — ответил Кёроглу.

— На что тебе одному столько?

Рассмеялся Кёроглу и сказал:

— У меня будут гости. Приготовь еду на десять человек!

Распорядившись так, Кёроглу вошел в дом и сел. А старуха поспешно собралась и засемила на базар. Накупив масла, рису, мяса, принесла она все это домой и приготовила ужин на десять едоков.

Когда все было готово, пришла она и сказала:

— Ужин готов, а твоих гостей все нет и нет. Что же нам теперь делать?

— Они, верно, уже не придут. Неси все сюда!

— Все? — спросила старуха.

— Да, все, — ответил Кёроглу.

Старуха сперва не поверила. Потом увидела — нет, он не шутит. «Что же, — подумала она, — принесу, подам. Ведь не чудовище же он в самом деле? Желудок-то у него один! Что съест — съест, а остального хватит мне дней на десять — пятнадцать».

Словом, поставила она посередине медный поднос и выложила на него весь плов. Плов высился, как белая горка. Бедная старуха сколько ни тужилась, не могла поднять с пола поднос. Тогда Кёроглу встал, поднял поднос и внес в комнату, поставил, засучил рукав и сел. «Нехорошо, — подумала старуха, — если я сяду вместе с ним и буду есть. Пусть он поест, насытится, а остальное потом я буду есть помаленьку».

— Бабушка, иди покушай, — окликнул Кёроглу старуху.

— Кушай ты, я не голодна, — ответила старуха.

— Да что ты там ела, что не голодна? Иди! Потом будешь каяться.

— Нет, кушай ты! Я насытилась одним запахом.

— Бабушка, иди! Смотри, потом будешь жалеть...

И Кёроглу принялся за плов. Только раз глотнул, а вершины горки как не бывало. Видит старуха, протяни он руку еще раза два-три, и на подносе ничего не оста-

нется. «Ох, — сетовала она, — заболею, распухну я от запаха плова».

Однако она сказала «не хочу», и теперь пришлось стоять на своем — подойти уж нельзя. Сидела она, смотрела и думала: «Ой, аллах, хоть бы окликнул меня еще разок, и я бы поела хоть немножечко!»

Вдруг Кёроглу сказал:

— Бабушка, иди же, потом пожалеешь.

Старуха тотчас уселась у подноса. Словом, поели, попили, насытились. Потянулся Кёроглу, расправил кости. Покрутил свои длинные усы, заложил их за уши. А старуха унесла остатки, убрала суфру, села, и они разговорились.

— Гость мой, по сазу вижу, что ты ашыг, а обликом не похож на наших ашыгов.

— Я с той стороны Гафа, — ответил Кёроглу. — Люди в наших краях все такие.

— А есть у тебя дом, двор, семья, родные?

Понял Кёроглу, что она неспроста спрашивает, и ответил:

— Нет, я одинок. Никого у меня нет.

Помялась немного старуха и спросила:

— А почему до сих пор не женился?

— Не знаю. Не мог найти подходящей невесты.

Старуха рассмеялась, раскрыла рот, увидел Кёроглу, что во рту у нее от зубов остался только один сломанный корешок, и спросил:

— А почему ты спрашиваешь об этом, бабушка?

Рассердилась тут старуха и заворчала:

— Почему ты называешь меня старухой? Смотришь на мои зубы? Они выпали от цинги.

— Ну что ж, будь не старушка-бабушка, а невеста-сестра. Теперь так и стану называть тебя.

— И зря. Какая я тебе сестра?

Понял Кёроглу, что у старухи на уме, и спросил:

— Хорошо, бабушка, скажи, как ты живешь, что у тебя есть, чего нет?

— По милости твоей всего у меня в достатке. Телушка есть, куры есть. И несутся каждый день.

— А семья? Кто у тебя?

— Никого, — ответила, жеманясь, старуха. — Я тоже, как и ты, одна-одинешенька.

Кёроглу понял, куда она гнет. Увидела старуха, что гость помалкивает, не поддерживает разговор, и сказала: — Твои гости не пришли. И ты так и не поиграл на сазе.

— Ничего, придут завтра, поиграю.

— Завтра меня не будет дома. Я пойду на свадьбу Хамза-бека.

— Какого Хамза-бека? Кто он такой?

— Хамза-бек — зять Хасан-паши, большой игид. Он пошел к самому Кёроглу. Слышал, может, о нем?

— Да, да, слышал.

— Да, Хамза пошел и привел коня этого самого Кёроглу, и Хасан-паша возвел его в беки, да в придачу дал свою дочь Дона-ханум. Завтра их свадьба. Я тоже буду среди молодых женщин и девушек.

— Послушай, старушка-бабушка... ах, нет, прости, невеста-сестра, а где держат этого коня?

— В конюшне Хасан-паши. Но, говорят, проклятый ужасно норовист. Никого не подпускает к себе. У Хасан-паши не осталось ни одного конюха, всех он изувечил. И теперь ячмень и сено сыплют ему прямо из дыры на крыше.

Короче говоря, Кёроглу разузнал все, что надо было разузнать, расспросил обо всем, о чем надо было расспросить, и тогда сказал старухе:

— Ночь проходит. Пора нам спать.

— Ну что ж? Я тоже спозаранку должна пойти на свадьбу. Хочешь, приходи и ты. Поиграешь, поешь немного и получишь подарки и денежки.

Словом, легли они и уснули. Утром Кёроглу встал, оделся, умылся, позвал старуху, снова дал ей пригоршню монет и сказал:

— Если я приду к ночи, купишь, что надо, поедим. А не приду, оставишь себе. Но постой, хочу сказать тебе два-три слова. Дай скажу их, чтоб они не остались у меня на сердце.

И Кёроглу взял саз:

У старухи я гостил —
Бес во взгляде у нее.
Лишь одна корова есть
В целом стаде у нее.

Безобразна, как скелет,
А в ногах-то силы нет.
Яйца — к ужину, в обед —
Дважды на день у нее.

Старою назвать — боюсь.
Юной — бед не оберусь.
Грудь — как треснувший арбуз,
Плоско сзади у нее.

Смелым Кёроглу слывет,
Много у него забот.
У нее ж — беззубый рот,
Веет смрадом от нее!

Окончив песню, Кёроглу перекинул саз за плечо и вышел. Не спеша дошел он до дворца Хасан-паши. Смотрит, такой пир, такая свадьба тут, что и не описать. Кругом все паши, ханы, беки и купцы.

Услыхали они, что пришел ашыг. Все обрадовались. Повели Кёроглу к гостям. Но видят, ашыг тот совсем не похож на ашыгов, что им доводилось видеть. Высок, широкоплеч, грудь как у быка, шея могучая, усы словно бычьи рога. А лицо строгое, суровое. Один из пашей спросил:

— Ашыг, откуда ты родом?

— С той стороны Гафа, милый мой, — ответил Кёроглу.

— А знаешь ли ты Кёроглу?

— Хорошо знаю. Раз он учинил надо мной такое, что до скончания века буду помнить о том.

— А что такое? — спросил Хасан-паша.

— Да продлит аллах твою жизнь, паша! — ответил Кёроглу. — У этого разбойника есть конь, чтоб его поразила язва, зовут его Гырат.

Один из пашей хотел было сказать что-то, но Хасан-паша остановил его.

— Говори, говори! — обратился он к Кёроглу.

— Да, паша! — продолжал Кёроглу. — Прекрасный это был конь, да бешеный. Как-то раз иду это я своей дорогой с этим вот сазом за плечами. Вдруг чую, кто-то

схватил меня сзади. Завязал глаза и поднял. Куда повез, как мы ехали, не знаю. Развязали мне наконец глаза, смотрю, а я уже на вершине какой-то горы. И передо мной стоит кто-то здоровенный — шея как у быка. Оказывается, это был Ченлибель, а стоял передо мной сам Кёроглу. Теперь спроси-ка, для чего привезли меня туда? Оказывается, на коня его напало бешенство. Сколько его ни лечили, каких лекарств ни пробовали — толку никакого. Не допускает к себе никого, да и все. Кто ни подойдет к нему — увечит, калечит. А надо вам сказать, у Кёроглу был дружок, лекарь хаким Кимягэр. Вот и разыскали его. А лекарь этот, чтоб ему не найти себе места на том свете, говорит, что в коня вселился джинн. Надо, чтоб три дня и три ночи около него играли на сазе и пели, может, тогда он и угомонится. . . В ту пору Кёроглу еще не мог ни петь, ни играть на сазе. Вот почему, оказывается, и привезли туда меня, злосчастливого. Словом, не буду досаждать вам, — втолкнули меня в конюшню. Одному аллаху известно, чего я натерпелся за эти три дня. Ну, как говорится, материнское молоко пошло у меня носом.

Тут Хасан-паша не выдержал и спросил:

— Ну, а как конь? Присмирел?

— Присмирел! Как раз после того и сам Кёроглу начал играть и петь. Рассказывают, будто и теперь, через каждые десять — пятнадцать дней, конь снова бесится, и Кёроглу сам ему играет, поет и тем лечит его.

Опять кто-то из пашей раскрыл было рот, но Хасан-паша так посмотрел на него, что тот так и остался с раскрытым ртом.

Затем Хасан-паша призвал повара и приказал:

— Отведи, накорми, напои ашыга, а потом приведи сюда.

Повар повел Кёроглу на кухню. Подождал Хасан-паша, пока они вышли, затем шепнул пашам:

— Пусть поест, попьет, насытится и придет. Раз он раскрыл нам недуг коня, значит, и исцелять заставим его самого.

Все в один голос одобрили эту мысль и воздали хвалу паше. Началось веселье. Оставим гостей пировать, посмотрим, что стало с Кёроглу.

Повар привел его на кухню, поставил перед ним большое блюдо с пловом и полную чашу вина.

— Что это? — спросил Кёроглу.

— Это для тебя, ешь! — ответил повар.

— Послушай, да ведь этого мне и на один зуб не хватит. Что тут кушать?

— Злосчастный, куда тебе съесть больше этого? Посмотри, сколько тут!

— Брось шутить! Давай-ка сюда!

Протянул Кёроглу руку и придвинул к себе один из котлов. Раз, два, три. . . Видит повар, что он добрался уже до дна, и схватил Кёроглу за руку:

— Заклинаю тебя твоей верой, — скажи мне, кто ты? Откуда пришел?

Кёроглу решил, что повар этот из тех, кто в душе стоит за него, и ответил:

— Может, слышал о Кёроглу?

Не успел он вымолвить это, как повар заорал благим матом. Хотел он поднять шум, но Кёроглу вскочил и схватил его за горло.

Стараясь не шуметь, согнул он повара пополам, всунул в один из пустых котлов, прикрыл крышкой, а сам уселся сверху и придвинул к себе второй котел.

Сколько котлов и бурдюков опустошил он, не знаю. Наконец решил — сыт. Выпрямился. Провел жирными руками по усам, встал и пошел к Хасан-паше.

— Ну что, ашыг, сыт? — спросил тот.

— Спасибо, родной, сыт, — ответил Кёроглу.

— Ну тогда поиграй, спой нам немного, мы послушаем.

Кёроглу настроил саз и сказал:

— О чем же мне спеть вам?

— Ты говоришь, видел Гырата. Спой хотя бы о нем. О его нраве, повадках, посмотрим, что это за конь.

— Да будет долговечной жизнь моего паши, это чудо-конь, не будь он бешеным, чтоб его поразила язва!

Потом прижал к груди свой саз и запел:

Вот он каков, мой Гырат, паша:
Уздечка из шелка ему нужна,
Гладкая шея, словно эмаль,
Как месяц, подкова ему нужна.

У него, точно груша, форма копыт,
Горяч, норовист, он на бой летит,
Желудок — что жернов, лихой аппетит,
И мгла вместо крова ему нужна.

Его не собьешь ни тьмой, ни огнем,
Не бросит вовек седока пред врагом,
Вино может пить Кёроглу на нем.
Лишь лихость снова ему нужна.

— Ашыг, — сказал Хасан-паша, — Гырат, о котором ты пел, сейчас в моей конюшне. Теперь ответь, раз мне удалось отнять у Кёроглу этого коня, кто из нас игид — я или Кёроглу?

— Паша, если это так, тогда, конечно, игид ты. Но, мой паша, геройство имеет десять примет. Ты сказал про одну. А теперь послушай, я перечислю тебе остальные:

Каким, спрошу я, должен быть игид?
В бою с врагами смелым должен быть.
Он в бой идет — и враг пред ним бежит,
Горяч душой и телом должен быть.

«Сдаюсь», — не крикнет, страхом поражен,
В смертельный час не бросит друга он,
Вовек не будет недругом склонен,
Как лев, он озверелым должен быть.

Да, Кёроглу в сражении суров.
Разрубит вражью грудь и вражий кров.
Чтобы отбить барана у волков,
И сам он волком зрелым должен быть.

— Что же, ашыг, — сказал Хасан-паша, — пока у меня есть хоть одна из этих примет, а девять других ты еще увидишь. Сейчас я поведу тебя к Гырату. Посмотри, скажи, тот самый это конь или нет?

Услыхав это, Кёроглу прижал к груди своей саз и пропел:

Тоска моя, мой свет далекий,
Гырат, живой ли ты еще?
Дают в конюшнях у Хасана
Тебе овса, воды еще?

Тебя ль попоной украшают
И чашу залпом осушают?
А может, саблей сокрушают?
Шаги твои тверды еще?

Ты, Кёроглу, душою щедрый,
Умей постичь — кто друг, кто недруг.
Гырат, Гырат, в каких ты недрах?
Где мне искать следы еще?

Поднялся Хасан-паша и сказал:

— Пойдем, ашыг!

— Пойдем, паша! — ответил Кёроглу. — Но я ставлю свое условие. Пойдемте все к конюшне. Я спою одну из песен Кёроглу, а вы смотрите в щелки. Если мое пение и музыка успокоят коня, тогда я войду. Если ж нет, хоть казните меня, а входить к нему я не стану. Уж я-то его повидал раз и знаю!

Паша согласился. Кёроглу впереди, гости за ним двинулись к конюшне.

Хотя Хасан-паша и согласился на условие ашыга, но исподтишка кивнул своим гостям — как только, мол, он мигнет им, они должны втолкнуть прищельца в конюшню и запереть двери. Пусть хоть из страха, а вылечит он коня.

Подшли все наконец к дверям конюшни. Заглянул Кёроглу в щель и видит, клянусь аллахом, Гырат как будто почуял его. Уставился прямо на двери и смотрит так, что душу переворачивает. Отошел Кёроглу поскорей от двери и сказал:

— Ну, паша, теперь я спою и сыграю, а вы следите за конем.

Гости паши, словно пчелы, облепили все щели.

Кёроглу запел:

Нашей отчизны родной удалыцы
Смелы в сраженьях с врагами бывают.
Головы сложат, но не побегут,
В бликах победы их знамя бывает.

Дом не поставят на выступах скал,
Трус оскорбленьям вовек не внимал.

Волком не станет трусливый шакал,
Но и волчата волками бывают.

Выйдет на битву отважных отряд,
Сабли у пояса солнцем горят,
В бегство тотчас же врагов обратят,
Как Кёроглу, смельчаками бывают.

Едва Гырат услышал голос Кёроглу, так чуть не опрокинул конюшню. Так заплясал, так забил копытами, что не передать. От радости и Хасан-паша не оставил на своих гостях живого места. Кого толкнет, кого щипнет, кого ногою пнет. Не успел Кёроглу кончить песню, как Хасан-паша кинулся к нему:

— Ну, ашыг, скорей входи в конюшню. Я озолочу тебя. Теперь Кёроглу узнает, чего мы стоим. На каждые пять слов, что будет он петь о себе, десять споет о нас.

Словом, отперли двери конюшни и втокнули Кёроглу к Гырату. При виде Кёроглу Гырат заржал так, что содрогнулись горы и скалы. Взыграло сердце Кёроглу, прижал он к груди саз и запел:

Из Ченлибея я к тебе пришел!
С горящим глазом, мой Гырат, приди!
Я в сталь одет, в железо я одет.
С блестящей шерстью, мой Гырат, приди!

К утру ли хватит для тебя зерна?
И подошли к седлу ли стремяна?
Меня повергли в гнев, душа темна.
С горящим глазом, мой Гырат, приди!

Мой конь, ты скачешь, прыгаешь, летишь.
Остры и чутки уши, как камыш.
Ты — непродажен, ты, как солнце, рыж.
С горящим глазом, мой Гырат, приди!

Кончил петь Кёроглу, отложил саз в сторону. Обнял, поцеловал коня в морду, в глаза и, как говорится, облизал его всего, точно соль. А Гырат, тычась мордой в грудь Кёроглу, обнюхивал его, как корова своего теленка.

Кёроглу точно вдруг очнулся ото сна. «О неразумное сердце, — сказал он самому себе, — что ты делаешь? Ведь ты среди врагов. Ты выдаешь себя».

Бросился он к дверям и сказал:

— Паша, отойдите, станьте поодаль, а я выведу коня, проведу, пусть подышит воздухом, а потом вручу уздечку вам. Только помни, Хасан-паша, ты обещал отблагодарить меня так, чтобы я остался доволен.

— Не беспокойся, ашыг! — ответил Хасан-паша. — Я утоплю тебя в золоте. Но подожди, пока мы не отойдем, не выводи коня, а не то он натворит беды.

Впереди Хасан-паша, следом остальные гости бросились наутек. Куда? Прямо на крепостную башню. Уселись они там и стали ждать. Когда все разбежались, осмотрелся Кёроглу, нашел седло, положил на спину Гырата.

Оставим Кёроглу седлать коня, а всех пашей в ожидании. О ком бы мне рассказать вам? О плешивом Хамзе!

Плешивый Хамза стал Хамза-беком. И сегодня была его свадьба. Наконец-то он достиг всего, чего желал. Если был на свете счастливец, всем довольный, так это Хамза.

Когда наступил день свадьбы, поднялся Хамза рано поутру, облекся в свадебные одежды, надел на голову новую папаху — прикрыл свою плешь и, прячась от гостей, прошел к окошку Дона-ханум.

Дворец Дона-ханум возвышался у самой площади. Сидя у окна, Дона-ханум глазела на прохожих. Смотрит, идет Хамза-бек, да так важно, так гордо, будто сын самого султана. Подождала она, подождала, пока Хамза не подошел к окошку, и тогда, высунув голову, сказала:

— Послушай, Хамза!

Хамза по голосу тотчас узнал ее. Сердце его возликовало и сразу раздулось — ну прямо целая площадь. Поспешно подняв голову, он отозвался:

— Да будет Хамза жертвой устам, произнесшим имя Хамзы. Что прикажешь?

— Хамза, — сказала Дона-ханум, — неужто мой несчастный отец не мог мне найти другого жениха и должен был отдать за тебя?

— Ханум, где ты еще найдешь такого жениха, как я, где сыскать такого? Кто сравнится со мной в удалстве, кто посмел бы пойти и увести Гырата из-под носа у самого Кёроглу?

— Эх, Плешивый, и ты не постыдился ради девушки украсть лошадь у такого игида?

— Ханум, не говори так! Что значит — украсть? Это не воровство. Это — геройство! Увести коня у Кёроглу все равно, что захватить его самого. И даже немного больше того.

— Раз так, Хамза, запомни, что я скажу тебе. Или ты пойдешь и приведешь сюда самого Кёроглу, чтобы я посмотрела, что он за человек, или женой твоей я не буду.

Смех разобрал Хамзу. Расхохотался он и сказал:

— Что вздумала! Я привел коня — немного, бессловесного, без меча и кинжала, и твой отец не в силах справиться с ним. Все османское войско скоро он соберет сюда и все-таки не сладит с ним. Подумай, а что будет, если привести самого Кёроглу?! Да и потом, ханум, дело сделано. Сегодня наша свадьба. Наконец-то и я добьюсь, чего добивался, и эта плешивая голова будет покоиться на твоей беломраморной груди.

— Пусть затевают не одну, а тысячу свадеб! — упрямо возразила Дона-ханум. — Пока Кёроглу не придет сюда, я твоей женой не буду.

Сказав это, Дона-ханум, рассерженная, отошла от окна. Хамза стоял растерянный, не зная, что ему делать, как поступить. Пойти рассказать об этом паше, пожаловаться? Неладно получится. Скажешь, а он ответит: «Эх ты, дурень, сын дурня, просил дочь, я отдал ее за тебя. Не стану же я стлать и убирать вашу постель? Ступай, вот жена твоя, а вот и ты сам. Как хотите, так и устраивайтесь». А Дона-ханум такая упрямец. Разве отступится она от своего слова? . .

Ломая голову над такой задачей, Хамза дошел до площади. Увидел он, что там царит сумятица и люди бегут в разные стороны. Спросил:

— Что случилось? Куда вы бежите?

Ему рассказали все, как было. Посмотрел Хамза, видит, все владетельные гости забралась на крепостную башню. И тотчас понял все. Понял, что ашыг и все, что

он здесь напел, — ерунда. Явился сам Кёроглу. И бросился Хамза к конюшне. Только успел он подойти к конюшне, как двери распахнулись. Смотрит Хамза: сам Кёроглу выводит на поводу Гырата из конюшни. Тут же кинулся он, чтобы поддержать стремя, и сказал:

— Кёроглу, я сдержал свое слово, что дал тебе на мельнице.

Обернулся Кёроглу и видит: Хамза поддерживает стремя.

— Ну-ка, Кялоглан, скажи, удалось тебе жениться на девушке или нет? Ты как будто в знатные люди вышел?

— Джан Кёроглу, в знатные люди я вышел, и девушку отдают за меня. А твой приход поможет мне наладить все остальное. Не приди ты, дело мое было бы плохо.

— А что?

Тут Хамза рассказал про условие Дона-ханум. Рассмеялся Кёроглу и сказал:

— Послушай, а где же Хасан-паша?

— От страха перед Гыратом побежал и взобрался на крепостную башню. Боюсь, когда узнает он, что ты Кёроглу, побежит и залезет на плечи жены.

— Подожди, подожди, увидишь еще, что я сейчас сделаю.

— Кёроглу, ты пришел за Гыратом и уже сидишь на нем. Будь я на твоём месте, молча, тихо поехал бы своей дорогой.

— Если я молча и тихо поеду своей дорогой, тогда буду я не Кёроглу, а Хамзой. В чем тогда разница между нами?

Хамза опустил голову.

— Ну, не обижайся. Скажи, сколько выходов из крепости?

— Пять. Ты все-таки поспеши выбраться отсюда, пока войска не заняли горные проходы. Не то тебе придется туго.

Распрощался Кёроглу с Хамзой, пришпорил коня, очутился Гырат прямо на площади и остановился посредине.

— Эй ты, ашыг! — крикнул Хасан-паша. — А ну, пусти коня по площади, я погляжу, как он скачет.

Кёроглы раза два проскакал по площади из конца в конец.

— Ашыг, ты, оказывается, и славный наездник, — сказал Хасан-паша. — Лихо умеешь ездить!

Кёроглу ответил:

Не мели ты вздор, Хасан-паша.
Силы у меня большие есть.
Глаз не отводи и погляди:
У бойцов мечи стальные есть.

Спустятся они с высоких гор,
Ждет в бою противника позор.
Силе и отваге — здесь простор,
У меня бойцы лихие есть.

Не трусливым я рожден и сам,
С Ченлибея я примчался к вам.
Не поверит Кёроглу словам,
Хитростей в запасе много есть.

Оставим Кёроглу на площади, послушаем о Хамзе. Бросился Хамза к окошку Дона-ханум и начал звать:

— Дона-ханум, ай, Дона-ханум!

Подошла та к окошку и спросила:

— Ну, что такое?

— Давай муштулук! Пришел звать тебя на свадьбу твоего отца.

— Что болтаешь? Что еще за свадьба!

— Свадьба твоего отца. Сейчас начнется. Утром была наша свадьба, а сейчас свадьба Хасан-паши. Взгляни на площадь.

Взглянула Дона-ханум на площадь и видит: посреди нее на Гырате сидит какой-то молодец.

— Послушай, Хамза, кто это?

— Дона-ханум, наконец-то я и это твое условие выполнил. Положу-таки я свою плешистую голову на твою беломраморную грудь. Это Кёроглу, понимаешь, Кёр-оглу!

Сначала Дона-ханум не поверила. Но посмотрела еще раз, видит, клянусь аллахом, всадник скачет по площади так, что диву даешься. Повернулся он к Хасан-паше и запел:

Мурадбейлинцами нас всяк зовет.
Храни отвагу в битве, в час невзгод.
Родится у игида сын — и вот
В глазах врагов он великаном станет.

Взберусь на гору выше всех хребтов.
Ограблю толстосумов я, купцов.
Веселый пир начну — уж я таков, —
Истрачу тьму туманов — так и станет.

Я крикну: «Гей!» — услышат голос мой.
«Гой!», — крикну я, откликнутся на «гой»
Богатыри — медведь и волк — со мной.
Приду — и город бездыханным станет.

Только Кёроглу запел, один из пашей нагнулся к уху Хасан-паши и шепнул:

— Хасан-паша, хоть казнить меня вели, как хочешь пазови меня, но что-то твой ашыг не по душе мне. Сдаётся мне, что это один из ченлибельцев. Да я почти готов поклясться, что это сам Кёроглу.

Казалось, Хасан-пашу растолкали и подняли со сна. Вздрогнул он и поднялся.

— Да нет же. Неужто мы оказались такими дурнями, что он мог прийти и так ловко обвести нас вокруг пальца.

— Хасан-паша, поверь мне! Это Кёроглу. Пошли кого-нибудь, позови Хамза-бека и спроси у него.

Тотчас призвали Хамзу. Хасан-паша спросил:

— Эй, Хамза-бек, посмотри, не Кёроглу ли это?

Знает Хамза, раз сидит Кёроглу на Гырате, теперь и сто Хасан-пашей ничего с ним не сделают. Нарочно поднес он ладошку к глазам, всмотрелся и крикнул что было мочи:

— О, да обрушится дом ваш, кто же это, если не сам Кёроглу?! Кто дал ему коня?

Потемнело в глазах Хасан-паши. Тотчас же приказал он своим военачальникам занять горные проходы и дороги.

Войска пришли в движение. Видит Кёроглу, что войска заняли одну из дорог. Повернулся он к Хасан-паше и спел:

«У крепости, — сказал гонец, —
Есть пять дорог», — но где дороги?
Я кликнул клич, пошли войска.
Свободны мне везде дороги!

Кёроглу поскакал ко второй дороге, но войска паши и там преградили ему путь. Обнажил Кёроглу египетский меч и ринулся в самую гущу. Сразил там одного, тут — пять, здесь — десять, пятнадцать, — рассеялось войско. Пустил Кёроглу коня. Да туго пришлось ему. Дорогу нарочно усыпали камнями. А с крепостных башен так и сыпят в него стрелами. Поворотил он коня, снова вернулся на площадь и спел:

Стрелок пошлет стрелу, суров,
И многих обагрят кровь.
Теряет гвозди от подков
Гырат, кремнисты те дороги.

Поскакал он по третьей дороге. И Гырат, и Кёроглу — оба они превратили войска Хасан-паши в сплошное месиво, — ничего похожего на войско не осталось. Перебили, передавили всех. Обратили вспять. На какую дорогу ни бросался Кёроглу — везде одно и то же. На дорогах трупы громоздились горами, а все не пробышься.

Кёроглу еще раз поворотил коня на площадь и спел:

Неправда не сорвется с губ.
Край разорю, что мне не люб.
И громоздится труп на труп.
В крови и темноте дороги. . .

Крепость Тогат строили так, что с трех сторон ее была суша, а с четвертой — вода. . . Протекала там река Тоначай. Хасан-паша потому и приказал занять все другие дороги, что за эту не беспокоился. Надеялся он, что Кёроглу либо убьют на одной из дорог, либо он бросится в реку и утонет в ее волнах. Перебраться живым через Тоначай еще никому не удавалось.

Оглянулся Кёроглу по сторонам, посмотрел на реку, нагнулся, обнял шею Гырата и запел:

Скачи, мой конь, о, если б враг
Вблизи Гырата оказался!
Меч обнажил бы — если б вдруг
Хребет покатым оказался.

Сел на коня я, чтоб в пути
Врагов добить и разнести.
О, если б конь, чтоб перейти
Реку, крылатым оказался!

Платите подати семь лет.
Пашам пощады больше нет.
О, если б, выходя на свет,
Враг близко, рядом оказался!

Пропев это, Кёроглу пустил Гырата в Тоначай. Конь по самые уши погрузился в волны. Вода дошла Кёроглу до пояса. Видит Кёроглу, как ни борется Гырат с волнами, но они одолевают его. И думает: «Нет, если дело пойдет так, волны поглотят Гырата».

Издав он боевой клич и запел:

Легкий твой бег с бегом джейраньим схож.
Да буду я жертвой — без лишнего слова — твоей.
Полет соколиный — твой быстрокрылый полет.
Не дотянутся до шерсти шелковой твоей.

Возьму закажу я серебряное седло.
Буду беречь — когда мрак и когда светло.
Скорее умчи меня, недругам всем назло.
Пусть монета горит серебром на подкове твоей.

Я — Кёроглу, знатен я меж людьми.
Слава, добрая слава, в объятья меня возьми.
На Ченлибель, мой Гырат, меня подними.
Пускай восхитятся попоною новой твоей.

Слова Кёроглу как будто придали Гырату крылья. Вынырнул он, поплыл и вынес Кёроглу на другой берег. Обернулся Кёроглу, посмотрел назад, видит — Хасанпаша все еще стоит на башне. Окликнул его Кёроглу:

— Хасан-паша! На этот раз ты влез на башню и спасся. А куда влезешь в следующий раз? Не беда. Заимодавец должнику здоровья желает. Увидимся.

И Кёроглу поскакал. Ехал, ехал, и наконец доехал до Ченлибеля. Почувяв Ченлибель, Гырат так заржал, что откликнулись горы и скалы. Сбежались удальцы, взяли Гырата за поводья, сняли Кёроглу с коня.

— Ну, Кёроглу, — сказали удальцы, — рассказывай про свои дела. Как привел коня?

Кёроглу рассказал все, начав со встречи с Хамзой на мельнице и кончая Тоначаем. Удальцы еще раз пожалели, что нанесли ему обиду. Все сидели, опустив головы, не поднимая глаз.

— Ничего, — сказал им Кёроглу, — не смущайтесь. Все-таки правда ваша была. Не следовало мне доверять ему ключей. Что делать? Всякое случается. Но и вы помните, что я — Кёроглу.

Видит Нигяр-ханум, что Кёроглу снова разгорячился, и скорее свела разговор к шутке. Подмигнув удальцам, она начала:

— Кёроглу, знаем мы все, что ты Кёроглу, если б не знали, не собрались бы вокруг тебя. Правда, ты игид, храбр, смел, умен, однако с виду уж очень неприглядный: черный и чумазый.

Слова ее встретили веселым хохотом удальцы. Засмеялся и сам Кёроглу. Взял он свой саз, прижал к груди и запел:

Ты меня назвала черным,
А сама ты не черна ли?
Брови черны, косы черны —
А сама ты не черна ли?

Ченлибель, тогда унылый,
Ты как солнце озарила...
Ну, а родинки у милой?
А сама ты не черна ли?

Кёроглу, певучим сазом
Ты ответь любимой сразу.
А сурьма у светлоглазой?
А сама ты не черна ли?

Устады рассказывают, что в давние времена правил в городе Гяндже хан по имени Зияд. И владел он несметными богатствами. Одного лишь недоставало ему — наследника, кому бы мог он эту власть и богатство оставить после себя. Был у Зияд-хана визирь по прозвищу Гара кешиш. И того обделила судьба. Бездетность гнула к земле, как ветку, и хана, и визиря.

Сидел однажды Зияд-хан в покоях своих, погруженный в печальные думы. И тут входит старец. Видит, что хан чем-то сильно удручен, и спрашивает:

— О великий хан, чем ты так опечален? Неужели и с тобой могла заключиться беда?

Вздрогнул Зияд-хан. Поднял на него глаза.

— Старик, кому ж еще печалиться, если не мне? Нет у меня сына, кто бы власть мою и добро мое унаследовал.

Старец отвечал:

— Да славится хан. Протяни милосердную руку помощи бедным и сирым, накорми голодных, одень нагих, тогда и будет у тебя наследник.

Долго раздумывал хан. Наконец призвал к себе визиря.

— Гара кешиш, — сказал он. — Нет у нас с тобой детей. Некому после смерти нашей огонь в отчем очаге сохранять. Давай облегчим участь бедных и сирых, молитвы сотворим, может, улыбнется нам судьба.

Прошла ночь. Наутро Зияд-хан созвал народ Гянджи от мала до велика. Всех велел накормить, одеть, обусть, калекам деньги раздать и проводить с почестями.

И ровно через девять месяцев, девять часов да девять минут родился у хана сын, а у Гара кешиша — дочь. Собрал Зияд-хан своих приближенных на радостный пир. И нарекли мальчика Махмудом, а девочку — Марьям.

Зияд-хан отдал сына на выучку молле, а Гара кешиш сам взялся за воспитание дочери.

Шли дни, в годы складывались, и вот уже минуло Махмуду с Марьям по пятнадцать лет. Но за все это время они друг друга и в глаза не видели. Махмуд все дни проводил при дядьке своем, Софи. Как-то он говорит своему наставнику:

— Лэлэ, спросись у отца, поедем на охоту.

Софи передал хану просьбу сына. Зияд-хан дал свое согласие. Махмуд сел на коня, сокола на руку взял и отправился с Софи за город. Проехали немного, и тут взмыл сокол с Махмудовой руки. Кинулся за куропаткой и пропал вслед за ней в густых зарослях.

Махмуд говорит:

— Лэлэ, придержи коня, а я за соколом пойду, погляжу, куда он опустился.

Софи остался. Пусть Махмуд, забравшись в заросли, ищет ловчего сокола, а я пока расскажу вам о дочери Гара кешиша. Вышла Марьям погулять в сад. Только подошла к любимому кипарису, глядь, сокол за куропаткой гонится, а та вдруг возьми и вспорхни прямо к ней в руки. Сокол с толку сбился, хотел было вырвать добычу у нее из рук, да она изловчилась и схватила сокола.

Тут как раз пробрался Махмуд между деревьями и очутился в саду. Смотрит и диву дается — что за сад! Роза розу окликает, соловей — соловья. Деревья в полном цвету, нарциссы подняли робкие головки. Махмуд прошел немного и видит: под кипарисом красавица стоит, — что за красавица! — нежна и пуглива, словно лань. Брови — дугой, очи — черны как ночь... И его сокол присмирел у нее в руках.

Оглянулась Марьям на шорох, заметила Махмуда. Нахмурила брови, гневно спросила:

— Кто ты, парень? Как ты посмел войти в этот сад без разрешения?

Взял Махмуд свой саз. Послушаем, как он стал выпрашивать у девушки своего сокола:

Я во сне такой не видел красоты!
Ты меня суровым взглядом не казни,
Ты прекраснее, чем все твои цветы!
Благородная, мне сокола верни!

Поняла Марьям, чей это сокол. Выпростала три прядки из черных кос своих, натянула на груди, словно струны на сазе, и послушаем, как ответила.

М а р ь я м

Этот сокол неслучайно прилетел,
Любит он добычу слабую терзать.

Будь же милостив, и статен ты и смел,
О керем, — ты можешь сокола забрать!

Махмуд

Наградил меня подарком щедрый рок,
На сожженье сердце бедное обрек!
Мне и шагу не ступить — я изнемог,
Непорочная, мне сокола верни!

Марьям

Знай, охотник, жертва ранена твоя!
Сохнет роза в ожиданье соловья,
К милосердному летит мольба моя:
Подойди, керем, чтоб сокола забрать!

Махмуд

Розы белые в саду твоём цветут,
Их, клянусь, до срока руки не сорвут, —
Ведь недаром же керемом стал Махмуд!
Тонкостанная, мне сокола верни!

Марьям

Про меня поют ашыги день и ночь,
Про Марьям поют, Гара кешиша дочь!
Что ж ты робости не в силах превозмочь?
О керем, ты можешь сокола забрать!

Подошел Махмуд к ней и говорит:
— Ты и есть моя соколица. Я — сын Зияд-хана. Да-
вай поклянемся в верности друг другу.

Девушка говорит ему:

— Сделай милость, уйди отсюда, а то, не дай бог, за-
станет нас отец. . .

А Махмуд ей в ответ:

— Марьям, вижу, нравится тебе слово «керем». Так
пусть отныне будет мое имя — Керем, а твое — Асли.

Понравилась Марьям эта выдумка с именами, а еще
больше понравился ей сам Махмуд.

Снял Махмуд с пальца золотое кольцо, подарил де-
вушке. А та ему шелковый платочек свой отдала. И по-
клялись они друг другу в верности, и расстались на том.

Слэвно во сне, еле добрел Керем до ворот сада. Видит, ноги не слушаются его. Подогнулись его колени, и без памяти повалился он на землю.

Долго ждал его Софи, наконец отправился на поиски, видит: лежит Керем без чувств на земле. Софи положил его голову к себе на колени, очнулся Керем.

— Что за беда стряслась с тобой? — спросил его Софи.

Ответил Керем:

— Я скажу, лэлэ, а ты послушай.

Ох, учитель мой, нашел я, что искал,
Сокол мой у ней остался на руке!
Из-за глаз ее я сердце потерял,
Сокол мой у ней остался на руке!

Волнокудрая, а губы — как шербет,
А ланиты розовее, чем рассвет,
Без любви ее теперь мне жизни нет —
Сокол мой у ней остался на руке!

До нее мой горький стон не долетит,
Пусть душа моя в огне любви горит!
Быть Керемом мне Асли моя велит —
Сокол мой у ней остался на руке!

Ничего не понял из его слов Софи.

— Ну, что скажешь на это? — спрашивает его Керем.

Софи говорит:

— Кое-что я, конечно, понял, а толком не разобрался.

Молча сел Керем на коня, поехал домой. Пусть он там тайные слезы льет, а я вам пока расскажу про Зияд-хана. Через несколько дней дошел до него слух, что сын его занемог: заперся в комнате, из дому не выходит. Тут же пошел хан к сыну. Спросил:

— Сынок, какая печаль тебя снедает?

Керем в ответ:

— Отец, позволь, я возьму саз и в песне изолью свое горе. А не то язык мой спалит огонь.

Я вчера в саду у черного попа
Повстречал ее — она моя судьба!

Я в кудрях ее запутался, пропал —
Я люблю ее, она моя судьба!

Дочь армянского священника она,
Лебедь белая, звезда моя, весна!
Мука горькая Керему суждена —
Я люблю ее, она моя судьба!

Скажет горестно Керем, что изнемог:
Меч судьбы остер, а конь так быстроног!
В разных верах нам судил родиться рок!
Я люблю ее, она моя судьба!

Зияд-хан говорит:

— Сынок, ничего не понял я из песни твоей. Если ты влюблен, открой мне — кто твоя избранница?

Керем утаил от отца, что влюбился в Асли. И Зияд-хан решил, что сын его и вправду болен. И объявил: кто распознает сыновий недуг, того он щедро одарит.

Не осталось лекарей в городе, чтоб не наведались во дворец. Но никто не мог распознать тайный недуг Керема.

Прознала и старуха одна, что сын Зияд-хана занемог и никто не может найти лекарство от той болезни. Сказала себе старая: «Надо бы и мне попытать счастье».

Взяла посох в руку и поплелась в ханский дворец. Только вошла в сад, видит: сидит Керем одиноко и весь белый свет ему не мил. Спрашивает:

— Сынок, от какого это горя ты чахнешь и вянешь?

Керем в ответ:

— Бабушка, дай-ка я лучше на сазе поведаю о печали своей.

Взял саз Керем, запел — а мы послушаем.

Луноликую прекрасней, чем цветок, —
Вот какую я красавицу люблю!
Светят родинки как звездочки со щек —
Вот какую я красавицу люблю!

Между нами много создано преград.
В сердце мне проник смертельно сладкий яд —
То лазурный, то зелено-серый взгляд!
Вот какую я красавицу люблю!

Горе мне стянуло грудь узлом тугим,
А молва ползет по свету, словно дым.
Говорят: «Керем отвергнут, нелюбим».
Вот какую я красавицу люблю!

Немало повидала старуха за свой долгий век. Сметнула она, что за недуг мучит Керема. И прошамкала:

— Да стану я жертвой твоей, сынок! Сегодня дочери визиря и других ханских советников отправились на гуляние. Что ж ты сидишь дома? Все вышли на них поглядеть, и тебе бы не грех.

Керем, глубоко вздохнув, говорит:

— А будет ли среди них дочь Гара кешиша?

— Конечно, будет, — отвечает старуха.

А сама думает: «Так вот, значит, в кого он влюблен!» Подобрала подол — и скорей к хану.

— Хан, — говорит, — вызнала я, какой недуг у сына твоего.

— Какой же? — спрашивает хан.

Старуха говорит:

— Влюбился он в дочь Гара кешиша — Марьям.

У Зияд-хана как гора с плеч свалилась. Обрадовался, щедро одарил старуху. И тут же послал людей за своим визирем. Гара кешиш без промедления явился на зов хана. Поклонился, спросил:

— Чем могу служить великому хану?

Хан говорит:

— Гара кешиш, сын мой влюбился в дочь твою Марьям. Даешь ли согласие на их свадьбу? Завтра же и сыграем.

Гара кешиш смешался, потупил голову.

— Что молчишь? — строго спрашивает у него Зияд-хан. — Или, может, не хочешь отдать Марьям за моего сына?

Не поднимая глаз, отвечает кешиш:

— Славься, великий хан, но не могу я выдать свою дочь за твоего сына.

Хан вспылал:

— Как ты смеешь говорить мне такое!

Кешиш говорит:

— Будь славен, хан. Но тебе известно, что мы — армяне, а вы — мусульмане.

Хан отвечает:

— Кешиш, оставь эти отговорки. Армяне ли, мусульмане — для любви разницы нет. Нравятся друг другу — и дело с концом.

Кешиш говорит:

— Хан, прости великодушно, но я свою дочь за твоего сына не отдам.

Тут хан вконец разгневался:

— Кешиш, как ты смеешь перечить мне?! Готовься к свадьбе — и весь разговор!

Видит визирь — делать нечего, решил прибегнуть к уловке.

— Ладно, быть, по-твоему, — говорит, — только дай мне три месяца сроку, чтоб я дочери приданое снарядил.

Зияд-хан не заподозрил ничего дурного, согласился.

А кешиш напрямик отправился домой и говорит жене:

— Послушай, жена, ханский сын влюбился в нашу Марьям. Хочет мусульманин отнять у нас дочь.

Жена отвечает:

— Давай у нее спросим, что она сама скажет на это.

Позвали дочь, кешиш рассказал ей о сватовстве. Денушка потупила голову и говорит:

— Отец, я согласна выйти за него. Мы с ним дали обет друг другу.

Кешиша будто крутым кипятком обдали. Сильно осердился он на дочь.

— Жена, собирайся! Нужно бежать из этих мест все равно куда! Умру, а дочь свою за мусульманина не отдам!

Жена согласилась. В тот же день тайком они распродали все домашнее добро. А ночью всем семейством поспешно выехали из города, наутро и след их простыл. . .

Пусть они бегут без оглядки, а мы посмотрим, что делает теперь Зияд-хан.

После уговора с визирем хан оповестил сына, что через три месяца сыграет ему желанную свадьбу.

Пришлось Керему, радуясь и тоскуя, ждать три месяца.

Но вот назначенный срок истек — и вся ханская семья в окружении пышной свиты направилась к дому визиря. Проехали немного, Керем говорит:

— Вы придержите коней, а я поскачу вперед, сообщу кешишу о нашем приезде.

Прискакал Керем, видит, в доме — ни души. Кинулся в сад, обыскал все укромные уголки, — нигде нет и следа милой Асли. . .

Больно сжалось сердце у Керема. Горестным стоном вырвались из уст его баяты:

Мне тоска отныне самый верный друг,
С нею об руку по жизни я пройду.
Я мученье, как вола, впрягаю в плуг,
Зерна горя я посею в борозду!

Подошел он к кипарису, в чьей тени часто сиживала Асли, обнял ствол, прижался к нему крепко, а у самого сердце кровью исходит. Послушаем, что он сказал:

Кипарис, постой, ответь на мой вопрос —
Где же лань теперь, красавица твоя?
Отчего глаза полны кровавых слез?
Где же лань теперь, красавица твоя?

Горы черные я вижу впереди,
Сад цветущий мой остался позади,
Плачет сердце одинокое в груди.
Где же лань теперь, красавица твоя?

Кипарис, скажи мне правду всю о ней,
А солжешь — клянусь, иссохнешь до корней,
Будешь черным и кривым остаток дней.
Где же лань теперь, красавица твоя?

Если ж тайну не захочешь мне открыть —
Знай, зеленым и прямым тебе не быть!
Расскажи мне — как тебя просить, молить?
Где же лань теперь, красавица твоя?

Тут и Зияд-хан со свитой въезжают через другие ворота в усадьбу и видят: птичка улетела, гнездышко опустело.

Зияд-хан отправил человека разузнать, куда это его

визирь подевался, а сам с Софи отправился сына искать. Нашли его под кипарисом. Спрашивает хан Керема:

— Сынок, что с тобой, почему ты здесь?

Керем говорит:

— Отец, позволь я сыграю тебе на сазе и спою о моей беде. Если просто расскажу словами, то язык мой обуглится.

Хан слушает, и мы слушаем, что спел Керем:

Для кого цветник прекрасный я разбил?
Сердце кровью истекает без нее!
Я прохожим гиацинты раздарил —
Сердце кровью истекает без нее!

Лань прекрасная растаяла вдали.
Я бы плакал, если б слезы помогли!
Не вернет Гара кешиш моей Асли,
Сердце кровью истекает без нее!

Никогда Керем судьбу не проклинал,
Но судьба ему вонзила в грудь кинжал, —
Он Асли свою навеки потерял,
Сердце кровью истекает без нее!

И полились слезы из глаз Керема, точно ливень весенний. Возвратились люди с вестью: скрылся визирь. Вернулся к себе Зияд-хан чернее тучи.

А Керема тоска сразила: как свалился ничком, так и пролежал ровно три дня и три ночи, подушка от слез не просыхала. Зияд-хану доложили, что сыну его совсем плохо. Хан тут же с приближенными поспешил к нему. Видит: занемог его любимый сын, пожелтел, как осенний лист.

При виде отца взял Керем свой саз, прижал его к груди, слушаем и мы, что он спел:

Отчий край покинут госпожой моей —
Видно, не дожждаться от Асли вестей!
Может быть, соперник нынче рядом с ней?
Так восплачем вместе в этот горький час!

Пусть в горах растают вековые льды,
Пусть летят потоки бешеной воды!

Пусть вино лекарством станет от беды —
Выпьем за здоровье каждого из нас!

Пусть Керем покинет дом свой навсегда —
Сердце не забудет близких никогда!

Улетай на волю, сокол, из гнезда,
Видимся, быть может, мы в последний раз!

Умолкла песня. Зияд-хан говорит:
— Сынок, не сокрушай мое старое сердце. Скажи откровенно, что думаешь дальше делать?

Керем отвечает:

— Я всю жизнь буду тосковать по Асли.

Зияд-хан говорит:

— Сынок, нет Асли, забудь о ней! А я сосватаю тебе другую красавицу.

Керем говорит:

— Нет, отец, не нужна мне никакая другая красавица. Весь белый свет обойду, чтобы отыскать Асли.

Зияд-хан говорит:

— Сынок, не обрекай себя на скитания по чужбине ради какой-то поповской дочери.

— Нет, отец, разреши мне отправиться в путь. Может, смилостивится судьба и увижусь я с моей желанной.

Пришлось хану, скрепя сердце, согласиться. Керем поцеловал отцу руку. Вместе с Софи явился к матери. Видит мать, что ее сын удручен, и спрашивает:

— Сынок, на тебе лица нет. Что стряслось?

Керем отвечает:

— Позволь, я спою тебе.

Грянуло несчастье, расцвела беда!
В день разлуки, мама, надо мной поплачь!
Ухожу скитаться — видно, навсегда,
В день разлуки, мама, надо мной поплачь!

Видно, мне солгали милые уста!
Впереди дорога, пыль и маета,
Без Асли любимой жизнь моя пуста,
В день разлуки, мама, надо мной поплачь!

Рок немилосердный нас камнями бьет,
Много бед Керема на дороге ждет.

Но Керем уверен — он Асли найдет!
В день разлуки, мама, надо мной поплачь!

Запричитала мать Керема Гамар-ханум. Залилась горькими слезами.

— Как же ты, сынок, меня оставишь?

Но Керем твердо стоял на своем.

И друзья-товарищи пришли, обступили его, уговаривают остаться. Послушаем, как Керем простился с ними:

Позван я в дорогу голосом любви.
Что ж, друзья, простимся — мне идти пора!
Кровью сердца плачу — все глаза в крови.
Что ж, друзья, простимся — мне идти пора!

Я несправедливым роком обделен:
Ведь в разлуке с милой жить я принужден!
Тяжко дом покинуть — тот, где ты рожден!
Что ж, друзья, простимся — мне идти пора!

Сверстники родные, вместе мы росли,
Проводить сегодня вы меня пришли...
Буду жив — сумею отыскать Асли!
Что ж, друзья, простимся — мне идти пора!

Отзвучала песня. Простился Керем с матерью и друзьями и отправился вместе с Софи в путь-дорогу.

Мало ли, много ли они проехали и встретили двух путников. Керем спрашивает:

— Откуда вы, куда путь держите?

Отвечают они:

— Был один поп в Занги — Гара кешиш, к нему мы шли, только вот не застали. Говорят, куда-то перебрался вместе со всей своей семьей.

И двинулись своей дорогой.

Помутился тут разум у Керема. Поглядел он, видит: вершины гор впереди туманом заволокло. Послушаем, с какой речью обратился он к горам высоким:

Чудо-птицу я в саду не устерег —
Встаньте, горы, поперек ее пути!
Я спешу за ней давно не чуя ног —
Встаньте, горы, поперек ее пути!

О любовь моя, одумайся, стой!
На плечо слети мне птицей золотой!
Мать с отцом ее умчали за собой —
Встаньте, горы, поперек ее пути!

Чашу мук свою до дна Керем испил,
Пусть устал он, пусть он выбился из сил,
Он у неба о пощаде не просил —
Встаньте, горы, поперек ее пути!

Ехал Керем вместе со своим спутником без усталости,
ночь в день обращая. Повстречали стайку девушек у реки.
Те, завидев человека с сазом на плече, обступили Керема.
Прижал он свой саз к груди. Послушаем, что Керем девушкам поведал:

Сестры милые, с дороги я сойду —
Путь извилист мой, а ваш да будет прям!
Чаша с ядом суждена мне на роду —
Чашу с медом я желаю выпить вам!

Я в пути немало видел разных стран,
Грусть с тоскою — мой унылый караван.
Я измучен, я от лютой жажды пьян —
Я напьюсь, а весь родник оставлю вам!

Печень высохла, зажата грудь в тиски —
Без Асли умру я, видно, от тоски!
Мне приютом служат горы да пески —
Пусть дворцы всегда жилищем будут вам!

Я в глаза ее без памяти влюблен,
Сладких губ ее шербетом опьянен!
Лишь один вам не достанется бутон —
Все другие пусть усладой служат вам!

У Керема страсть в душе живет одна,
Без Асли душа печальна и больна,
О разлука, словно траур, ты черна!
Почернею, белый цвет оставлю вам!

Допел Керем. Девушки поднесли ему воды напиться.
Выпил он и продолжил свой путь. Ехали они с Софи

днем, ехали ночью и добрались до одного селения. Обступили их люди. Взялся Керем за саз. Послушаем, как он у людей об Асли спрашивает:

Ах, скажите, где любимая моя?
Люди, люди, вы не видели Асли?
Это я спугнул из сада соловья!
Люди, люди, вы не видели Асли?

Мне тоску и океаном не залить,
Мне любви своей к Асли не утолить!
Сладость уст ее с шербетом не сравнить —
Люди, люди, вы не видели Асли?

Я любимую утратил, не сберег!
Ах, устал Керем, душою изнемог. . .
Много тропок исходил он и дорог,
О дороги! Вы не видели Асли?

Софи видит, что непонятна людям песня Керема, и говорит:

— Братья мои, не проезжала ли здесь семья армянского священника?

Ответили люди, что несколько месяцев тому назад, помнится, проезжал здесь такой вместе со своей семьей, а направились они в грузинские края. В тот же день Керем с Софи решили ехать в Грузию.

Едут они степью и видят: журавлиный клин летит. Керем, завидя журавлей, взялся за саз. Послушаем, с каким словом он к ним обратился:

Караваном в небесах плывете вы!
Мне о милой расскажите, журавли!
Не слышали вы какой-нибудь молвы?
Мне о милой расскажите, журавли!

Все влюбленные вестей от милых ждут!
Госпожа моя нашла ль себе приют?
Крылья быстрые куда вас в даль несут?
Мне о милой расскажите, журавли!

Отвечайте же, торопитесь куда?
Госпожа Асли не вьет ли там гнезда?

О Кереме вспоминает ли когда?
Мне о милой расскажите, журавли!

Кончилась песня. Журавли в небе курлычут невесть о чем, а странники наши продолжили свой путь. И доехали до границы земли грузинской. Видят, селение многолюдное. И вышли им навстречу стар и млад. Заметили саз на плече у Керема, просят его спеть им. Прижал Керем саз к груди, и послушаем, что им сказал:

Я родился, чтоб растить чудесный сад,
Слезы лить над каждым сломанным цветком!
Если ниву посечет тяжелый град,
Плачет нива, плачет каждым колоском!

Розу милую похитил лиходеи!
Я давно покинул близких и друзей,
В дальний путь ушел за розою моей —
И о сыне блудном плачет отчий дом!

Утки осенью на родину летят —
Я в пустыне, как Меджнун, тоской объят,
Но Керему нет теперь пути назад,
Плачет странник на своем пути крутом!

Все в один голос хвалят Керема. А Софи спрашивает у собравшихся, не известно ли им что-нибудь о Гара кешише. И сказали им, что священник обосновался в самом Тифлисе.

Пусть теперь Керем держит путь в Тифлис, а я вам пока расскажу о Гара кешише.

Покинув Гянджу, обойдя земли и страны, добрался кешиш до Тифлиса. Предстал пред здешним князем и говорит:

— Увез я тайком дочь свою от одного мусульманина, что ее руки домогался. Позволь мне обратиться к милой твоей тени, прошу у тебя поддержки и защиты.

Князь выделил ему дом. И поселился кешиш с семьей в этом доме.

Керем же тем временем добрался до города и видит ватагу удалцов молодых, что, собравшись на зеленый лужок, поют и пляшут. Обступили они пришельца.

— Ну-ка, странник, бери в руки свой саз, сыграй нам, спой, а мы тебя наградим, не обидим.

Керем говорит:

— Спеть-то я спою, сыграть — сыграю, а награды не нужно мне никакой. А уж если хотите мне удружить, от-ветьте на мой вопрос.

Послушаем, что он спросил:

Эй, послушайте, спросить у вас хочу —
Может, кто-нибудь Асли мою встречал?
Мошкой малой я в огонь любви лечу —
Кто из вас такую муку испытал?

Я давно любовью властною объят!
Так любил свою Ширин герой Фархад.
Смерти я, как избавленью, буду рад —
Кто из вас в разлуке с милой погибал?

Горный сель перед бедой моей — ничто,
Было пять несчастий — нынче стало сто,
Из великих врачей никто
Про недуг Керема правды не сказал!

Тронуты были молодцы удалые песней Керема и ска-зали ему, где поселился кешиш. Очень обрадовался Ке-рем, узнав, что любимая близко, и сейчас же кинулся разыскивать дом, где живет Асли. А я пока расскажу вам о ней самой.

Асли, с тех самых пор, как поселились они в Тифлисе, ни о чем другом, как о Кереме, и слышать не хотела, лишь его имя твердила и слезы ручьями лила. Как-то пришли к ней соседские девушки:

— Госпожа наша, Асли, день сегодня выдался на сла-ву, пойдем с нами на гулянье.

Асли не стала отказываться, спросилась у отца и от-правилась с девушками в сад Тават.

А Керем как раз мимо того сада проходил и вдруг видит: боже! в саду девушки поют, играют, пляшут, и сама Асли здесь, только в сторонке стоит и грустно-груст-но смотрит на забавы своих подруг. Сколько месяцев не видел он ее, тосковал по ней! И выиграло сердце моло-дое. Прижал он саз к груди и запел:

Госпожа моя вошла в цветущий сад —
Как идет ей этот праздничный наряд!
Розы сладкий источают аромат,
Рядом девушки прекрасны, как цветы!

Я до дна несчастий чаши осушал,
Я Курой кипел, Араксом бушевал,
Я, как мученик Мансур, в беду попал —
Погибаю я во власти маеты.

Асли не заметила Керема. Но, услышав знакомый голос, сразу о нем вспомнила, и — в слезы. Девушки обступили ее кольцом, повели домой. Керем, видя, что она уходит, с болью допел до конца:

Вновь Керем лицом к лицу с тоской своей:
Сад заглох — его покинул соловей!
Руки милой горло давят всё сильней,
Но глаза ее прекрасны, как цветы!

Софи устроил Керема в одном гостеприимном доме, а сам отправился на поиски кешиша. А до того уже дошли слухи, что Керем в поисках Асли добрался до Тифлиса. Кешиш поспешил на базар, чтобы сбыть кое-какое домашнее добро, облегчить тем самым дорожную поклажу, — решил он и отсюда бежать. На базаре повстречал его Софи. У кешиша при виде Софи в горле пересохло. Через силу поздоровался, спросил про жите-бытье. Софи начал его увещевать.

— Святой отец, — говорит, — не заставляй ты бедных влюбленных слезы лить, возвращайся в родные края. Сыграем свадьбу, как велит народный обычай. Отдай Асли за Керема.

Кешиш отвечает:

— Уж если Керем и впрямь так любит Асли, ни за что не хочет от нее отступить, тогда придется мне согласиться. Переночуем здесь, а наутро вместе отправимся в родные края, там и свадьбу сыграем.

Поверил Софи ему на слово, вернулся домой, чтобы обрадовать Керема радостной вестью. Но видит, что юноша спит беспмятным сном. Софи будить его не стал, а сам лег и уснул.

А кешиш, едва расстался с Софи, поспешил домой и говорит жене:

— Жена, сын Зияд-хана и сюда добрался, придется нам этой же ночью бежать отсюда.

Жена быстренько уложила вещи, и они покинули Тифлис. Много ли, мало ли ехали и добрались до одной реки. Остановились на берегу пообедать, набраться сил. А Асли села в сторонке, горькие слезы льет.

Оставим пока здесь семью кешиша, а сами вернемся к Керему и Софи, — как там они?

Наутро после отъезда Гара кешиша солнце взошло, а Керем еще спит. Софи разбудил его.

— Лэлэ, — спрашивает Керем, — видел ли ты Гара кешиша?

— Да, — отвечает тот, — видел. Сейчас я сведу тебя к нему. Согласился кешиш выдать дочь за тебя.

Пришли они к дому, где жил кешиш. Показался человек в дверях, спросил:

— Кого вам надо?

— Мы хотим видеть Гара кешиша.

Человек ответил, что Гара кешиш этой ночью со всей семьей своей выехал из города неизвестно куда. У Керема сердце оборвалось. Взял он свой саз и запел:

Объятая Колхиды Асли порвала.

Не смейтесь, за нею я вслед поскачу.

Меня не страшит ни молва, ни хула —

Насмешникам злобным внимать не хочу.

И отправились они следом за кешишем. Ночью не спали, днем не отдыхали, все шли и шли. Наконец добрались до подножья высокой горы. Видят, вершина ее в снегу, а склоны зеленою покрыты.

Керем говорит:

— Лэлэ, эту гору зовут Султан-горой. Дурная молва о ней идет. Летом здесь туманы и грозы, а зимой метели да бураны. Много путников здесь сложили свои головы, нужно нам поскорей миновать перевал.

Стали они подниматься в гору. Как взошли на перевал — все вокруг густым туманом заволокло. Сбились с дороги, куда идти — не знают. Видит Керем, непогода им проходу не дает. Взял саз у Софи. Послушаем, что спел он Султан-горе:

Я спросить тебя хочу, Султан-гора,
Отчего ты позакуталась в туман?
Ох, туману бы рассеяться пора!
Снег твой стает ли, скажи, гора Султан?

Снег опять пойдет такой, что не унять,
Станет туча в небе тучу подгонять...
Не пора ли жарко солнцу воссиять,
Озарить красу твою, гора Султан?

Для Керема в этом мире счастья нет —
Столь жесток и неуютен белый свет!
Ты старуха, и убор твой снежный сед,
Много ль солнца знала ты, гора Султан?

Только допел — и туман по-над горой рассеялся. Керем со спутником своим зашагал дальше — чарыки свои трепать на каменистом пути. Повстречали чабана, что пас свою отару.

— Лэлэ, — Керем говорит, — спрошу-ка я у него про кочевье Асли.

— Что толку от чабана, — отвечает тот, — пойдем своей дорогой.

— Нет, — Керем говорит, — среди чабанов есть сметливые люди, спрошу.

И говорит пастуху:

— Братец чабан, мир тебе!

— Мир и тебе, — тот в ответ.

— Один вопрос у меня к тебе, братец чабан, не ответишь ли?

— Да хоть и два, почему бы не ответить. Скажи, чье становье тебе нужно?

— Слушай, пойдем-ка лучше прочь, — говорит Софи Керему, — от него толку не добьешься. Видишь, он про становье говорит.

— Погоди, лэлэ, я спрошу, — отвечает Керем и берет в руки саз. Вот что пропел он чабану:

О, скажи мне, друг любезный мой, чабан,
Может, видел ты красавицу Асли?
Кровь струится из моих сердечных ран!
Не встречал ли ты красавицу Асли?

Чабан отвечает:

— Слушай, какая там еще Асли, чего без толку слезы лить? Коли хочешь спросить — говори прямо, а я тебе растолкую, где чье станювье.

— Говорил я тебе — толку не жди, — повторяет Софи. — Идем своей дорогой.

Керем говорит:

— Нет, лэлэ, я все-таки ему объясню.

Спел он последний куплет:

Чашу скорби мне Асли преподнесла,
В траур вечный нарядиться обрела,
Как цветок, Асли Керема сорвала.
Не встречал ли ты красавицу Асли?

Чабан отвечает:

— Так ты о кочевье Гара кешиша толкуешь? Он уже семь дней как здесь проезжал. В сторону Хуба направился.

И направились они в Хубские края. Была пора весенняя, кругом в горах цветы окликали друг друга.

Керем с Софи устроили привал, передохнули и снова в путь. Подошли к реке, а там людей повстречали. Спросили о кешише. Отвечают им: кешиш в сторону Баллыджи подался. Керем со спутником своим немедля направились туда, добрались до Баллыджи, остановились там на ночлег. Вечером зашли к ним на огонек люди. Софи у них спросил, где тут обосновался кешиш, а ему отвечают, что тот вот уже сорок дней как отсюда в Ахсах перебрался.

Наутро Керем и Софи в Ахсах отправились. Шли они по холмам и долам, проделали путь нелегкий — и наконец прибыли в Ахсах. Керем совсем из сил выбился, сел передохнуть на лужайке. Снова ожила в его сердце Асли. Послушаем, что спел он утреннему ветерку:

На мгновенье, ветер утренний, постой!
О возлюбленной хочу тебя спросить!
Будь он проклят навсегда, разлучник мой!
На куски его готов я разрубить!

Слезы льются нескончаемым ручьем,
Плавят камни в жарком пламени своем!
Почему под властью рока мы живем —
Ни один мудрец не сможет объяснить!

Стал ашыгом я, певцом сердечных мук,
Но судьбе Керема слушать недосуг!
Чаша жизни камнем валится из рук —
Не поднять ее и снова не налить!

Потом порасспросили они местных жителей, а те отвечают, что кешиш отправился в Гейчу. Не теряя времени, и они тронулись в путь, и через несколько дней добрались до Гейчи. И тут видят — идет чья-то свадьба. Услышав шум торжества, Керем побелел лицом, как лепесток нарцисса.

— Что с тобой? — спрашивает его Софи.

Керем говорит:

— Поп лиходей, видно, выдал свою дочь замуж, это ее свадьба.

— Ступай следом за мной, — говорит Софи. — Может, и не у них свадьба, откуда нам знать.

И привел Софи Керема на свадебный пир. Хозяева усадили Керема на почетное место, попросили спеть.

— Спой, голубчик, порадуй наши души.

Взял Керем саз, встал, окинул взором застолье, и тут ненароком в соседнюю комнату заглянул. Видит, сидит на тахте невеста, а подружки ее наряжают.

Показалось ему, что это Асли... Послушаем, что он спел:

Пусть твоим престолом будет брачный трон!
Миловать, казнить ли — бровью повели!
Будет кровью друга путь твой орошен...
О глаза, о брови госпожи Асли!

Пусть крутые брови правят нами всласть,
Жалости не зная, забирают власть,
Безъязыким — голос, а бесстрастным — страсть
Пусть подарят брови госпожи Асли!

Пусть заставят плакать и смеяться нас
Эти брови-луки, эти стрелы глаз!

Пусть Керем увидит в свой смертельный час
И глаза, и брови госпожи Асли!

Один из гостей говорит Керему:

— Хорошо ты поешь, ашыг, оставайся и живи в нашем краю, домом обзаведешься. Наши люди любят и жалуют чужестранцев...

Софи опередил Керема с ответом:

— Люди добрые, это сын гянджинского хана Зияда. Влюбился он без памяти в дочь визиря своего отца Гара кешиша, а та его полюбила. А кешиш противится их союзу. Прослышали мы, что он сюда перебрался и эта свадьба — будто бы свадьба его дочери.

— Нет, — отвечают ему, — это не свадьба дочери кешиша. Кешиш твой вчера со своим семейством выехал отсюда в Карс.

Переночевали Керем и Софи, а наутро направились в сторону Карса.

Шли они, шли — по горам, по долам, с ветром попутным — и добрались наконец до города Карса. Остановились в доме одной старухи. Зашли проведать их соседи. Расселись вокруг Керема.

Взял Керем саз, и послушаем, что им поведал:

Как, скажите, гости, чувствует себя
Человек в разлуке с милою своей?
Бродит по чужбине, дни свои губя,
Человек в разлуке с милою своей.

Ты сорвать не сможешь нежного цветка —
На шипы наткнется праздная рука,
Все тебе не в радость, на сердце тоска,
Если ты в разлуке с милою своей.

Соколу утеха — неба глубина,
Стае журавлиной — вод голубизна,
Лишь у человека горбится спина,
Если он в разлуке с милою своей!

Узнав, что Асли в городе нет, Керем с Софи покинули Карс, миновали Баят и Баязид. Стало им известно, что семья Гара кешиша находится в Ване. Передохнув,

отправились в путь. На склоне высокой горы путь им преградили сорок разбойников.

— Кто вы такие? — спрашивают. — И куда путь держите?

— Я сын Зияд-хана, — отвечает Керем. — Полюбил дочь Гара кешиша. Ради нее и скитаюсь на чужбине.

Разбойники переглянулись. Софи им говорит:

— Грех его трогать, поскольку он мученик святой любви.

И не тронули их разбойники, ушли себе с миром. Керем же не двинулся с места.

— Чует мое сердце, — говорит он Софи, — нет попа и в этих краях. Потому ноги отказываются идти дальше.

Софи уговаривал-уговаривал, да только Керем свой слух затворил. Софи вынужден был оставить Керема в горах, а сам отправился в город, чтобы все разузнать. А душу Керема снова грусть-тоска заполонила. Послушаем, что он в лад печальной душе своей напел под звуком саза:

Ты, душа, стремишься реять в облаках —
Поживи попробуй на земле, душа!
Радуют влюбленных розы в цветниках,
Запахи хмельные хороши, душа!

Волосы любимой — радости волна!
Нам Асли судьбою в жены суждена!
Ты, душа, со мною сядь на скакуна —
Ковыли степные хороши, душа!

Кровь из глаз Керема вместо слез бежит,
Злая горечь в сердце бешено кипит!
Пусть носить мне траур вечно надлежит —
Всё же дни земные хороши, душа!

Едва допел он — Софи вернулся и сообщил, что нет в этих местах кешиша. И заныло сердце Керема, и пуще прежнего сдавила сердце тоска. Прижал он саз к груди, устремил свой взор на дорогу и запел:

Черной вестью дядька заслонил мне свет —
Навсегда запомню горький этот день.
Рок помножил горе на десяток бед —
Превратилось в пепел сердце в этот день!

Как Меджнуну, видно, жить мне суждено,
Мне смертельным ядом кажется вино,
И спина согнулась, и в глазах темно —
Онемел язык мой в горький этот день!

Как теперь Керему с сердцем поступить?
Исколоть кинжалом? Надвое разбить?
По чужим дорогам снова мне бродить!
О, пусть горы рухнут в горький этот день!

Делать нечего — пошли дальше. Шли день, шли ночь
и добрались до горы Эрзурум.

Керем говорит:

— Постой, Софи, я скажу этой горе, что у меня на
сердце накипело.

Софи торопит — можно ли перед каждой горой, при-
горком песни распевать? Ни слова не сказал больше Ке-
рем. Взошли они на перевал, а там холод лютый, выюга
бушует беспощадная.

Послушаем, о чем тут спел Керем, прижав саз к гру-
ди своей:

Вот Эрзурум пред нами, горный перевал,
Валят хлопья снега, вьются на ветру.
«Лучше нам вернуться», — спутник мне сказал,
Я ему ответил: «Лучше я умру!

Мне в глаза любимой надо заглянуть,
Видеть, как струятся волосы на грудь!»
Эй, грузи, носильщик, вьюк — и снова в путь!
Думал я — настигну госпожу к утру!

Горькая чужбина, мертвые края!
Сирий и безродный, скоро ль сгину я?
Где, буран жестокий, нежная моя?
Неуютно в мире, знобко на ветру...

Спел он — и тут же буря утихла, погода проясни-
лась. Двинулись дальше. Шли они, шли — от села и до
села, через горы, через доли — и добрались до Эрзурума.
Люди окружили странников, расспрашивают.

Софи говорит:

— Достопочтенные, мы к вам из дальних краев пришли. Это Керем, сын Зияд-хана, правителя Гянджи. Он влюблен в дочь кешиша, а тот скрывается от нас вместе со всей своей семьей. С той поры мы его и ищем. По слухам, он у вас поселился.

Кто-то из толпы говорит:

— Послушай, негоже ханскому сыну ради девушки родину оставлять. Не на ней одной свет клином сошелся, нашел бы себе другую, и дело с концом.

И другие вслед за ним начали журить Керема. Но узнали, сколько ради любви своей он претерпел, стало им совестно.

— Здесь твой кешиш, — говорят.

Пусть пока Керем с Софи ищут кешиша, а я вам о нем самом расскажу.

Неспроста Гара кешиш в эти края подался. Было у него намерение выдать дочь замуж за сына главного здешнего священника и тем самым навсегда избавиться от домогательства Керема. Потому, когда пришли сваты от местного главного попа, он сразу дал согласие. Но, когда зашел разговор о дочери, сказал:

— Надо, чтобы и дочь знала об этом.

Позвали Асли.

— Дочь моя, — сказал кешиш, — завтра ты обручишься с сыном одного достойного человека, а затем и свадьбу сыграем.

У Асли сердце кровью облилось.

— Отец, не выйду я замуж, — говорит.

Кешиш осердился:

— Не упрямясь, дочь моя, не позорь меня перед людьми. Хоть ты умри, а выйдешь за того, кого я укажу.

Асли плачет:

— Не неволь меня, отец.

А кешиш свое твердит:

— Хоть умри, а пойдешь под венец.

Слезы у Асли ручьем льются. Как ее ни увещевали, как ни уговаривали — не помогло. Видит Асли, что силой хотят ее выдать замуж, и говорит:

— Ладно, только у меня есть одно условие. Выполните его — не стану противиться.

— Говори, какое твое условие? — спрашивают у нее.

Асли отделила от косы три прядки, натянула их струнами на груди и спела сватам, будто на сазе играя:

Я скажу вам, сваты, беки и паши,
За себя калым я требую большой:
Сотен пять туманов деду — для души,
Тысячу, не меньше — для меня самой!

Я хочу просторный, застекленный дом,
Пусть его украсят чистым серебром!
Юношу хочу я светлого лицом —
Чтоб играл на сазе для меня одной!

Бог еще не создал лучшего, чем он!
В доме Зияд-хана он на свет рожден!
Он красив и нежен, весел и умен,
Он Асли разыщет, он придет за мной!

Спела, а потом говорит:

— Отец, я выйду замуж только за Керема, а нет — тогда мне одна дорога — в могилу.

А кешиш ей на это:

— Пока я жив, — говорит, — не видать тебе того мусульманского сына.

Видят сваты, что сердце Асли и впрямь одному Керему принадлежит. Ушли восвояси. Покамест кешиш со своей женой бранят Асли, мы вернемся и поглядим, что с нашим Керемом.

Кое-как переждал он ночь, а рано утром постучался в двери кешиша. Кешиш отворил, увидел Керема — и остолбенел, язык у него отнялся.

Софи говорит ему:

— Послушай, кешиш, ты уже убедился в том, как твоя дочь и Керем любят друг друга. Не мучай нас более, выдай Асли за Керема — и дело с концом.

Кешиш сперва хотел было крик-шум поднять, да понял, что это не поможет. И с притворным смирением говорит:

— Софи, я и сам раскаиваюсь в своем упорстве. Завтра же сыграем свадьбу, и уезжайте себе с миром.

А сам сразу после этого разговора тайком поспешил к друзьям-священникам поделиться своим горем,

Те говорят ему:

— Нельзя тебе здесь оставаться. Этой же ночью скройся из города.

Пусть Гара кешиш со святыми отцами совет держит, а я пока расскажу вам об Асли.

Узнав, что Керем стоит у дверей их дома, Асли обратилась к подружкам своим с такими словами:

Девушки, введите мне Керема в дом!
Жажду видеть очи, полные огня,
Свадебную чашу дайте мне с вином,
Только б виночерпий не обнес меня!

Кто еще Керему может стать женой,
Разве с лунным ликом лик не спорит мой?
Вестник, что прискачет с вестью дорогой,
Пусть возьмет в награду дедова коня!

Долгая разлука сердце мне сожгла!
Я, Асли, Керему сердце отдала!
Если бы вошел он, жизнь я б отдала —
Не дождусь, как видно, радостного дня!

Девушки тут же пошли за Керемом и привели его. Керем, увидев Асли, сразу за саз взялся и вот что сказал:

Плавно, словно лебедь, милая вошла,
Тоньше кипариса, розово-бела,
Словно ангел, взором светлым повела —
Пред тобой немею, милая Асли!

Подвела ты брови черною сурьмой,
Голову покрыла белою фатой,
С нежной грудью лани ты передо мной,
Но обнять не смею, милая Асли!

Мне лежать бы вечно у любимых ног,
Охранять бессонно дорогой порог,
Быть с тобой Керему да поможет бог,
Только бы скорее, милая Асли!

Наконец-то двое тоскующих в разлуке влюбленных встретились. Асли рассказала обо всем, что с ней при-

ключилось, а Керем поведал ей про свои беды. А когда речь зашла об обещании, которое дал сегодня кешиш Керему, Асли вдруг заплакала.

— Душа моя, отчего ты плачешь? — спросил Керем.

— Керем, — отвечает Асли, — отец мой обманывает тебя. Не хочет он, чтоб я стала твоей женой.

Керем говорит ей:

— Нет, моя Асли, не изменит он больше слову своему.

С тем и расстались доверчивые влюбленные.

Пусть теперь Керем и Софи спят со спокойным сердцем, а я расскажу вам о вероломном кешише.

Под покровом ночи он тайно собрался в дорогу и выехал из города, направляясь в Сейлан-Гилан. Как ни металась в отчаянье Асли — со страху ни кричать не посмела, ни весточку Керему послать.

А Керем с Софи встали наутро и к кешишу направились, — а того нет. Соседи сообщили: сбежал кешиш.

Сильно опечалила эта весть Керема. Пришлось ему вместе с Софи снова в путь собираться. А куда идти, и сами не знают. Много ли, мало ли они прошли, и вот путь им преградила река. Огляделся Керем: справа скалы, слева — лес, впереди вода шумит.

— погоди, Софи, — говорит Керем, — я всю округу расспрошу, может, скажет кто, где моя Асли.

Взял саз и обратился к скале с песней-вопросом:

Тень твою целую, Желтая скала!
Ты скажи мне правду — здесь Асли была?
Может быть, недавно здесь она прошла?
Навсегда исчезнуть не могла Асли!

Скала отозвалась человеческим голосом:

Лучшему ашыгу мне ль не отвечать!
Я Асли узнала — мне ли не узнать!
Вместе с нею были и отец, и мать,
Вот следы на камне, где прошла Асли!

Спросил тогда Керем у леса:

О, скажи мне правду, только правду, лес!
Не в твоей ли чаще след Асли исчез?
Лес, живое чудо пред лицом небес,
Ведь совсем исчезнуть не могла Асли?

И лес отвечает ему:

О ашыг, ты ввергнут с головой в печаль!
Будь, игид, в несчастье крепок словно сталь!
Да, Асли мелькнула — и умчалась вдаль,
Но цветок на память сорвала Асли!

Повернулся Керем к реке и сказал:

Ты дома в селеньях рушишь без труда,
Ты ломаешь панцирь векового льда,
Отвечай, речная бурная вода:
Ведь совсем исчезнуть не могла Асли?

И река прожурчала ему в ответ:

Верю, верю, траур носишь ты по ней!
Знай, Асли стояла возле тех камней...
Путники умчались, напоив коней,
Видишь эти камни? Там пила Асли!

Керем с Софи уже собрались идти дальше, как вдруг выскочил им навстречу джейран и замер. Керем снова взялся за саз.

О джейран прелестный, я тебя спрошу:
Ты Асли не видел? Я за ней спешу!
На коне безумья тяжкий путь вершу!
Но совсем исчезнуть не могла Асли!

Джейран отвечает ему:

Я тебе отвечу, странник молодой:
Здесь Асли шепталась с утренней звездой,
Рядом мать стояла и отец седой,
Вдаль тропа крутая увела Асли!

К е р е м

О, разлука злая стан согнула мой,
Я зовусь безумцем в стороне чужой!
Мой джейран прелестный, милый, дорогой,
Что Асли сказала? Где она теперь?

Д ж е й р а н

Рок сердца влюбленных должен охранять,
От врагов жестоких зорко сберегать!
Где Асли найдешь ты, не могу сказать:
Ведь она молчала — ты уж мне поверь!

Наконец, напрямик спрашивает Керем у джейрана о своей Асли. И джейран говорит:

— Три дня назад они здесь проезжали. Ты доберись сперва до крепости Гасан-гала, а потом до Узун-бабалы, там и разузнаешь, куда кешиш путь держит.

Добрался Керем до Гасан-галы.

Тамошние люди — неприветливые, гостям не радуются. Видит Керем — идут мимо люди, на них не глядят, никто не остановится, не справится, что их сюда привело. Заныло сердце у Керема, и прижал он саз к тоскующей своей груди.

Видно, на чужбине век мне слезы лить!
Нет вестей о милой, безотраден путь.
Ты со мной не можешь горе разделить,
Стосковалось сердце, изболелась грудь.

Я костер печали в сердце разложу,
Ибо вечный траур по тебе ношу,
Жалости у неба стоном испрошу —
Где еще могу я силы почерпнуть?

Без Асли Керему — горе горевать,
Жалко плоть живую смерти предавать!
Что же мне осталось? Каравана ждать?
Но к руинам древним кто проложит путь?

Много времени прошло, пока не подошел к ним один старик, поздоровался.

— Старик, — с обидой сказал Софи, — что это за городок! Никому до гостей и дела нет.

— Так оно и есть, сын мой, — отвечает старик. — Я и сам нездешний. Никак не могу к их обычаю привыкнуть.

Софи говорит:

— Скажи-ка, дед, а не проезжал ли здесь кешиш со своей семьей?

— Проезжал, как же. В Узун-бабалы они направлялись.

Керем с Софи — снова в путь. Шли день, шли ночь и дошли до Узун-бабалы. У входа в город повстречали девушку. Софи спросил у нее о кешише. Та отвечает:

— Был кешиш, гостил у нас, но раным-рано сегодня выехал в Гилен. — И добавила: — Что ты, парень, преследуешь эту девушку? Если не мил ты ей — так женись на другой.

— Нет, — пояснил ей Софи, — она-то любит его, а вот родители противятся.

Делать нечего — отправились путники в Гилен. Добрались, только и тут не застали кешиша с домочадцами.

Настала зима. Много дней и ночей шли Керем с Софи, и вот встала на их пути гора Лалели. И там вдруг погода нахмурилась, повалил снег.

Видя это, Софи говорит:

— Чего доброго, пропадем мы тут, Керем, пищей для птиц и зверей станем. Давай повернем назад! Кто знает, куда занесло кешиша, будь он неладен! Не разыскать нам его.

— Нет, Софи, — говорит Керем, — умру, а с дороги не сверну. Хочешь, ты воротись, а я один пойду. Меня смерть не страшит.

Софи говорит:

— Куда я тебя пушу одного? Что ж, пойдем, поглядим, какую еще злую шутку судьба сыграет с нами.

Керем видит — Софи с ног валится. Подхватил его и кое-как дотащил до перевала, уложил в затишье под скалой и прикрыл хурджуном. Через некоторое время Софи пришел в себя. А снег знай все валит и валит. Керем съезжился, сел на сугроб, а снег под ним вдруг обвалился, и оказался Керем погребенным под снегом. Бился он, бился, наконец выбрался из-под снега и запел:

Мне уstad искусный преподавал урок,
Вся премудрость мира стала мне ясна:
Нет алифа с беem — есть печали слог.
Солнца нет в помине, спряталась луна!

Лань в степи безлюдной кров себе найдет.
Кто меня приветит, слезы мне утрет?

По моей могиле караван пройдет,
Но душе сторовшей гибель не страшна!

Обнимая горы, белый снег блестит,
Если плачет роза — соловей скорбит.
По груди лилейной грудь моя грустит,
Не достанут руки — далеко она!

Поднял Керем Софи, и пошли они дальше, не замечая больше ни ветра, ни снега.

Идут куда глаза глядят. И привела их дорога в Аджуз. Там они о кешише ничего не узнали, продолжили путь и так, уповая на судьбу, месяц скитались по дорогам, пока однажды не набрали на кладбище. И видит Керем молодую девушку, — склонилась она над могилой и плачет, а время от времени встает и кругом могилу обходит. Керем подошел к ней, взял в руки саз и вот что спросил у девушки:

Что за брови, что за губы — ярче роз?
Что с глазами лани бродишь средь могил?
Как опасен водопад твоих волос!
Что с глазами лани бродишь средь могил?

Услышав слова Керема, девушка поднялась, отделила три прядки из пышных своих волос и натянула их на груди, как струны на сазе. Послушаем, как она Керему ответила:

Что печаль мою пытаешь ты, ашыг?
По любимому я плачу здесь одна!
В сердце боль не утихает ни на миг —
По любимому я плачу здесь одна!

К е р е м

Вижу, девушка, твой траурный наряд,
Брови черные о горе говорят!
Здесь покоится отец твой или брат?
Что с глазами лани бродишь средь могил?

Д е в у ш к а

Знай, носить мне вечный траур надлежит,
Птица черная бровей моих скорбит,

Не отец, не брат, — любимый здесь лежит!
По любимому рыдаю здесь одна!

К е р е м

Ты меня своею скорбью потрясла,
Грудь пронзила мне тоски твоей стрела!
О Асли! Керема за душу взяла
Та, что робкой ланью бродит средь могил!

Д е в у ш к а

Мы с любимым дали верности обет,
Умер он — и мне, несчастной, жизни нет,
Он в могиле — мне не нужен белый свет,
Я давно о нем рыдаю здесь одна!

Понял Керем, что в могиле покоится жених этой девушки.

Утешил ее, как мог, и спросил, не проезжал ли здесь кешиш с семьей. Девушка не ответила. Как ни выпытывал у нее Керем — ни слова не услышал в ответ. Он говорит, а девушка вроде и не слышит, все ее мысли тем, кто в могиле, заняты. . . Так ничего и не добившись от нее, принужден был Керем продолжить свой путь. В тот же день добрались они с Софи до Чаглы-килсе, а там, видят, праздник. Девушки, принарядившись, идут в церковь. Керем вышел на дорогу, прижал саз к груди, и вот как он спросил у них о своей Асли:

О невесты! К вашим припаду стопам.
С вами не входила ль в этот храм Асли?
Испрошу у бога в браке счастья вам,
Мне скажите правду — здесь была Асли?

Пусть цветы и звезды окружают вас,
Вы откройте правду в этот трудный час,
Видите — рыдаю, кровь течет из глаз,
Мне скажите правду — здесь была Асли?

Та, чья тибетейка золотом блестит,
Та, чья бровь — как птица черная летит,
Та, что соколицей гордою глядит,
О, скажите правду — здесь была Асли?

— Ашыг, — спрашивают девушки, — что тебе надобно от нас?

Керем говорит:

— Я ищу госпожу Асли, дочь Гара кешиша.

Девушки говорят:

— Этот кешиш, которого ты ищешь, по слухам, в Гайсаре поселился.

Пусть Керем, покинув Чаглы-килсе, в Гайсар добирается, а вы послушайте о Гара кешише.

Кешиш и вправду поселился в Гайсаре. Едва прибыв туда, он отправился на поклон к Сулейман-паше, правителю здешнему. Наплел ему с три короба о своих злоключениях и попросил защиты: ищу, мол, у вас управы на Керема, житья он мне не дает.

Паша поверил хитрым речам Кешиша и принял его под свое покровительство.

Пришла весна. Девушки на гулянье собрались. Вот одна из них говорит подругам:

— Есть тут девушка одна, из приезжих, по имени Асли. Давайте и ее возьмем с собой, а то скучает одна, бедняжка.

Пришли они к Асли и говорят:

— Мы на гулянье собрались, пойдем с нами.

И рада бы Асли побродить на воле, да только отец ей строго-настрого запретил выходить из сада.

— Пойдемте в наш сад, — просит девушек Асли, — не оставляйте меня одну.

Девушки согласились. Пусть они пока гуляют по саду Гара кешиша, а я расскажу о Кереме.

Длинный ли, короткий ли путь проделал Керем, а добрался до города Гайсара. Одежда его в лохмотья превратилась, стыдно людям на глаза показаться. Идут они с Софи мимо одного сада и видят: девушки в саду, одна другой красивее. А самая прекрасная среди них — Асли. Встал Керем как вкопанный, на нее смотрит.

Девушки заметили его, подозвали:

— Ашыг, из каких ты краев? — спрашивают.

А Керем, не сводя с Асли тоскующих глаз, прижал саз к груди и запел:

Вновь любимый образ предо мной предстал,
Вновь открылась рана старая моя!

О, из-за любимой много я страдал,
Но от боли средства всё ж не знаю я!

Лен ее одежды — тоньше лепестка!
Соловья по розе извела тоска!
Потерял я душу — жизнь моя горька!
По тебе я плачу — ты душа моя!

Я, Керем, не помню, где мой отчий кров!
Горы и долины огласил мой зов!
Нет назад дороги, я на всё готов —
Брови смоляные не дают житья!

Девушки говорят:

— Как же жалобно поет этот ашыг! Видно, дальний
путь он проделал.

Асли узнала Керема, дрогнуло сердце у нее, как ли-
сточек мяты, но виду решила не подавать, сказала:

— Да, по всему видно — чужестранец.

Снова взялся за саз Керем, и вот что он спел:

Это горе, люди, душу мне томит!
Соловей заждался — где его весна?
Соловей измучен, соловей молчит —
Взор его застлала боли пелена!

Я в бездонный омут горя погружен,
Я любовью ранен, страстью обожжен,
Красотой твоею в сердце поражен!
Ты в наряде красном — отчего бледна?

По степям, в скитаньях юность я провел,
Но ценней, чем жемчуг, песню я нашел!
В поисках любимой я по свету брел —
Кто Керему нужен? Лишь Асли нужна!

Тут горький вздох вырвался из груди Асли и слезы
полились у нее из глаз. А девушки, глядя на Керема, пе-
ресмеиваются.

Видит Асли: одежда на Кереме совсем истрепалась.
Достала горсть монет и протянула ему:

— Возьми эти деньги, купи себе обнову. Оденься, как здешние ашыги наряжаются.

Больно задела Керема насмешки девушек, а больше то, что Асли ему деньги предлагает.

— Ханум, — говорит он, — не нужны мне деньги твои. Лучше послушай мои слова. — И запел:

Мне назначен роком золотой наряд —
А мои лохмотья жалки и смешны!
Был я с детства славен, знатен и богат —
Слава и богатство разве мне нужны?

Край чужой несносен стал мне наконец!
Некому поведать тайну двух сердец!
Близкие, родные! Зияд-хан, отец!
Ждать меня и плакать вы обречены!

Гибнет лист осенний, зябнет на ветру...
Кто соткет мне саван, если вдруг умру?
Я, Керем, прохожий на чужом пиру!
Не найти дороги из чужой страны!

Пожалела Асли о своих словах. Чтоб загладить вину, сорвала она цветок и говорит:

— Ашыг, прими этот цветок от меня.

Керем протянул было руку, но дрогнула его рука, опустилась. Не взял он цветка у Асли, очень уж был обижен.

Видя это, Асли говорит:

— Ашыг, я такая же чужестранка, как и ты. И у меня на родине остался любимый, знаю я, что он тоскует обо мне, слезы горькие проливает. А деньги я предлагала потому, что здешние ашыги одеты по-особому. Приоденься, а не хочешь — так в пути деньги всегда пригодятся.

И тут не вынесло муки сердце девичье — упала Асли наземь без чувств. Девушки всполошились, гонят Керема из сада.

— Что ты сотворил с нашей гостьей дорогой? Видишь, она чувств лишилась из-за тебя!

Вернулись к Асли, хлопочут вокруг нее. А она, как очнулась, спрашивает:

— Девушки, где ашыг?

— Прогнали мы его, — отвечают.

В отчаянии схватилась Асли за голову,

— Ах, оставьте меня, я домой пойду.

Проводили девушки ее до дому.

А Керем напрямик пошел на базар, купил себе новое платье, в баню ходил, переоделся и, расставшись с Софи, вернулся в сад Гара кешиша. А там сидит мать Асли. Увидела Керема, да не узнала. Догадалась только, по тому, как он озирался по сторонам, что человек это пришлый. Спросила:

— Молодец, кого ты ищешь?

Керему было известно, что мать Асли — мастерица большие зубы удалять.

— Ханум, — говорит, — зуб у меня разболелся. Лекаря ищу.

Она ему:

— Если так, заходи. Я и есть тот самый лекарь.

Зашел Керем в дом. Хозяйка усадила его, велела рот раскрыть и спрашивает:

— Который зуб болит?

Керем показывает:

— Вот этот.

Хозяйка вставила ему в рот щипцы, собралась дергать зуб, а Керем ерзает на месте, мешает ей. Тогда позвала она Асли и говорит:

— Дочка, не может этот парень смирно посидеть — видно, щипцов боится. Придержи-ка его голову, окажи милость гостю.

Асли видит: перед ней — Керем. Так и застыла на месте. Но взяла себя в руки, из страха, что мать обо всем догадается. Прислонила голову Керема к своей груди. А мать ее тем временем с великим трудом вырвала Керему коренной зуб.

— Ой, — простонал Керем, — ты мне здоровый зуб выдернула. А больной — вот он, рядом.

Женщина вырвала ему и другой зуб. У Керема уже полон рот крови. Асли не выдержала, заплакала.

— Дочка, а ты чего слезы льешь? — спрашивает мать. — Не у тебя же я зубы рву?

Асли говорит:

— Жаль мне, мама, этого чужестранца.

А Керем вскричал:

— Ох, опять не тот!

Выдернула женщина и третий зуб. А для Керема еще большая мука — оторвать свою голову от груди любимой. Потому опять он на другой зуб показывает — мол, этот болит.

Вот так и выдернула ему мать Асли один за другим все тридцать два здоровых зуба. А Керем смотрит снизу вверх на лицо своей любимой и вроде бы боли совсем не чувствует.

Тут мать Асли говорит ему:

— Все, нечего больше дергать, ни одного зуба не осталось.

А он ей:

— Послушай, мать, что я тебе спою.

Пропадаю, сохну по своей Асли,
Не могу не видеть розовых ланит!
Огненные взоры душу мне зажгли —
Кто ее погасит, сердце исцелит?

Стать бы на колени перед ней сейчас!
Даст мне исцеленье свет любимых глаз!
По чьему веленью разлучили нас?
В сердце от разлуки сотня ран болит!

Знай, Керем влюбленный жизни не щадит,
Он в своих скитаньях верность сохранит,
Всё он перетерпит, что судьба велит —
Пусть же рвется сердце, пусть душа горит!

Едва допел песню, мать Асли глянула на него и обомлела — все зубы у Керема на месте, будто и не дергала. Тут взгляделась она в него, узнала и кричит:

— Господи, так это же Керем!

И кинулась из комнаты, чтоб скорей сообщить мужу. Асли и Керем остались наедине друг с другом. Асли знала, что мать сейчас разыщет и приведет отца. Отделила она две прядки от густых своих волос и струнами натянула на груди.

Асли

Наконец сгораем мы в одном огне!
Ты за боль разлуки не кори меня!
Пусть твои страданья перейдут ко мне,
Я ломаю руки — не брани меня!

Керем

По крутой дороге я пришел сюда!
Всё, Асли, я вынес, всё перетерпел!
Шла со мною рядом горькая беда —
Всё, Асли, я вынес, всё перетерпел!

Асли

Я, Керем, не знала, где тебя найду!
Но цветок желанный не завял в саду!
Я страдала тоже, я жила в аду —
Ты, Керем, за муки не брани меня!

Керем

Твой Керем в разлуке слез потоки лил!
Одиноким нищим по миру бродил,
И твоей роднею я унижен был —
Всё, Асли, я вынес, всё перетерпел!

Едва кончил петь Керем, Асли говорит:

— Керем, мой отец очернил тебя, много плохого наговорил Сулейман-паше, и если тот узнает, что ты здесь, — без промедления бросит тебя в темницу. Но ты не бойся, я напишу записку, а ты отнеси ее Сулейман-паше. Поведай ему о наших бедах, может, смилостивится паша и поможет нам.

Написала Асли записку и ушла. А Керем не успел ступить за порог, как схватили его слуги паши и, награждая по дороге тумаками, повели к своему господину.

Разгневанный паша сказал:

— Бросьте этого злодея в тюрьму, а потом я велю шкуру с него содрать и соломой набить!

Но прежде чем Керему связали руки, он успел передать паше записку Асли. В ней было написано: «Великий паша, пощади Керема, мы с ним любим друг друга, а отец мучает нас, не дает соединиться».

Прочитав записку, паша сказал:

— Отпустите его пока. Я разберусь в этом деле.

Керема отпустили, и он вернулся туда, где они с Софи нашли временный приют. Ночью он никак не мог уснуть, будто горячих углей ему в постель насыпали. Измученный, поднялся Керем, вышел из дому. И Софи за ним. Видит, светит в небе звезда — Губительница караванов, возвещающая скорое утро. Обратился он с песней к далекой звезде, а поблизости ходили стражники, услышали — сбежались на голос. Пришлось Керему с Софи спрятаться в ближних развалинах. Керем говорит:

— Асли, наверное, уже пробудилась, пойдем к ее дому.

А Софи возражает:

— Пока звезды не погасли, нельзя нам идти, заметят.

Не послушался его Керем — крадучись двинулись они к дому Асли. Но стражники их подкарауливали. Накинулись со всех сторон, крепко-накрепко связали, повели к паше.

Паша говорит Керему:

— Ашыг, ты ведь мусульманин, а Асли — армянка, к тому же дочь священника. Разве мало на свете других девушек? Отступись от нее, женись на другой.

Послушаем, что ответил Керем на слова паши:

О паша! Керему речь держать вели,
Прикажи мудрейшим слушать не дыша:
Если я забуду о своей Асли —
От нее отречься сможет ли душа?

От нее, чьи пальцы в ярко-красной хне?
От нее, чьи серьги так сияют мне?
От нее, подобной ласковой луне?
От Асли отречься сможет ли душа?

Участи суровой я не убоюсь,
Знайте, что Керемом я не зря зовусь!
От Асли любимой я не отрекусь —
От нее отречься сможет ли душа?

Был у паши очень мудрый и справедливый визирь. Подозвал он к себе Софи и стал его расспрашивать о Кереме. Рассказал ему Софи обо всех мытарствах своего

воспитанника, а напоследок взял в руки саз и вот что пропел:

Даже я старею от его тоски —
Сколько испытал он самых разных бед!
Бредит милым ликом, ямкою щеки —
Что ему несчастье, сплетня и навет?

Был цветок прекрасный вырван у него —
Он с тех пор не помнит дома своего!
Нищий, на чужбине, близких — никого,
Голодает, бедный, лаской не согрет!

Мой Керем несчастный страстью ослеплен,
Меткою стрелою в сердце поражен,
Не могу я видеть, как страдает он, —
Для Софи страшнее испытанья нет!

Визирь говорит:

— О мой властелин! Керем — истинный ашыг. Он любит одну Асли, и Асли любит его. Мы должны соединить влюбленных.

А кешиш тоже был здесь. Услыхал он и даже застоял от обиды.

— Не отдам за него свою дочь! — говорит. Но его и слушать не стали.

— Испытайте любовь Керема! — требует кешиш. — Думаю, это одно притворство!

Была у паши сестра по имени Хуснийя, очень мудрая женщина. Паша вызвал ее и рассказал обо всем этом.

Хуснийя говорит:

— Сейчас я сама его испытаю.

Собрала Хуснийя двенадцать девушек, приказала нарядить их в одинаковые платья, а лица наглухо платками закрыть. Привела их в сад. И Асли была среди них. А Керему завязали глаза и привели в тот же сад. Хуснийя спрашивает:

— Скажи-ка, ашыг, где теперь твоя Асли?

Керем отвечает не задумываясь:

— Здесь она, в саду.

Развязали ему глаза, и Хуснийя говорит:

— А теперь покажи, какая из этих девушек твоя Асли.

Керем прямоком подошел к одной, поднял платок — это была Асли.

Похвалила его Хуснийя-ханум.

— И вправду, ты настоящий ашыг. Святой, можно сказать, ашыг. А теперь последнее условие — ты должен воспеть родинки на лице у Асли, это будет твоим последним испытанием. Если песнь твоя понравится, то паша соединит ваши судьбы.

Взял Керем саз, а мы слушаем, как он воспел родинки на лице у любимой:

Родинки прекрасны у Асли моей —
Словно буквы суры — все к одной одна!
Та с «алифом» схожа, а другая — «бей»,
Без конца читать бы эти письма!

Эта — милосердна, а другая — зла,
Эта — огорченье сердцу принесла!
Эта — чуть побольше, та — совсем мала,
Эта — ненавидит, эта — влюблена!

Эта — малой тучкой тает в вышине,
Эта — малой пташкой вдруг летит ко мне!
Радостно Керему видеть их во сне,
Явь моя — ужасна, даль моя — черна!

Говорит Хуснийя паше:

— Помоги Керему, он — ашыг милостью божьей. Сватай ему Асли.

И паша приказал:

— Кешиш, ты должен выдать дочь за Керема. Довольно мучить влюбленных!

— Нет, великий паша, не могу я этого допустить, — упорствует кешиш. — Дочь моя — христианка, а он — мусульманин.

— Ну и что из того! — говорит паша. — Ведь они любят друг друга. И как дерзаешь ты перечить моему велению?

Видит кешиш — деваться некуда, решил снова пойти на хитрость.

— Хорошо, — говорит, — я повинуюсь. Только дай мне три дня сроку, чтоб я подготовился к свадьбе.

Тут выступил вперед Софи и обратился к паше:

— Не верь ему, господин, сбежит он, не раз уже скрывался.

Тогда паша велел кешишу вместе со всей семьей перебраться к нему во дворец и здесь готовиться к свадьбе.

Два дня ходил Керем вокруг сада паши в надежде встретить Асли, а на третий день наконец увидел ее в окружении подружек. Поглядел Керем, как плавно выступает она по дорожке сада, вздохнул, прижал звонкий саз к груди и запел:

Ты любовь, что втайне глешь души нам,
Скоро станешь явью, есть всему предел!
Я терпению сердца удивляюсь сам:
Ведь ему достался горестный удел!

Скалы для любимой сокрушал Фархад,
Клял Меджнун пустыню, горечью объят!
Но за взгляд любимой, за лучистый взгляд
Погибать Керему, видно, рок велел!

Воли злого рока мне не одолеть,
От любви влюбленный должен умереть!
Суждено Керему факелом гореть —
Кто любовь изведаль, тот не будет цел!

Но вот истек назначенный срок. Паша приказал приступить к свадебному торжеству. Нарядили Керема в праздничные одежды, повели на пир. И тут открою я вам, что кешиш был не простым священником, а к тому же и колдуном, много знал разных заклятий и наговоров. Велел он скроить дочери платье из красного муара, а спереди собственноручно пришил к нему пуговицы в два ряда. Надела Асли это платье, а кешиш говорит:

— Дочь моя, это твое свадебное платье, будь же счастлива, поздравляю.

Да, так вот и выдали Асли за Керема. Длился свадебный пир по велению паши ровно сорок дней и сорок ночей.

А на исходе сорокового дня вошел Керем с сазом в руке в комнату невесты и видит: сидит Асли-ханум, ждет своего суженого, платье на ней алое с зеленым, и семьдесят семь украшений на нем золотых. При виде такой красоты захватило дух у Керема, прижал он саз к груди и запел:

Вся она сегодня в красном —
Будто вдруг настало лето!
Обернула стан прекрасный
Шалью огненного цвета!

Есть отец у ней любимый,
Есть в саду ее павлины,
Есть в ушах ее рубины
Ало-огненного цвета!

На нее гляжу, гонимый,
Раб любви неутолимой!
Как идет моей любимой
Платье огненного цвета!

В последний раз гости поздравили молодых и разо-
шлись. Остались влюбленные одни.

Асли говорит:

— Душа моя Керем, слава богу, настал конец нашим
страданиям, и соединились мы навеки.

А потом зарделась как маков цвет и жалобно доба-
вила:

— Только, знаешь, пуговики на платье, что отец при-
шил, никак не расстегиваются. . .

Попробовал Керем ей помочь — видит, и вправду не
расстегивается платье. Понял он, что это козни Гара ке-
шиша, и говорит:

— Душа моя Асли, околдовал тебя твой отец.

Взял он тогда свой саз, тронул струны и запел:

Гянджу я считаю родной стороной —
Но с озера утка успела вспорхнуть,
И вот я не знаю, что будет со мной:
Возлюбленной пуговок не расстегнуть!

И начали пуговики вдруг сами одна за другой рассте-
гиваться. А Керем продолжал:

По следу любимой пришел я сюда,
Вошел в Эрзурум — не нашел и следа!
В Терджане я слег, я почуял — беда!
Ведь мне ее пуговок не расстегнуть!

С высот Гарадага в долину побрел,
Мой стон безутешный до неба дошел!
Я очи усталые к небу возвел:
О, мне ее пуговок не расстегнуть!

Быть может, ашыга забыл мой народ —
И след мой в дорожной пыли пропадет!
Пытал я прохожих: о, что меня ждет,
Коль мне ее пуговок не расстегнуть?

Прохожих — и тех пробирала слеза...
Сек ливень меня, ослепляла гроза,
Мне жить без любимой на свете нельзя.
Ах, мне ее пуговок не расстегнуть!

О муках своих я спешу рассказать,
О том, что в пути мне пришлось испытать!
Ужели с Асли мне расстаться опять,
Коль мне ее пуговок не расстегнуть?

И, пока пел он, пуговики расстегивались, но, как дошло до последней, вдруг опять разом наглухо застегнулись — не смог Керем совладать с колдовскими чарами Гара кешиша. Глянули молодые в окно — уже и утренняя звезда вошла. И тут пламенный вздох вырвался из груди Керема. Жаркий огонь метнулся из уст — и вспыхнул Керем, и запылал. Вскрикнула Асли, заметалась, не зная, как помочь. А Керем, объятый огнем, застонал, глядя на любимую, так и оставшуюся недоступной:

Плоть охвачена безжалостным огнем —
О, спаси меня, любимая Асли!
Я сгораю в адском пламени живьем —
О, прощай, моя любимая Асли!

Избавления от гибели не жду —
Так написано мне было на роду!
Пусть запомнит этот мир мою беду!
О, прощай, моя любимая Асли!

Не увижу больше матери родной,
Скоро стану я холодной золой,
Плачьте, люди, над Керемовой судьбой!
О, прощай, моя любимая Асли!

Я, Керем, всю жизнь скитался и страдал,
Рок безжалостный судьбе моей не внял —
Я любовь свою нашел и потерял —
О, прощай, моя любимая Асли!

Жаркое пламя охватило Керема с головы до пят, Асли схватила кувшин, пытаясь погасить пламя, но будто не воду, а масло лила она на голову Керема, — еще жарче разгорался огонь. И вот уже превратился Керем в груды пепла.

На крики Асли прибежали к окну ее подружки.
— Что случилось, Асли, почему ты плачешь?

Слезы душили Асли, не могла она говорить. Струной натянула на груди прядь своих смоляных волос и вот как поведала о своем безутешном горе:

Глядите, подруги, на горе мое —
Стал горстью безмолвного пепла любимый!
Согнулся мой стан, мне теперь не житье —
Стал горстью безмолвного пепла любимый!

Покинул меня соловей, улетел —
И осень настала, мой сад опустел,
В разлуке иссохнуть теперь мой удел —
Стал горстью безмолвного пепла любимый!

Равнины и горы Асли обойдет,
Расскажет о горе своем и споет,
Пусть бедное сердце разлука сожжет —
Стал горстью безмолвного пепла любимый!

Девушки кинулись к паше рассказать ему о несчастье.
А в это время кешиш говорит своей жене:

— Ступай, разузнай, что с Керемом. Сдается мне, он должен был сгореть сегодня ночью.

Жена Гара кешиша поспешила к дочери. Окликнула ее из-за двери:

— Доченька, отвори, почему ты так горько плачешь? Может, этот Керем обманул тебя и сбежал?

Узнав голос матери, Асли открыла дверь. И вот что, рыдая, сказала ей, показывая на горячий пепел Керема:

О мать и отец, пусть накажет вас бог,
Сгорел мой Керем, говорю я, рыдая.

Обуглился мака багряный цветок,
Сгорел мой Керем, говорю я, рыдая!

Скитался Меджнун ради юной Лейли,
Фархад рушил скалы от милой вдали!
За что вы до смерти двоих довели?
Сгорел мой Керем, говорю я, рыдая!

Вы с дочерью были жестоки своей,
Но розу не бросит в беде соловей,
О ветер, наш прах подхвати и развей —
Сгорел мой Керем, говорю я, рыдая!

Склонилась Асли над грудой пепла. Упали ее волосы волной, будто стремясь погасить последние искорки, и вдруг жарко вспыхнули, а через мгновение и вся она запылала. Сгорела Асли. Только пепел остался. И пепел ее смешался с пеплом Керема.

С криком и плачем побежала мать Асли к мужу. Дрожь охватила Гара кешиша. Понял он, что единственное спасение его — в бегстве.

Но и паше дали знать о беспримерном злодеянии колдуна. Тут же снарядил он погоню. Схватили Гара кешиша вместе с женой и в тот же день по приказу паши казнили обоих.

А прах Асли и Керема ссыпали в золотой сундук и похоронили с почетом. И все в том городе в знак траура облачились в черные одежды.

Вот так наконец соединились Керем и Асли, если не сами они, то хотя бы их пепел смешался воедино...

А самое имя Гара кешиша предали проклятью и закопали труп его в глухом углу того же кладбища.

Говорят, на могиле Асли и Керема выросли два розовых куста, расцвели пышным цветом, распространяя далеко вокруг свой аромат. А на могиле Гара кешиша взошел черный чертополох, и одна его колючая ветка протянулась к двум розовым кустам, доползла до них, разъединяя...

Приходит Софи каждый день, рвет эту черную колючку, а ночью новая вырастает.

Жил в Тебризе богатый человек. Умирая, завещал он все свое состояние единственному своему сыну Расулу. Но ловкие прощельги и бездельники обобрали молодого наследника и прокутили его деньги.

Очутился Расул в беде. Пошел он на могилу отца, опустился на колени и плакал до тех пор, пока не заснул. И привиделся тут Расулу удивительный сон: будто стоит он в сказочно прекрасном саду и беседует с прелестной девушкой. Влюбился в нее Расул.

А девушка эта была дочерью купца из Тифлиса, и звали ее Шахсенем.

Случилось так, что той же ночью тот же сон увидела и Шахсенем и тоже полюбила незнакомого юношу.

Тоска измучила Расула, и он решил отправиться в город Тифлис и разыскать там свою возлюбленную. Он обратился к матери с почтительными словами:

Нежнолика, родная мать моя,
Должен я в Тифлис поехать, далеко.
Я внезапно любовью истомлен,
И в Тифлис я должен ехать, далеко.

Перламутровый мой саз я в руки взял, —
Видно, рок мне это сделать начертал.
Синеокою во сне я увидал,
И в Тифлис я должен ехать, далеко.

Пусть внимают и долина, и гора,
Струн мне вторит вдохновенная игра.
«О Расул, — мне шепчет сердце, — в путь пора!»
И в Тифлис я уезжаю, далеко.

Взял Расул с собою мать и сестру и отправился в Тифлис. На городской окраине повстречал Расул старуху и спросил ее:

За тебя готов я жертвой стать —
Не Тифлис ли город вижу пред собой?
Здесь живет красавица Сенем, —
Не Тифлис ли город вижу пред собой?

Удивительно прекрасен город-сад,
Как фонарики, гранаты здесь блестят.
Подружиться здесь с людьми я буду рад, —
Не Тифлис ли город вижу пред собой?

Я, Расул, хочу сказать об этом всем:
От любви я изнемог, не сплю, не ем.
Неужели не найти мне Шахсенем?
Не Тифлис ли город вижу пред собой?

По счастливой случайности старуха эта была служанкой Шахсенем, она поспешила к своей юной госпоже и поведала ей удивительную новость.

Расул со своей матерью и сестрой остановились в чайхане. Посетители чайханы стали расспрашивать юношу, кто он родом и откуда приехал. Вот что рассказал Расул о родине своей, о Тебризе:

Люди добрые, дозволейте рассказать:
По весне цветет, как райский сад, Тебриз.
Там красавицы — как павы хороши,
Не на свадьбу ли они спешат, Тебриз?

Этот город — как зажиточный купец,
Рис везет сюда Гилан, Мугань — овец.
Здесь из Индии корица, там чебрец, —
Разным пряностям заморским рад Тебриз.

Там торгуют, покупают, продают,
Караваны важной поступью идут.
Ткани пестрые, шелка кругом цветут, —
Удивительный надел наряд Тебриз.

Там весною, под покровом темноты,
На эйлагах распускаются цветы.
Там красавицы — подобие мечты,
Словно бабочки они пестрят, Тебриз.

А когда за вечерет небосклон,
Все красавицы выходят на балкон,
И прохожий тут погиб, он ослеплен!
Восхитителен на каждый взгляд Тебриз!

Я, ашыг Гариб, Тебриз вам описал,
Я ни слова не прибавил, не солгал.
Кто не верит, пусть в меня вонзит кинжал.
Воспевать могу сто лет подряд Тебриз!

Слух о чудесном мастерстве Расула облетел весь Тифлис. Многие стали приходить в чайхану послушать песни неизвестного ашыга. Прозвали его люди ашыгом Гарибом, что означает: одинокий пришелец.

Отец Шахсенем тоже решил пригласить Гариба к себе в дом. Верная служанка предупредила об этом свою госпожу, и Шахсенем спряталась за занавеской. Ашыг Гариб сердцем понял, что любимая его находится близко. Он прижал к груди свой саз и запел:

Шел из края в край я, мечтой влеком,
И огонь любви опалил меня!
Как измучен я, расскажу о том, —
Взгляд газельих глаз сил лишил меня!

О мученье злом расскажу я сам, —
Крик души моей рвется к небесам.
Чахнет розы куст, гибнет по часам, —
Злой разлуки червь источил меня!

Говорит Гариб: всех сильнее любовь!
Будь слугой любви, ей не прекословь!
О любимой я запеваю вновь,
Свет любимых глаз вдохновил меня!

Шли дни за днями. Ашыг Гариб не раз состязался с самыми прославленными ашыгами, и слава о его победах распространилась далеко. За это время он несколько раз встречался с Шахсенем, и любовь их стала еще сильнее.

Решился наконец ашыг Гариб послать к отцу Шахсенем свою мать, чтобы она посватала Шахсенем. Проведал об этом богач Шахвелед и в этот же день тоже заслал своих сватов. Трудно бедняку тягаться с богачом. Отец Шахсенем посмеялся над матерью Гариба и потребовал за невесту богатый выкуп: сорок кисетов золота. Знал он, что негде ашыгу взять такое богатство. Чтобы выручить любимого, Сенем предложила ему свои деньги. Но

Гариб был человеком гордым, он отказался от денег Шахсенем: «Сам заработаю своим трудом!» И пришлось ему отправиться в далекий и долгий путь. Перед разлукой захотел Гариб подвергнуть испытанию любовь Шахсенем:

На тебя хочу я последний раз взглянуть, —
Я уйду, быть может, не вернусь.
Отыщу красивей девушку... как знать.
Я женюсь, быть может, не вернусь.

Наша родина прекрасна, там я рос, —
На чужбину темный рок меня занес.
Может, тернии найду я вместо роз —
Задержусь... Быть может, не вернусь.

Говорит Гариб: пусть жребий мой суров,
Пусть я только легкий лист в руках ветров —
На чужбине я сойду под смертный кров,
Не вернусь!.. Быть может, не вернусь.

Но Шахсенем верила, что возлюбленный вернется. Она поклялась Гарибу ждать его ровно семь лет. Из всех сил пыталась она удержать Гариба:

Мой милый, дай жертвою стать за тебя!
Зачем ты меня покидаешь, Гариб?
Я верю, что ты не забудешь, любя.
Зачем ты меня покидаешь, Гариб?

Одна, без тебя, оставаться страшусь —
Разлуки влачить изнурительный груз.
Я в траур оденусь, в печаль облекусь...
Зачем ты меня покидаешь, Гариб?

В тумане холмы чуть видны за окном,
Деревья исхлестаны смертным дождем...
Печально запястья звенят серебром...
Зачем ты меня покидаешь, Гариб?

Гариб подарил Шахсенем на память кольцо и ушел странствовать. Всюду, где ему приходилось бывать, в городах и селениях, — люди слушали его пение. Любовь и уважение народа сопутствовали ему. Но печально звене-

ли струны саза. Грустно жилось ашыгу на чужбине, не было ему радости вдали от прекрасной Шахсенем.

О, внемлите! На чужбине тяжело жить!
Жизнь страданье для того, кто одинок.
Я чужак, и я не понят здесь никем, —
Жизнь страданье для того, кто одинок.

Вечно хмурый я, один в стране чужой,
Двери радости закрыты предо мной.
Тесен мир мой, а душа полна тоской, —
Для того приюта нет, кто одинок!

Шли годы, и богач Шахвелед стал торопить отца Шахсенем со свадьбой. Но Шахсенем не давала согласия. Она умоляла свою мать повременить:

Тебя спрошу я об одном:
Зачем меня неволишь, мать?
Своим вскормила молоком —
Теперь меня неволишь, мать!

Ох, что ты сделала со мной?
С айвой я схожа желтизной!
Всею любовь моя виной. . .
Зачем меня неволишь, мать?

Я от любви не сплю, не ем,
Как роза, вяну я совсем.
Пускай погибнет Шахсенем,
Когда ее неволит мать!

Понял Шахвелед, что Шахсенем любит Гариба и не изменит ему никогда. Послал он на поиски Гариба своего слугу Гюльоглана с приказом убить его. Долго искал Гюльоглан Гариба, но так и не нашел. Опасаясь гнева хозяина, он принес Шахвеледу свою рубашку, окропленную кровью, сказав, что это рубашка Гариба.

Шахвелед послал эту рубашку Сенем, объявив ей, что Гариб убит. Услыхав страшную весть, зарыдала мать Гариба. От безутешных рыданий она ослепла.

Одна Сенем не поверила в смерть возлюбленного. Вместе с матерью и сестрой Гариба вышла она на доро-

гу и стала расспрашивать проезжих, не слышали ли они о Гарибе.

Случилось, что по дороге ехал купец по имени Ахмед. Он принял мать Гариба за слепую нищенку и подал ей милостыню. Униженная женщина горько заплакала. Купец понял свою ошибку и участливо стал расспрашивать мать Гариба. И слепая рассказала ему о своей горестной участи:

Цвет купечества, прославленный купец,
Исходил немало ты путей-дорог,
Не встречал ли где любимого сынка?
Я ослепла. . . Где мой сын, где мой сынок?

Родила я черноглазого орла,
Я лелеяла его и берегла.
Чернота мои глаза заволокла —
Я ослепла. . . Где мой сын, где мой сынок?

Пеплом горя мне главу посыпал рок.
К бедной матери, молю, не будь жесток,
Сына в странствиях своих ты видеть мог.
Я ослепла. . . Где мой сын, где мой сынок?

Грустная Сенем тоже поспешила обратиться к Ахмеду:

Рабыней твоею я стану, купец,
Гарибу скажи: пусть не медлит, спешит.
Семь лет я в тоске ожиданья томлюсь,
Гарибу скажи: пусть не медлит, спешит.

Такая преданность растрогала купца Ахмеда, но он решил испытать Шахсенем и сказал ей:

— Я знаю ашыга Гариба, он человек ненадежный, едва ли он будет тебе достойным мужем. Выходи-ка ты лучше замуж за моего сына!

Так ответила ему Сенем:

Купец, ты ошибся, — любви я верна,
Я чашу страдания выпью до дна.
Я золото знаю, мне медь не нужна,
Гарибу скажи: пусть не медлит, спешит.

Семь лет, как он отбыл в чужую страну.
Тебе я поведаю тайну одну:
Мой друг возвратится, к нему я прильну...
Гарибу скажи: пусть не медлит, спешит.

И купец Ахмед, взяв кольцо, подаренное Гарибом своей невесте, дал слово разыскать ашыга и передать ему наказ Шахсенем.

Много стран и городов объехал купец Ахмед, прежде чем попал в город Халеп. Он пошел на городскую площадь и увидел ашыга, окруженного большой толпой. Ашыг пел и играл на сазе. Люди называли этого ашыга Гарибом. Решив проверить, тот ли это ашыг Гариб, купец опустил кольцо, полученное от Шахсенем, в чашу с шербетом и сказал:

— Ашыг, мне надо поговорить с тобою, но сперва возьми эту чашу и осуши ее до дна!

Гариб выпил шербет, на дне чаши блеснуло знакомое кольцо.

Г а р и б

Будь счастлив, купец, до скончания дней!
Ты мать мою видел, здорова ль она?
На сердце тревожно; скажи мне скорей:
Ты мать мою видел? Здорова ль она?

А х м е д

В печаль облеклась твоя бедная мать,
От горя ослепла, ей слез не сдержать.
На всех твоих близких разлуки печать, —
Тебя умоляют вернуться, Гариб.

Г а р и б

Я чувствую сам, возвратиться пора...
Сестру мою видел? Здорова ль она?
Иль всё безутешна родная сестра?..
Сестру мою видел? Здорова ль она?

А х м е д

Я горе встречал и к печали привык,
Немеет от жалости бедный язык:

Тоскует сестра, облетает цветник,
Тебя умоляют вернуться, Гариб.

Г а р и б

Гнездо опустело, разрушен мой дом.
Где лебедь, что белым плескала крылом?
Моя Шахсенем? Расскажи об одном:
Любимую видел? Здорова ль она?

А х м е д

Друг, мир этот вправду прибежище бед!
Куст розовый вянет, осыпался цвет.
Посвататься вздумал к Сенем Шахвелед.
Тебя умоляют вернуться, Гариб!

Купец Ахмед рассказал Гарибу обо всем, что произошло в его отсутствие. В скорбную думу погрузился Гариб, его встревожила весть о скорой свадьбе Шахвелета и Сенем. Путь в Тифлис долог, а сорока кisetов с золотом ему так и не удалось собрать.

Слезы покатались по щекам ашыга. Заметил их купец Ахмед и спрашивает:

— Друг мой, что так задумался? О чем грустишь?
Ответил ему Гариб:

Зачем я расстался с отчизной моей?
Здесь нет никого, кто поможет в беде.
Гариб — чужестранец, как перст одинок, —
Нет рядом того, кто поможет в беде.

Давно я покинул родные края,
Семь лет на чужбине изгнанником я.
Сенем ожидает, любовь затая. . .
Нет рядом того, кто поможет в беде.

О люди, когда вы постигнуть могли б,
Как горько судьбою обижен Гариб!
Кто может измерить глубины любви?
Нет рядом того, кто поможет в беде!

День был праздничный, и вокруг ашыга стала собираться толпа. Народ стал спрашивать, что приключилось с Гарибом, почему из глаз его льются слезы. Тогда купец

Ахмед рассказал о беде, постигшей ашыга. И люди собрали Гарибу столько денег, что наполнил он сорок кисетов золотом, да еще и на покупку коня осталось.

Купец Ахмед сторговал Гарибу быстроногого скакуна и проводил ашыга в дорогу.

Под вечер, на горном перевале, Гариб попал в снежную бурю. Конь его не выдержал и пал. Чует Гариб, что и ему приходит конец. Взял он украшенный перламутром саз, прижал его к груди и запел:

О создатель, снизойди к моим мольбам!
Обошлась со мной безжалостно судьба.
Понял я, что мне невесты не достичь, —
Обошлась со мной безжалостно судьба!

На бесшумном смерть приехала коне,
И душа моя сгорела на огне.
Понял я, что беспощаден рок ко мне, —
Обошлась со мной безжалостно судьба.

На чужбине буду в землю погребен.
Кто заплачет надо мной в день похорон?
Кто услышит вздох последний, скорбный стон?
Обошлась со мной безжалостно судьба!

И, словно по волшебству, перед Гарибом возник всадник на белом скакуне и сказал:

— Гариб, садись на моего коня!

Гариб сел на коня позади всадника. Тогда всадник сказал ему:

— Закрой глаза!

Гариб послушно закрыл глаза. Прошло мгновение, и всадник снова приказал:

— Теперь слезай!

Открыл глаза Гариб и видит: перед ним Тифлис! Поклонился он всаднику и говорит:

— Кто ты?

— Твоя мать ослепла от слез, — сказал всадник, — возьми горсть земли там, где мой конь ударит копытом, и приложи к материнским глазам.

Нагнулся Гариб, взял горсть земли из-под копыт коня, поднял голову, оглянулся... а всадник уже исчез. В тот день в Тифлисе играли свадьбу: Шахсенем выда-

вали замуж за Шахвелета. Никем не признанный, под видом странствующего ашыга, на свадьбу пришел и Гариб,

Шахсенем ждала своего любимого до последней минуты: «Если и сегодня мой Гариб не придет — приму яд и умру».

Взгляни на деянье жестокой судьбы:
Слабеет дыханье в груди, мой Гариб!
Мне скоро лежать под могильной плитой, —
В слезах умоляю, приди, мой Гариб!

Печальный удел был судьбою мне дан,
В глазах моих медленной смерти туман,
Не скажет любимый: «Сенем моя, джан!»
Ждет смерть впереди, мой любимый Гариб!

Недолго на свете осталось мне жить,
Смерть саван холодный мне стала кроить, —
На свадьбе придется отраву испить,
Умру без тебя — не суди, мой Гариб!

Тем временем пирующие гости заметили незнакомого ашыга и попросили его спеть.

Медленно вышел в круг Гариб, и струны саза заговорили:

Принесли мне весть о милой Шахсенем,
Как стена стоял я, сумрачен и нем.
Для чего в Тифлис спешить мне, о зачем?
Но собрался и в отчаянье пошел.

Здесь, неузнанный, на свадьбе я стою,
Сам не слышу, что играю и пою.
Я отдать готов невесте жизнь мою, —
Я испил вино разлуки и пришел.

К ней пришел, чтоб жизнь к ногам ее сложить,
Чтоб на свадьбе струнным сазом послужить.
Все красавицы пошли плясать, кружить.
Улыбнулась Шахсенем, велела жить, —
Видно, вовремя на свадьбу я пришел.

Услыхав голос Гариба, Шахсенем, трепеща от радости, бросилась к нему:

Семь лет я томила, семь лет я ждала,
Убита тоской, — ты ушел от меня!
Глядела в окно я, и слезы из глаз
Струились рекой — ты ушел от меня!

Бывало, весь день на дорогу гляжу,
С холмов отдаленных очей не свожу.
Служанки стремятся развлечь госпожу...
Мир полон тоской — ты ушел от меня!

Шли весны и зимы с бедой пополам,
Четырнадцать раз мы справляли байрам.
Любимый прикажет — и жизнь я отдам!
Пропал мой покой — ты ушел от меня!

Шахвелед узнал Гариба и хотел сразить его мечом, но Шахсенем стала между ними. Убедился Шахвелед, что невеста его не любит, и пришлось ему отступить.

Женился ашыг Гариб на Шахсенем, а сестру свою выдал замуж за Шахвеледа. Гариб приложил горсть земли к глазам своей матери, и она прозрела.

Весело отпраздновали свадьбу ашыг Гариб и Шахсенем, зажили они счастливо и радостно.

1025—1030. ПЕСНИ ИЗ ДАСТАНА

«ГАЧАГ НАБИ»

1

ГАЧАГ НАБИ

Голубее голубого у Наби глубокий взор,
Он гроза врагов народа, суд его суров и скор.
Крепость он себе построил на вершинах гордых гор.
Враг разбойником считает поднебесного орла,
У него Хаджар-орлица и отважна, и смела.

На вершинах гор отвесных дышит утренний туман.

Умоляет о пощаде перепуганный тиран.

О герое справедливом я слагаю свой дастан.

Враг разбойником считает поднебесного орла,
У него Хаджар-орлица и отважна, и смела.

У Наби густые брови, словно черная смола.

Он врагов испепеляет, разоряет их до тла.

Богатеи жалко стонут, жизнь им стала не мила.

Враг разбойником считает поднебесного орла,
У него Хаджар-орлица и отважна, и смела.

То не солнце льет на землю жар полдневного огня,

А Хаджар-ханум гарцует, сев на борзого коня,

Блещут золотом монетки, в черных локонах звеня.

Враг разбойником считает поднебесного орла,
У него Хаджар-орлица и отважна, и смела.

2

УДАЛЕЦ

У Наби густые кудри, черен каждый завиток,

На Хаджар глядит он нежно, как на утренний цветок.

Только с ханами одними он безжалостно жесток.

Ведь народ Наби недаром называет удальцом,
Он поигрывает ловко самопалом-ружьецом.

У Наби есть брат любимый, несгибаемый Мехти,

Братья прячутся в ущелье, их солдатам не найти.

Оба храбрые из храбрых, с ними шутики не шути.

Ведь народ Наби недаром называет удальцом,
Он поигрывает ловко самопалом-ружьецом.

И, отчаянный и смелый, наш Наби красив собой,

Он с товарищем и другом в обращении простой.

Для него своею жизнью рад пожертвовать любой.

Ведь народ Наби недаром называет удальцом,
Он поигрывает ловко самопалом-ружьецом.

ОТОМСТИЛ ГУБЕРНАТОРУ

Ай, усы у Наби, каждый загнут поврозь!
 Продырявили пули папаху насквозь,
 А коня обогнать никому не пришлось.
 Губернатор дрожит, прячет голову бек,
 Вот какой наш Наби золотой человек!

В серых яблоках конь, он и впрямь ураган,
 Слыша цокот подков, запирается хан,
 Им Наби отомстит за грабеж и обман.
 Губернатор дрожит, прячет голову бек,
 Вот какой наш Наби золотой человек!

У богатых мешки отбирая монет,
 Он их тем раздает, кто разут и раздет,
 С бедняками разделит он кров и обед.
 Губернатор дрожит, прячет голову бек,
 Вот какой наш Наби золотой человек!

ПОПРОБУЙ СХВАТИ МЕНЯ

Вы, народную кровь проливая ручьем,
 Не даете народу потачки ни в чем.
 Мать сказала: «Наби, свой народ защити,
 Ополчись на богатых огнем и мечом».
 Ну-ка, хан, попытайся героя схвати!

Я — храбрец, поневоле разбойником стал,
 Я для сердца врагов — словно острый кинжал.
 Мягок я с бедняками, как шерстка в горсти.
 Ярость я с молоком материнским впитал.
 Ну-ка, хан, попытайся героя схвати!

Эй вы, ханы, взгляните в мой алчущий взор,
 Ожидают дворцы и пожар, и разор.
 Вы — бараны, сгрудились на волчьем пути,
 Я родился быть волком, и зуб мой остер.
 Ну-ка, хан, попытайся героя схвати!

ДЕНЬ ИСПЫТАНИЙ

У подножья Горус отдохнуть я прилег.
 Я, беспечный, забыть об опасности смог.
 Стыдно мне, я наказан, мой жребий жесток.
 Серый конь, ты мне другом испытанным был,
 Выручай из беды, страшный день наступил.

Я в конюшне прекрасной устрою тебя,
 Я попоной атласной укурю тебя,
 Умоляю опасной порою тебя:
 Серый конь, ты мне другом испытанным был,
 Выручай из беды, страшный день наступил.

Я тебя подкую серебром на лету,
 Хвост и гриву потом расчешу, заплету.
 Отплачу я добром за твою доброту.
 Серый конь, ты мне другом испытанным был,
 Выручай из беды, страшный день наступил.

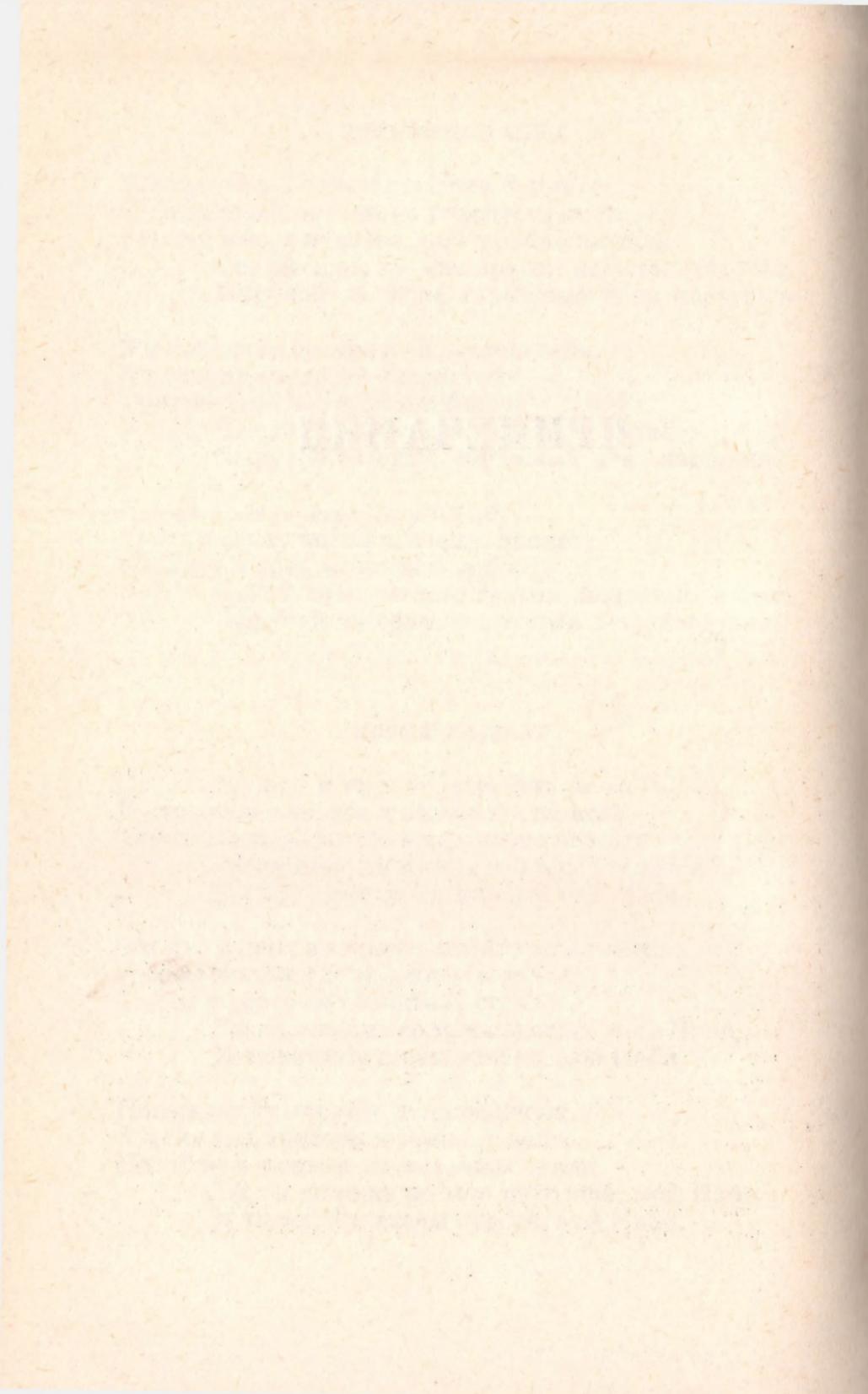
ПЕСНЯ ХАДЖАР

Ох, как душно в тюрьме, я уснуть не могу,
 В окруженье врагов я вздохнуть не могу.
 Тяжесть ржавых оков я стяхнуть не могу.
 Ты на помощь ко мне подоспей, мой Наби,
 И тюремные стены разбей, мой Наби.

Ох, как душно в тюрьме, ломит голову мне,
 Лью кровавые слезы и днем и во сне,
 Тайны я поверяю гранитной стене.
 Ты на помощь ко мне подоспей, мой Наби,
 И тюремные стены разбей, мой Наби.

Полыхали тюльпаны, долины цвели,
 А меня под конвоем в темницу вели.
 Погибаю в тюрьме, от любимых вдали.
 Ты на помощь ко мне подоспей, мой Наби,
 И тюремные стены разбей, мой Наби.

ПРИМЕЧАНИЯ

История азербайджанской фольклористики состоит из двух этапов: собирания, записей произведений устного народного творчества и научного исследования собранного материала. Наиболее ранние записи азербайджанского фольклора относятся к XVI в. Зарождение же научного интереса к фольклору возникло только в конце XIX — начале XX в. под влиянием усилившегося в азербайджанской литературе просветительского направления и уже сложившейся русской фольклористики.

В средневековом Азербайджане произведения распространялись исключительно в виде рукописных книг, которые вследствие своей высокой стоимости были доступны очень немногим. Нередко знатоки и любители поэзии сами вели записи произведений известных поэтов, куда заносили и биографические сведения о них. Такие рукописные книги-антологии назывались тезкере. Менее искушенные почитатели поэтического слова переписывали любимые произведения в небольшие тетради — джунки (альбомы для стихов).

Составители тезкере и джунков были в основном представителями феодальных кругов, которые ценили главным образом письменную литературу и с пренебрежением относились к народной поэзии, не заслуживающей, по их мнению, серьезного внимания. Однако некоторые из составителей этих антологий и альбомов не могли остаться равнодушными к поэтическому творчеству народа и наряду с произведениями письменной литературы уделяли место в своих записях и народной поэзии, пословицам и поговоркам. Благодаря этим источникам мы располагаем многими сотнями баяты, гошма и другими фольклорными материалами. В недавно опубликованной книге А. Мамедовой («Баяты», Баку, 1977, на азербайджанском языке) приведены тексты более двух тысяч баяты, извлеченных ею из различных рукописных книг и других архивных материалов XVI—XX вв. В XVI в. был записан и знаменитый героический эпос «Книга моего деда Коркута».

Наряду с азербайджанскими фольклорными записями немалый интерес представляют старые армянские и грузинские рукописные произведения, в которых сохранились образцы народной поэзии Азербайджана, записанные армянскими и грузинскими буквами на языке оригинала.

Перечисленные выше записи были далеко не полными и не систематическими, тем не менее они являются ценными источниками для изучения состояния азербайджанского фольклора в прошлом.

С присоединением Азербайджана к России (с 1801 по 1828 г.) создались благоприятные условия для экономического и культурного

развития страны. Передовая русская культура и революционно-демократические идеи оказывают влияние на развитие общественной мысли в Азербайджане, способствуют возникновению просветительского направления в литературе.

В Тифлисе и Баку издаются различные газеты и сборники, в которых часто публикуются материалы по этнографии и фольклору Азербайджана. Значительную роль в становлении азербайджанской фольклористики сыграл регулярно издававшийся на русском языке в Тифлисе «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа» (СМОМПК). Почти в каждом томе этого сборника печатались материалы по азербайджанской народной поэзии, присылаемые в редакцию местной интеллигенцией. Из публикаций и статей этого периода, и ныне не потерявших своего значения, можно назвать: перевод дастана «Ашыг Гариб» А. Махмудбекова (СМОМПК, 1892 г.), перевод дастана «Асли и Керем» А. Шахтахтинского (газета «Каспий», 1906 г.), «Песни и музыка азербайджанцев» П. Вострикова (СМОМПК, 1912 г.) и др.

В последней четверти XIX в. в Баку и Тифлисе начинает издаваться демократическая пресса на азербайджанском языке. Газеты «Экинчи» (1875—1877) и «Кешкюль» (1880—1891) и др. на своих страницах имели разделы, где публиковались пословицы, поговорки, юмористические анекдоты Моллы Насреддина, народные песни и другие фольклорные произведения.

В конце XIX — начале XX в. видные общественные деятели, преподаватели школ и учительских семинарий издают ряд книг и статей, посвященных изучению дастанов, сказок, народных песен, публикуют тексты фольклорных произведений. В области фольклористики успешно трудились известные ученые Ф. Кочарли (1870—1920), Р. Эфендиев (1863—1939), Ю. В. Чемамзаминли (1887—1943) и др.

Подлинный расцвет азербайджанской фольклористики как науки начинается после Великой Октябрьской социалистической революции и провозглашения в Азербайджане Советской власти (1920 г.). Изучение истории, материальной и духовной культуры народа становится делом государственной важности. В годы существования «Общества обследования и изучения Азербайджана» (1923—1929) было издано много текстов и исследований по фольклору на азербайджанском языке, например: Х. Зейналлы, «Азербайджанские пословицы и поговорки» (1926); В. Хулуфлу, «Загадки» (1928); С. Мумтаз, «Народные поэты», тт. 1—2 (1927—1928); Х. Зейналлы, «Азербайджанская народная литература» (1929). На русском языке были выпущены составленная А. В. Багрием трехтомная книга: «Фольклор Азербайджана и прилегающих стран» (1930) и ряд других изданий.

Плодотворную научно-исследовательскую работу в области фольклористики проводят Отдел фольклора Института истории литературы имени Низами Академии наук АзССР, кафедры истории азербайджанской литературы Университета и педагогических институтов в Баку и других городах республики. На всех филологических факультетах высших учебных заведений читаются курсы по азербайджанскому фольклору, созданы учебники на родном языке по фольклористике: В. Велиева (1970), И. Бабаева и П. Эфендиева (1970); издана «Антология азербайджанского фольклора» в двух книгах, составленная А. Ахундовым (1968).

Научные коллективы республики только за последние годы выпустили ряд ценных изданий: «Исследования по азербайджанскому устному народному творчеству», тт. 1—5 (1961—1977); М. Тахмасиб, «Азербайджанские народные дастаны. Средние века» (1972); Т. Фарзалев, «Азербайджанские народные анекдоты» (1966); «Азербайджанские сказки», тт. 1—5 (1960—1964); «Азербайджанские дастаны», тт. 1—5 (1965—1972); сборники «Баяты», составленные М. Тахмасибом (1943) и Г. Касимовым (1956 и 1960); «Анекдоты Молла Насреддина», составленные М. Тахмасибом (1960, 1965, 1975); дастан «Кёроглу», подготовленный к печати М. Тахмасибом (1975) и Ф. Фархадовым (1975); «Загадки», составленные Н. Сеидовым (1971), и др.

Собиранием и изучением азербайджанских пословиц и поговорок занимались многие любители народной словесности. С середины XIX в. пословицы неоднократно публиковались в разных периодических изданиях. В 1926 г. в Баку вышел первый сборник пословиц и поговорок, позднее такие сборники издавались несколько раз. «Пословицы и поговорки», изданные А. Н. Гусейнзаде (Баку, 1956, на азербайджанском языке), до сих пор остаются наиболее полным сводом народных афоризмов.

Одним из популярных жанров азербайджанского фольклора являются дастаны. Их публикации и изучению придается особенно серьезное значение. Наиболее пристальное внимание ученых привлек к себе древнейший и уникальнейший дастан «Книга моего деда Коркута». Текст его был обнаружен в начале XIX в. С тех пор этот памятник средневекового эпоса тюркских народов стал предметом исследования ученых различных стран. Большой вклад в изучение «Коркута» внесли советские ученые.

Богатый и разнообразный репертуар азербайджанских народных песен давно изучается фольклористами и музыковедами. Еще до революции тексты отдельных песен публиковались в русской и азербайджанской периодике. Однако интенсивное их собирание началось только в советское время. Инициаторами издания текстов народных песен с нотными записями их мелодий явились выдающиеся деятели музыкальной культуры Азербайджана У. Гаджибеков (1885—1948) и М. Магомаев (1885—1937). Изданный ими сборник «Азербайджанские тюркские народные песни», вышедший в Баку в 1927 г., содержал 33 песни.

Азербайджанские народные песни бытуют нераздельно с присущей им определенной мелодией. Этот факт предопределил интерес к ним главным образом со стороны музыковедов, которые и явились основными собирателями и издателями этого жанра. Известный певец и популяризатор народных песен Джаббар Гарягды в 1939 г. издал в Баку сборник «50 азербайджанских народных песен» (здесь, кроме нотных записей, были приложены и переводы на русский язык, выполненные поэтом Ю. В. Фидлером). Из имеющихся изданий народных песен наиболее полным является сборник «Азербайджанские народные песни», тт. 1—2 (Баку, 1956—1958), составленный народным артистом СССР Бюльбюлем Мамедовым. В нем содержатся тексты двухсот песен, нотные записи их мелодий, а также русские переводы. Музыкальными деятелями подготовлены и другие издания народных песен, среди которых сборники Ф. Амирова (1955), Д. Мамедбекова

(1965) и С. Рустамова (1967) отличаются обширностью материала и текстологической тщательностью. Своей книгой «Народные песни и танцевальные мелодии» (Баку, 1975, на азербайджанском языке) музыкальные фольклористы А. Исазаде и Н. Мамедов ввели в научный обиход тексты новых песен и интересные сведения о бытовании современных трудовых песен в Азербайджане.

Часть накопленных фольклорных произведений была переведена на русский язык и издана. Несколько раз издавались сказки; наиболее полным является двухтомник «Азербайджанские сказки», составленный Ф. Бабаевым и М. Г. Тахмасибом (1945—1946); кроме того изданы в переводе Ю. Гранина «Анекдоты Молла Насредина» (1975).

Сборник азербайджанских пословиц и поговорок на русском языке вышел под названием «Крылатая мудрость» (составитель А. Н. Гусейнзаде, Баку, 1965) в переводе Г. Гусейнзаде. Более трехсот пословиц и поговорок в стихотворной форме перевел на русский язык В. Кафаров и издал их в книге «Ларец жемчужин» (М., 1968).

Стихотворные произведения азербайджанского фольклора в переводе на русский язык публиковались редко. Больше всего посчастливилось четверостишиям-баяты, которые, благодаря стараниям поэта-переводчика В. Кафарова, дважды выходили отдельными изданиями: «Баяты» (Баку, 1960) и уже упоминавшийся сборник «Ларец жемчужин». Баяты были представлены также и в двух «Антологиях азербайджанской поэзии», изданных на русском языке в Москве в 1939 г. и в 1960 г. (тт. 1—3). В этих антологиях наряду с народными лирическими и героическими песнями были опубликованы в отрывках или сокращенном виде несколько дастанов.

Различные варианты героических и романтических дастанов в русском переводе издавались несколько раз (об изданиях «Кёрроглу», «Асли и Керем» и «Ашыг Гариб» см. в соответствующих примечаниях).

Издание на русском языке образцов стихотворного фольклора Азербайджана в виде отдельной книги осуществляется впервые. В ней помещены песни и другие фольклорные произведения, наиболее значительные в идейном и художественном отношении, достаточно полно отражающие специфические особенности тех или иных жанров. В настоящее издание не включены песни поэтов-ашыгов, так как цель его — познакомить русского читателя с безымянной народной поэзией Азербайджана (о существенном отличии ашыгской поэзии от устного народного творчества см. во вступ. статье, с. 39).

В данном сборнике два основных раздела. В первый включены стихотворные произведения малых жанров (трудовые, обрядовые, любовно-лирические песни, баяты, а также пословицы, поговорки, загадки). Во втором разделе приведены наиболее популярные дастаны: «Асли и Керем» и «Ашыг Гариб». Героический дастан «Кёрроглу» представлен в извлечении — двумя повестями («Журавлиное перо» и «Похищение Гырата Хамзою»). Этот раздел завершается несколькими песнями из дастана «Гачаг Наби».

В примечаниях приводятся сведения об источнике переведенного текста, а также необходимые пояснения историко-фольклорного характера. Имена, географические названия и слова, употребленные в книге без перевода, вынесены в Словарь.

Большая часть текстов в настоящем издании публикуется в новых или исправленных переводах. Некоторые произведения переведены на русский язык впервые.

Условные сокращения

- ААП — Антология азербайджанской поэзии. В трех томах, т. 1, М., 1960.
- ААФ — Антология азербайджанского фольклора. В двух книгах, кн. 1. Составитель А. Ахундов, Баку, 1968 (на азербайджанском языке).
- АНЛП — Азербайджанские народные лирические песни. Составитель Д. Мамедбеков, М., 1965.
- АНПБ — Азербайджанские народные песни, тт. 1—2. Составитель Бюльбюль Мамедов, Баку, 1956—1958 (на азербайджанском языке).
- АНПР — Азербайджанские народные песни. Составитель Сеид Рустамов, Баку, 1967 (на азербайджанском языке).
- АПГ — 50 азербайджанских народных песен в исполнении Джаббара Гарягды. Запись С. Рустамова, Баку, 1938 (на азербайджанском языке).
- Б — Баяты. Собиратель и составитель Г. Касимов, 2-е изд., Баку, 1960 (на азербайджанском языке).
- НП — Народные песни. Составитель А. Багиров, Баку, 1961 (на азербайджанском языке).
- НПЛ — А. Исазаде и Н. Мамедов, Народные песни и танцевальные мелодии (Ленкоранская зона), Баку, 1975 (на азербайджанском языке).

I

ПЕСНИ

ТРУДОВЫЕ ПЕСНИ

1—11. Б, с. 245—250.

12—19. ААФ, с. 9—11. № 17. *Тебе я шею маслом смажу*. Крестьяне смазывали волам шею маслом, чтобы во время работы ярмо не натирало ее.

ОБРЯДОВЫЕ ПЕСНИ

Заклинания

20—23. ААФ, с. 23, 26.

24. ААФ, с. 31.

25. ААФ, с. 31. Ритуальная песня, реликт огнепоклонничества. Видимо, заимствована у племен, живших на территории Азербайджана до массовой тюркизации. Эту песню поют, прыгая через костер, в ночь праздника весны — Новруза.

Праздничные песни

26—27. И. Бабаев, П. Эфендиев, Азербайджанское устное народное творчество, Баку, 1970, с. 82 (на азербайджанском языке).

Свадебные песни

28—29. НПЛ, с. 20, 26—27.

30. ААФ, с. 58—60.

Колыбельные песни

31—32. ААФ, с. 65, 63.

33—39. НП, с. 67.

40—45. Б, с. 98—101.

Плачи

46—64. Б, с. 198—216.

ЛИРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

Внеобрядовые песни

65—66. ААФ, с. 11—13.

67. ААП, с. 156—157.

68—69. НПЛ, с. 14, 76.

Любовно-лирические песни

70—72. НП, с. 73, 25, 40.

73. АНЛП, с. 65.

74—84. НП, с. 72, 64, 46, 10, 11, 81—82, 35, 36, 85, 29, 51.

85. Песни. Составитель Ю. Гасанбеков, Баку, 1963, с. 165 (на азербайджанском языке).

86. НП, с. 48.

87. АНПР, с. 50.

88. АНЛП, с. 85.

89. АНПБ, т. 1, с. 70.

90. АНЛП, с. 80—81.

91—100. НП, с. 9, 28, 33, 27, 69, 37, 84, 24, 49, 8.

101. АПГ, с. 29.

102. НПЛ, с. 32—33.
103. АНЛП, с. 36.
104. НПЛ, с. 35.
- 105—106. АНЛП, с. 86, 37.
107. АНПР, с. 117.
- 108—111. АНЛП, с. 31, 48, 49, 55.
112. НПЛ, с. 57.
113. АНПР, с. 41.
114. АНЛП, с. 38.
115. АНПР, с. 8.
116. АНЛП, с. 79.
117. АНПБ, т. 1, с. 61.
- 118—121. АНЛП, с. 35, 64, 63, 9.
122. АНПБ, т. 1, с. 124.
123. АНЛП, с. 12.
124. АНПР, с. 27.
- 125—126. АНЛП, с. 14, 68.
127. АНПР, с. 49.
- 128—129. АНЛП, с. 94, 16.
130. ААП, с. 168—169.
131. АНПР, с. 55.
132. НПЛ, с. 47.
- 133—134. ААФ, с. 126, 108.
- 135—136. НП, с. 5, 22—23.
- 137—139. ААП, с. 167, 165, 161—162.
- 140—143. ААФ, с. 41—42, 117—118, 120.
- 144—145. НП, с. 76—77, 44—45.

Шуточные песни

146. НПЛ, с. 72—73.

147. АНЛП, с. 67.

148. ААФ, с. 109.

БАЯТЫ

149—939. Б, с. 15—87, 109—197, 217—228. № 226. Об исторической основе этого баяты см. во вступ. статье, с. 26—27.

ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ.

ЗАГАДКИ

940—1012. Ларец жемчужин. Азербайджанские четверостишия — баяты и пословицы. Перевод и предисловие В. Кафарова, М., 1968, с. 63—213.

1013—1020. Загадки. Составитель Н. Сеидов, Баку, 1971 (на азербайджанском языке).

II

ДАСТАНЫ

1021—1022. В данном сборнике представлены два из восемнадцати повествований дастана. Они печ. по книге: «Кёроглу». Составитель М. Г. Тахмасиб, Баку, 1959, с. 113—177. Первое издание «Кёроглу», состоящее из тринадцати повествований, появилось в 1842 г. в Лондоне на английском языке. Составителем его был посол России в Тегеране польский писатель и ученый А. Л. Ходзько (1804—1891). Эта книга была переведена С. С. Пенном на русский язык и издана в Тифлисе в 1856 г. под названием: «Кёроглу — восточный поэт-наездник. Полное собрание его импровизаций с присовокуплением его биографии». В течение последних пятидесяти лет азербайджанские фольклористы много сделали для собирания и публикации песен и повествований дастана, но работа эта еще не завершена — ученые до сих пор обнаруживают все новые и новые песни и варианты «Кёроглу». В 1975 г. в Баку вышло дополненное издание дастана на азербайджанском языке, подготовленное М. Г. Тахмасибом. Переводы отрывков дастана, помещенных в настоящем сборнике, полностью соответствуют этому азербайджанскому изданию. Из переводов дастана на русский язык следует отметить наиболее полное издание 1959 г. (см. выше) и 1940 г. (Баку) в переводе А. Шарифа (проза) и поэтов-переводчиков С. Иванова, И. Оратовского, В. Гурвича. Одна повесть («Эрзурумский поход Кёроглу») в переводе Я. Козловского была включена в книгу: «Героический эпос народов СССР», т. 2, М., 1975, с. 199—229 («Библиотека всемирной литературы», серия первая, т. 14).

1. В некоторых азербайджанских версиях дастана повесть «Журавлиное перо» называется «Багдадский поход Кёроглу». Он (*Кёроглу*) привез себе... сына. У Кёроглу с Нхяр своих детей не было. Речь идет о приемном сыне Эйвазе, о котором подробно рассказывается в повести «Как Эйваза привезли в Ченлибель». *Рустам-Зал* — легендарный герой иранского эпоса.

2. Повесть «Похищение Гырата Хамзой» имеет и другие названия: «Хамза», «Путешествия Кёроглу в Тогат». И отца его ослепил я — см. вступ. статью, с. 20. *Хасан-паша приложил руки к глазам* — жест готовности выполнить приказ, повеление. *Кёроглу... разрешил ему сменить свое прозвище: именоваться впредь не плешивым Хамзой, а Кялогланом*. Плешивый — персонаж азербайджанского фольклора, известный своим плутовством и хитростью. Он имеет различные синонимичные прозвища, одним из которых является менее презрительное — Кялоглан. *Этот мир — он царя Сулеймана оплот*. Сулейман (библейский Соломон) — царь и мусульманский пророк, олицетворение мудрости и богатства. *Материнское молоко пошло у меня носом* — поговорка, означающая, что из тяжелого положения удалось выбраться с большим трудом.

1023. В основу перевода положено издание: «Асли и Керем». Составитель А. Ахундов, Баку, 1960 (на азербайджанском языке). В дореволюционной русской периодике дастан печатался несколько раз. Наиболее полно он был опубликован в 1906 г. А. Шахтахтинским в бакинской газете «Каспий» (№№ 225—226). В советской печати разные варианты «Асли и Керема» в русском переводе были представлены в «Антологии азербайджанской поэзии» 1939 г. (перевод П. Панченко и К. Симонова) и 1960 г., т. 1 (перевод П. Панченко). *Визирь по прозвищу Гара кешиш*. Гара кешиш — буквально: черный священник, поп. Так называют армянских священников из-за их черной одежды. *Так пусть отныне будет мое имя — Керем, а твое — Асли*. Керем — мужское имя, буквально: милостивый, великодушный. Асли — женское имя, буквально: истинная, благородная. *Дочь армянского священника она*. Визирь Зияд-хана Гара кешиш был армянином и исповедовал христианство. Он и его дочь Марьям для азербайджанцев, исповедовавших ислам, были иноверцами. *Я, как мученик Мансур, в беду попал*. Известный на Ближнем Востоке еретик, за выступление против ортодоксального ислама был казнен в 922 г. в Багдаде.

1024. ААП, с. 89—99. Текст дастана на русском языке впервые был опубликован в сборнике В. А. Соллогуба «Вчера и сегодня», кн. 2, СПб., 1846, по записи М. Ю. Лермонтова, сделанной им в 1837 г. Вероятно, в бытность свою в Тифлисе М. Ю. Лермонтов услышал этот дастан от выдающегося азербайджанского писателя и философа М. Ф. Ахундова (см.: Иракий Андроников, Лермонтов в Грузии в 1837 году, М., 1955, с. 134—135). Позднее близкий к лермонтовскому варианту текст дастана был опубликован азербайджанским фольклористом М. Махмудбековым в 1892 г. (в СМОМПК, т. 13); этот текст был записан М. Махмудбековым в деревне Тиджран Шемахинского уезда «о слов ашыга Оруджа. Представленный в данном сборнике вариант «Ашыг Гариба» в основном соответствует уже известным в русском переводе вариантам дастана в записи

М. Ю. Лермонтова и М. Махмудбекова. В некоторых записях дастана варьируются имена героев и второстепенных персонажей. Иногда имя главного героя Расул заменяется именем Максуд, и лишь его прозвище всегда остается Гариб — «чужеземец», «скиталец». Имя Шахсенем в некоторых вариантах употребляется без приставки шах — просто Сенем; встречаются и другие имена героини: Маху-Мех, Магуль-Мегери (как у Лермонтова), восходящее к арабскому имени Мах-уль-Мехри, что означает: «луна любви». Имя соперника Гариба Шахвелета имеет вариант: Хуршуд (у Лермонтова — Куршуд). Разные имена имеют отец Шахсенем, сестра Гариба и т. д. (об особенностях вариантов см.: С. Якубова, «Дастан „Ашыг Гариб“ и его варианты у разных народов». — В кн.: «Исследование по азербайджанскому устному народному творчеству», кн. 1, Баку, 1961, с. 210—251, на азербайджанском языке). *Перламутровый мой саз* — наиболее драгоценные образцы саза инкрустировались перламутровой мозаикой. *Шахсенем спряталась за занавеской*. По старым мусульманским обычаям, женщины не могли присутствовать в обществе незнакомых мужчин. *И, словно по волшебству, перед Гарибом возник всадник на белом скакуне*. Всадник — легендарный мусульманский святой, покровитель путешественников — Хызр или Хыдыреллез (в «Ашик-Керибе» Лермонтова — Хадерилиаз). *Четырнадцать раз мы справляли байрам*. Речь идет о двух основных мусульманских ежегодных праздниках: орудж байрамы — праздник разговенья и курбан байрамы — праздник жертвоприношения.

1025—1030. ААФ, с. 97—98, 95—96, 97, 96, 98—99, 95. Популярны в Азербайджане песни Гачаг Наби взяты из дастана, посвященного вождю повстанческого отряда, народному герою Наби. *Гачаг* буквально значит: «совершивший побег», «беглец». Так в Азербайджане называли народных мстителей, преследуемых царскими властями. Герой дастана — реальное историческое лицо. Наби (1854—1896) родился в семье бедного крестьянина на юге Азербайджана. Местный бек, во владениях которого жила семья Наби, был жестоким феодалом, по его указанию крестьян часто подвергали телесным наказаниям. Однажды Наби подстерег бека и избил его. По жалобе бека суд приговорил Наби к каторжным работам. В 1890 г. Наби бежал с каторги и организовал вооруженный отряд из крестьян. Отряд Наби совершал дерзкие нападения на усадьбы местных феодалов, а захваченное имущество раздавал бедным крестьянам. В отряде Гачаг Наби сражалась его жена *Хаджар*, прославившаяся своей храбростью. Отряд пользовался широкой поддержкой крестьян. Неоднократные попытки царской администрации разгромить его заканчивались неудачей. За голову Гачаг Наби было обещано крупное вознаграждение. 12 марта 1896 г. ночью Наби был предательски убит наемным агентом, подосланным царскими властями. Эти факты в основном и образуют сюжетную канву дастана.

6. Песня связана с реальным событием. Жена Гачаг Наби *Хаджар* на короткое время остановилась в деревне Чичекли. Узнав об этом, начальник уезда арестовал ее и заключил в крепость Горус. 28 октября 1895 г. Наби со своим отрядом окружил крепость и пригрозил начальнику гарнизона освободить *Хаджар*.

СЛОВАРЬ

- Ага* — титул богатого и знатного человека.
Азан — призыв к молитве.
Айран — напиток, изготавливаемый из кислого молока особой закваски.
Алиф — первая буква арабского алфавита.
Арпачай — небольшая река на юге Азербайджана.
Архалук — верхняя одежда, род короткого кафтана.
Арык — неглубокий оросительный канал.
- Байрам* — праздник.
Батман — мера веса, примерно 2—3 кг.
Баш усте — вежливая форма ответа, выражающая готовность выполнить просьбу.
Баяты — стихотворная форма азербайджанского фольклора, состоит из четырех семисложных строк (подробнее см. вступ. статью, с. 13, 26—31).
Бей (бе) — название второй буквы арабского алфавита.
Бейт — в письменной литературе поэтическая строка, состоящая из двух полустиший, связанных между собой единой законченной мыслью.
Бек — титул феодальных владетелей, богатых людей.
Бешимет — верхняя приталенная одежда, доходящая до колен.
- Гавал* — ударный музыкальный инструмент; состоит из деревянного обруча диаметром около 40 см, обтянутого кожей; снабжен мелкими кольцами, звенящими при ударе.
Газель — в письменной литературе стихотворение любовно-лирического характера, состоящее из десяти — пятнадцати бейтов (см.); в газели рифмуются оба полустишия первого бейта и последнее полустишие каждого последующего бейта.
Гази (кадий) — судья, который рассматривает дела на основе религиозных и юридических предписаний, опирающихся на Коран.
Гёй-Гель — высокогорное озеро в одном из живописных районов Центрального Азербайджана.
Герайлы — стихотворная форма народной и ашыгской поэзии, перешедшая и в письменную литературу. Состоит из четырех-пяти строф, по четыре строки в каждой строфе (подробнее см. вступ. статью, с. 10, 13).
Гизир — доверенный слуга.
Гилан — город и провинция в Иране.

- Горус* — горная гряда, а также крепость в районе этих гор (на территории Армянской ССР).
- Гошма* — стихотворная форма народной и ашыгской поэзии, позднее усвоенная и письменной литературой; состоит из нескольких четверостиший, каждая строка которых содержит одиннадцать слогов (подробнее см. вступ. статью, с. 10, 13).
- Гянджа* — один из древнейших городов Азербайджана, ныне Кировабад.
- Гяур (кафир)* — у мусульман всякий иноверец, немусульманин, а также еретик, безбожник.

Дастан — фольклорное произведение эпического жанра, основанное на легендах и преданиях; состоит из прозаических и стихотворных частей, связанных между собой общей фабулой.

Дастархан — небольшая дорожная скатерть.

Дервиш — странствующий мусульманский монах.

Джан — душа (употребляется как ласкательное слово).

Джейран — вид газели, распространенной в Азербайджане.

Джинн — бес, злой дух.

Диванэ — безумный.

Динар — золотая монета эпохи арабского халифата.

Донузлук — узкое пространство между стеной мельницы и жерновом.

Дувал — забор, стена.

Зурна — духовой музыкальный инструмент.

Измир — город в Турции.

Игид — джигит, удалец, храбрец.

Кааба — храм в Мекке (см.), главная святыня мусульман, место паломничества.

Карабах — район Азербайджана, современная Нагорно-Карабахская автономная область.

Кебаб — шашлык.

Кеклик — куропатка.

Кеманча — смычковый музыкальный инструмент, один из трех основных инструментов азербайджанского музыкального трио наряду с таром (см.) и гавалом (см.).

Керем — мужское имя; букв.: великодушный, милостивый.

Кесарь — владыка, монарх.

Кешиш — христианский священник.

Колхида — древнее название причерноморской Грузии.

Кровник — у кавказских народов человек, находящийся в отношениях кровной мести с другим человеком, семьей, родом.

Куба́ — город в северной части Азербайджана.

Курдистан — горная страна на Ближнем Востоке, населенная курдами (входит в состав Турции, Ирана, Сирии, Ирака).

Кяпаз — гора в Центральном Азербайджане.

Лейли — см. Меджнун.

Лэлэ — наставник, дядька.

Мангал — жаровня.

Меджнун — прозвище героя средневекового романического дастана «Лейли и Меджнун», широко распространенного на Востоке. Разлученный со своей возлюбленной Лейли, Меджнун долго скитался в пустыне и умер от любви. Его образ — символ несчастного влюбленного.

Мекка — город на Аравийском полуострове, религиозный центр ислама, место паломничества.

Молла — служитель мусульманского религиозного культа.

Моряна — юго-восточный ветер на Каспийском море.

Мугань — степной район Азербайджана.

Мурабейли — в дастане «Кёроглу» название местности, где находилась крепость Ченлибель.

Муров — первоначально надзиратель, распределяющий воду для орошения (от персидского мираб — распорядитель воды); в до-революционной азербайджанской деревне — лицо, выполняющее мелкие административные функции.

Муштулук — вознаграждение за доставленную счастливую весть.

Нанэ — мята (трава).

Ней — свирель.

Новруз — древний праздник прихода весны, отмечается как начало нового года; совпадает с весенним равноденствием (20—21 марта).

Падишах — титул монарха в странах Ближнего Востока.

Паша — титул высоких военных сановников в Османской Турции.

Пашалык — в феодальной Турции область, управляемая пашой.

Пери — добрая фея.

Пехлеван — богатырь, силач.

Пишат — дикорастущее кустарниковое растение.

Рейхан — базилика (трава).

Рум — Византия, позднее часть Османского государства в Малой Азии.

Саз — восьми-, десятиструнный щипковый музыкальный инструмент, которым пользуются ашуги.

Сардар — военачальник, полководец.

Сель — стремительный поток, образующийся вследствие ливней и таяния снегов в горах; вовлекая в свое движение камни и грязь, обладает большой разрушительной силой.

Семендер — мифическая птица Феникс, обладающая способностью сжигать себя в огне и вновь возрождаться из пепла.

Сулейман — арабская форма имени библейского царя Соломона, по преданию, мудрого и справедливого правителя.

Сура — глава Корана; сравнение с буквами суры употребляется для обозначения красоты, стройности, совершенства.

Суфра — скатерть.

Сэдр-эзам — главный визирь, главный министр.

Эмени — зеленые побеги, которые выращивают дома в блюде из зерен пшеницы к празднику весны; символ весны, молодой зелени.

Тар — струнный щипковый музыкальный инструмент, один из основных инструментов азербайджанского музыкального трио.

Тебриз — город в Иране (иранском Азербайджане).

Тогат — город в Турции.

Той — свадьба.

Торока — ремни у задней луки седла, которыми привязывают поклажу.

Туман — денежная единица в Иране.

Тут — тутовое дерево, тутовник.

Устад — выдающийся ашыг-поэт, мастер.

Фархад — каменотес, имя героя широко распространенного на Востоке дастана «Фархад и Ширин»; образ страстно влюбленного человека, который ради красавицы Ширин совершает героический подвиг и гибнет.

Фирман — приказ, повеление правителя.

Хаким — врач, лекарь.

Халеб — город в северной Сирии (Алеппо).

Ханум — госпожа.

Хогга — мера веса, немногим более 1 кг.

Ходжа — господин, хозяин; почтенный.

Хурджун — переметная сума из ковровой ткани.

Чарбазар — населенный пункт в Азербайджане.

Чарсы — название рынка в Ереване.

Чарыхи — крестьянская самодельная обувь из сыромятной кожи.

Ченлибель — в дастане «Кёроглу» крепость в горах, принадлежащая повстанцам.

Чинара (чинар) — пирамидальный тополь.

Чоха — верхняя мужская длиннополая одежда.

Чувал — большой мешок.

Чурек — хлеб в форме большой лепешки.

Шейх — старец, почтенный человек, а также глава мусульманской религиозной общины.

Шеки — город в Северном Азербайджане.

Шемаха — древний азербайджанский город.

Шербет — сладкий прохладительный напиток, приготовленный из фруктовых соков и сахара.

Ширван — древняя провинция Азербайджана с главным городом Шемаха.

Ширин — см. Фархад.

Эйлаг — плоскогорье, пастбище; яйла.

Эрзурум — город в Турции.

Эскери — сорт винограда.

Яллы — древний коллективный танец.

Яр — возлюбленная, возлюбленный.

СОДЕРЖАНИЕ

Народная поэзия Азербайджана. Вступительная статья А. П. Векилова 5

I

ПЕСНИ

ТРУДОВЫЕ ПЕСНИ

Песни пастухов

Переводы В. Кафарова

1. «Будет пир — и нам достанется...»	43
2. «Небольшое стадо тут...»	43
3. «В скалах козы крепко спят...»	43
4. «Неуемные козлы...»	43
5. «Засыпают пастухи...»	44
6. «Заиграй, пастуший ней...»	44

Песни пахарей

Переводы В. Кафарова

7. «Черный буйвол, белым днем...»	44
8. «На ладонях волдыри...»	44
9. «Работающему — хвала...»	44
10. «У вола звезда бела...»	45
11. «Ни в объезд, ни напрямик...»	45
12. «Солнце блещет на снегах...»	45

Переводы Т. Спендиаровой

13. «Тебя, от глаз дурных храня...»	45
14. «На зависть всем — радивый вол...»	45
15. «Мой золотой, не дай хоть раз...»	46
16. «Ты пашешь, вол усердный мой...»	46
17. «Я глаз недобрый отведу...»	46
18. «На двух волах пахал, и вдруг...»	46
19. «Вол красный мой, красавец мой...»	46

ОБРЯДОВЫЕ ПЕСНИ

Заклинания

Переводы Т. Спендиаровой

20. Солнце, вставай!	47
21. Ветер-друг	47
22. Туман	47

23. Теплый ветер	47
24. «Полюби меня...»	48
25. «Пусть хвори мои и горе злое...»	48

Праздничные песни

26—27. Песни о Новрузе. Переводы Т. Стрешневой	
1. «На подносе рыба, плов...»	48
2. «К нам Новруз, Новруз пришел...»	49

Свадебные песни

28. Добро пожаловать! Перевод Т. Стрешневой	49
29. Свадьба брата. Перевод Т. Стрешневой	50
30. Хвала жениху. Перевод Д. Виноградова	50

Колыбельные песни

31. Баю-бай. Перевод Т. Стрешневой	52
32. Песня матери. Перевод Т. Стрешневой	53
33. «Баю-бай, закрой глазок...». Перевод Т. Стрешневой	53
34. «Баю-бай, из горных стран...». Перевод Т. Стрешневой	53
35. «Баю-бай, дитя, взгляни...». Перевод Т. Стрешневой	53
36. «В колыбели спи, бай-бай!...». Перевод Т. Стрешневой	54
37. «Баю-бай, мой птенчик, лань...». Перевод Т. Стрешневой	54
38. «Баю-бай, мой голубок...». Перевод Т. Стрешневой	54
39. «Баю-бай, расти скорей...». Перевод Т. Стрешневой	54
40. «У постели — соловьи...». Перевод В. Кафарова	54
41. «Нас от горя огради...». Перевод В. Кафарова	55
42. «Спи, малыш родной, усни...». Перевод В. Кафарова	55
43. «Спи, барашек белый мой...». Перевод В. Кафарова	55
44. «Спи, малышка, баю-бай...». Перевод В. Кафарова	55
45. «Я спою, а ты усни...». Перевод В. Кафарова	55

Плачи

Переводы В. Кафарова

46. «Буря грянет и уйдет...»	56
47. «Речку с морем я смешал...»	56
48. «Горе, ты — гора моя...»	56
49. «Одному куда пойти...»	56
50. «Ветер ночью заревет...»	56
51. «В сад вошел — цветенья нет...»	57
52. «Челн мой в море — я в слезах...»	57
53. «Ты зачем расцвел, цветок...»	57
54. «Вечер черен, ветер лют...»	57
55. «Каждой ночью ветерки...»	57
56. «Жажду сами утолим...»	58
57. «Никому возврата нет...»	58
58. «Я — ашыг, а не пою...»	58

59. «Саз со мной наедине...»	58
60. «Даже солнце в день такой...»	58
61. «Май прошел — весне конец...»	59
62. «Ты старался всей душой...»	59
63. «Ты один мне всех родней...»	59
64. «Стала сиротой гора...»	59

ЛИРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

Внеобрядовые песни

65. Разговор хозяина с волом. <i>Перевод Т. Спендиаровой</i>	60
66. Спор домашних животных. <i>Перевод Т. Спендиаровой</i>	61
67. Гора и равнина. <i>Перевод П. Антокольского</i>	62
68. «Всюду наш известен чай...». <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	63
69. Бригадир. <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	64

Любовно-лирические песни

70. У родника. <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	65
71. Потихонечку пройди... <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	65
72. Как они красивы. <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	66
73. Ай, ханум! <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	66
74. В саду возлюбленной. <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	66
75. Ты неверною была... <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	67
76. Куропаточка. <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	67
77. Стану жертвой этих глаз. <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	68
78. Букет гвоздик. <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	68
79. Черная ягодка. <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	69
80. Ушла любимая. <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	70
81. Серая папаха. <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	70
82. Стой, красавица. <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	71
83. Помоги, мама! <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	71
84. Полила улицу... <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	72
85. Сель унес Сару. <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	72
86. Бах-бах! <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	73
87. Лейла. <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	73
88. Оставь меня! <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	74
89. Шейда-ханум. <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	74
90. Яблоки Кубы. <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	75
91. Приходи, приходи... <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	76
92. Ты моя красавица. <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	76
93. Красен яблони убор... <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	77
94. Соловьи поют. <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	78
95. Девушка, идущая с родника. <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	78
96. Наши дома рядом... <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	78
97. Возлюбленная. <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	79
98. Я влюблен... <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	79
99. Кубинский джейран. <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	80
100. Розы расцвели. <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	81

101.	Растут маки на горе. <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	81
102.	Джейран с родинкой. <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	82
103.	Дочь Курдистана. <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	83
104.	Моя Зарнишан. <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	83
105.	Не приходи. <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	84
106.	Черная коса. <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	84
107.	Цветущие сады. <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	85
108.	Милая, постой. <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	85
109.	Приди, любимая, приди! <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	86
110.	Зачем тебе сурьма? <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	86
111.	У лани нет таких очей. <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	87
112.	Я плыву. <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	88
113.	Я тебя провожу. <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	89
114.	Вспоминаю тебя. <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	90
115.	Две красавицы. <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	90
116.	Твой смех. <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	91
117.	Чем тебя обидел я? <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	91
118.	Моя черноокая. <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	92
119.	Дивная роза. <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	92
120.	Приходи, приходи скорей! <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	93
121.	Пусть придет мой друг. <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	94
122.	Хоть раз в три дня. <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	94
123.	Парень-красавец. <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	95
124.	В чем моя вина? <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	96
125.	Под рукой рокошет саз. <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	97
126.	Дагестан. <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	97
127.	Почему, милая? <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	98
128.	Соколица. <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	99
129.	Я опьянен. <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	99
130.	Еду из Гянджи. <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	100
131.	Единственная. <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	101
132.	Девушка и парень. <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	102
133.	Возлюбленная с локонами. <i>Перевод Д. Виноградова</i>	103
134.	О джейран, моя маленькая. <i>Перевод Д. Виноградова</i>	104
135.	Возлюбленная к нам в гости придет. <i>Перевод Д. Виноградова</i>	105
136.	Сона-ханум. <i>Перевод Д. Виноградова</i>	105
137.	Эй, смотри, смотри сюда! <i>Перевод К. Симонова</i>	106
138.	Красавица. <i>Перевод К. Симонова</i>	106
139.	Колодец в Ереване. <i>Перевод К. Симонова</i>	107
140.	Мать и дочь. <i>Перевод Т. Спендиаровой</i>	108
141.	Разговор девушки с парнем. <i>Перевод Т. Спендиаровой</i>	109
142.	Что тогда? <i>Перевод Т. Спендиаровой</i>	110
143.	Красавица. <i>Перевод Т. Спендиаровой</i>	111
144.	О, красавицы нежные. <i>Перевод Т. Спендиаровой</i>	111
145.	Очарован тобой. <i>Перевод Т. Спендиаровой</i>	112

Шуточные песни

146.	Ай, зачем рыдаешь, лань? <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	112
147.	Платок. <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	113
148.	Чтоб тебе сгореть! <i>Перевод Д. Виноградова</i>	113

БАЯТЫ

Переводы В. Кафарова

Родина — чужбина. Единство. Народ

149. «Полдороги пройдено...»	115
150. «Есть вдали тропа одна...»	115
151. «Посвятишь народу жизнь...»	115
152. «Не с повинной головой...»	115
153. «Я не знаю крова краше...»	116
154. «Розу отыщи скорей...»	116
155. «В край родной пришла беда...»	116
156. «Строил крепость весь народ...»	116
157. «Солнце свет на края льет...»	116
158. «Речка валит напролом...»	117
159. «Сколько свечек, сколько свеч...»	117
160. «Летом холст простой хорош...»	117
161. «То, что я теперь спою...»	117
162. «Я один, хоть волком вой...»	117
163. «На чужбине побывай...»	118
164. «Вот погода — не поймешь...»	118
165. «Если б крылья дали мне...»	118
166. «Горы прячутся во тьму...»	118
167. «Зной и пыль, я возвращусь...»	118
168. «Был с чужбины путь тяжел...»	119
169. «Вот рубаха из холста...»	119
170. «На чужбине я боюсь...»	119
171. «Кто чужбину не клянет...»	119
172. «Край чужой не всласть тебе...»	119
173. «Я обжег глаза — притих...»	120
174. «На чужбине встретить смерть...»	120
175. «Я — ашыг, иду к жилию...»	120
176. «Из чужих краев бегу...»	120
177. «Так ли это — сам усвой...»	120
178. «Хорошо в родном краю!...»	121
179. «Дети черных туч — дожди...»	121
180. «Ты в седле — догнать нельзя...»	121
181. «В речку свалят бурелом...»	121
182. «Воин шлем надел, идет...»	121
183. «Об известных я пою...»	122
184. «Скрой, гора, подножье мглой...»	122
185. «Храбрый отразит наскок...»	122
186. «Не растает лед — и пусть...»	122

Дружба — вражда. Храбрость — трусость

187. «Я искал звезду — приди...»	122
188. «Грозная звезда взойдет...»	123
189. «Я пою в своем кругу...»	123
190. «Я — утес в горах тебе...»	123

191.	«Кто-то твой натянет лук...»	123
192.	«Град в горах прошел бы вдруг...»	123
193.	«Всадник, голову клоня...»	124
194.	«Это чья еще рука?...»	124
195.	«Я скажу: без страха бей...»	124
196.	«Этот смех на плач похож...»	124
197.	«Через горы перейду...»	124
198.	«Шашлыку зола страшна...»	125
199.	«Свет в глаза вбери — пиши...»	125
200.	«Месяц светит кое-как...»	125
201.	«Разве нужен саду кров?...»	125
202.	«Звезд и за год счесть нельзя...»	125
203.	«Сирота — не сирота...»	126
204.	«На горе камней не счесть...»	126
205.	«Я ашыг, в саду лоза...»	126
206.	«Помни, постоянства нет...»	126
207.	«Я недуг не излечу...»	126
208.	«Добрый мой совет прими...»	127
209.	«Знай, мужская речь строга...»	127
210.	«Верхом пронесет грозу...»	127
211.	«Недруг в нашей стороне...»	127
212.	«Вместе с другом ешь и пей...»	127
213.	«Гонит горе в путь меня...»	128
214.	«На беду погибнешь ты...»	128
215.	«Дорог ты до гроба мне...»	128
216.	«Дружит с песней голос мой...»	128
217.	«К лепестку от лепестка...»	128
218.	«Кустик дернем хорошо...»	129
219.	«Ты — игид, и я — игид...»	129
220.	«На пути утес возник...»	129
221.	«Стал бедой мороз и лед...»	129
222.	«Ты седым-седа, гора...»	129
223.	«Полюбил народ тебя...»	130
224.	«Ты стрелу точней нацель...»	130
225.	«Только истинный игид...»	130
226.	«Злой татарин бьет меня...»	130
227.	«Раздается подлый клич...»	130
228.	«Не убил пришельца взгляд...»	131
229.	«Враг юлит — не слушай слов...»	131
230.	«Не считайте, сколько лет...»	131
231.	«Не к лицу ашыгу ложь...»	131
232.	«Без цветов чернеет сад...»	131
233.	«Спел ашыг — проверь слова...»	132
234.	«Друг поймет мои слова...»	132
235.	«Ты большой храбрец, паша...»	132
236.	«Шубы нет у скорняка...»	132
237.	«Я пришел на правый суд...»	132
238.	«Дружный стан ослабил трус...»	133
239.	«Наполняет горечь рот...»	133
240.	«Подпирает снизу брус...»	133
241.	«Ты оружие протри...»	133
242.	«Край родной в крови, в огне...»	133

243.	«Нанесенная клинком...»	134
244.	«Я скажу: достойный вид...»	134
245.	«Избегай воды, игид...»	134
246.	«Я врагу сказать могу...»	134
247.	«Имя кравчего звенит...»	134
248.	«Рви цветы — кидай игиду...»	135
249.	«Туча, белый свет черня...»	135
250.	«Я любить готов миндаль...»	135

Правда — ложь. Ум — глупость. Речь.

Слово. Учтивость

251.	«Если горе снес, пройдет...»	135
252.	«Глянул в небо звездочет...»	135
253.	«Нет в горах солончака...»	136
254.	«Размотай моток сперва...»	136
255.	«Кто сплошную чушь поймет...»	136
256.	«Только мой слышит клич...»	136
257.	«Путь большой — и ты большой...»	136
258.	«Это — лестница, по ней...»	137
259.	«Вот кольцо, в нем камень есть...»	137
260.	«Я — ашыг, присядь к огню...»	137
261.	«От невежды прочь скачи...»	137
262.	«Я люблю мою скалу...»	137
263.	«Суть урока коротка...»	138
264.	«Почему ашыг умолк...»	138
265.	«Это речка или ров?...»	138
266.	«Мой завет тебе один...»	138
267.	«Над горой уже темно...»	138
268.	«Я сюда не звал тебя...»	139
269.	«Нужно тропки примечать...»	139
270.	«Снег идет, гора белеет...»	139
271.	«Я в бреду — ни плоть, ни дух...»	139
272.	«Кто забрался в огород...»	139
273.	«Луч блеснет — исчезнет тьма...»	140
274.	«Разорется горлопан...»	140
275.	«Суть от вздора отличай...»	140
276.	«У ашыга путь широкий...»	140
277.	«Возвратятся с гор стада...»	140

Любовь, Встречи — разлуки

278.	«Чернота очей твоих...»	141
279.	«Приходи глядеть со мной...»	141
280.	«Тот, кто хлеб растил, поймет...»	141
281.	«На округу с гор взгляни...»	141
282.	«Сквозь скалу струя прошла...»	141
283.	«Я ушел, остался сад...»	142
284.	«Как познать любовь сполна?...»	142
285.	«В отдаленье, в том краю...»	142
286.	«Обходил гнездовья птичьи...»	142

287.	«Мне б к окну, — темно в углу...»	142
288.	«Караван собрался к югу...»	143
289.	«Между гор проход увидел...»	143
290.	«Спят поля — расцвел миндаль...»	143
291.	«Мне внушил мой шейх: влюбись...»	143
292.	«Здесь таиться скучно мне...»	143
293.	«Отсырел мой бедный кров...»	144
294.	«Как тюльпан, что всех милей...»	144
295.	«Небо в тучках голубых...»	144
296.	«Парус в море остается...»	144
297.	«Как ни труден путь большой...»	144
298.	«Вот туман седой пришел...»	145
299.	«Стать звездой бы в вышине...»	145
300.	«До горы река дошла...»	145
301.	«В листьях сплошь река уныла...»	145
302.	«Нет у лани языка...»	145
303.	«Чтобы вдосталь угоститься...»	146
304.	«Та мужчине всех нужней...»	146
305.	«Трудно лесом лес назвать...»	146
306.	«Где тот край, что повидал...»	146
307.	«От тебя как в дреме я...»	146
308.	«В сердце, как в свой дом войди...»	147
309.	«После непроглядных дней...»	147
310.	«Трону струны — тар рокочет...»	147
311.	«Дай, садовник, глянуть в сад...»	147
312.	«Ты — царица этих мест...»	147
313.	«Мчится речка, голоса...»	148
314.	«Чтобы плети не помять...»	148
315.	«Из серебряных камней...»	148
316.	«Между скал-громзд пройду...»	148
317.	«Горной мглюю стать бы мне...»	148
318.	«Черви дереву вредят...»	149
319.	«Как поднимется волна...»	149
320.	«Рвать бы розы по весне...»	149
321.	«Перейдет туман гряды...»	149
322.	«На руке — багровый шов...»	149
323.	«Сколько здесь, в нагорье, их...»	150
324.	«Мой светильник, ты огня...»	150
325.	«Я гуляю по садам...»	150
326.	«Позови — джейран придет...»	150
327.	«Я люблюсь красотой...»	150
328.	«Саз настрой, струну поправь...»	151
329.	«Выходи смелей, пройдишь...»	151
330.	«Хоть придет потоп второй...»	151
331.	«Влево глянь и вправо ты...»	151
332.	«Мне б дымком вершинным стать...»	151
333.	«На восходе выйди в путь...»	152
334.	«Ты очами не играй...»	152
335.	«Есть гора — пустыней нет...»	152
336.	«Ни цветов на ивах нет...»	152
337.	«Если б милая чуть-чуть...»	152
338.	«Тропы горные узки...»	153

339.	«У тебя хорош наряд...»	153
340.	«Я к ручьям пойду дружить...»	153
341.	«Меж цветов просвета нет...»	153
342.	«Ты затмила все цветы...»	153
343.	«Мне бы милую мою...»	154
344.	«Как невестою — жене...»	154
345.	«Серый нес конек меня...»	154
346.	«Пробудись, в саду проспят...»	154
347.	«Солнце встало вдалеке...»	154
348.	«На Ширване есть цветы...»	155
349.	«Сад цветет, весна пришла...»	155
350.	«Я одна, здесь дико мне...»	155
351.	«Мне, бедняге, не до сна...»	155
352.	«На тебя все дни гляжу...»	155
353.	«Дорогой, не рви цветы...»	156
354.	«Челка смелая на лбу...»	156
355.	«Поспешి издалека...»	156
356.	«Пустоцветы выполи...»	156
357.	«Провинюсь — суди меня...»	156
358.	«Я — зерно, а ты — гранат...»	157
359.	«Платье шьешь и споришь ты...»	157
360.	«Горы, скаты, да хребты...»	157
361.	«Муке этой нет конца...»	157
362.	«Что поможет, не пойму...»	157
363.	«Я как роза средь ветвей...»	158
364.	«Я живой, живой пока...»	158
365.	«Средь цветов нашла родню...»	158
366.	«Лань проходит в вышине...»	158
367.	«В тюбетейке вышитой...»	158
368.	«У меня была броня...»	159
369.	«Я — бедняк, родник не мой...»	159
370.	«Взор султанши, взор хмельной...»	159
371.	«Меж двумя дворами путь...»	159
372.	«Глянь сперва, чей сад щедрей...»	159
373.	«Черных недругов клянуп...»	160
374.	«Облегчи мне грудь еще...»	160
375.	«Дорогой, пьянею я...»	160
376.	«Жду, мой суженый, приди...»	160
377.	«Много разного питья...»	160
378.	«Я погоду узнаю...»	161
379.	«Руки в хне, смеешься ты...»	161
380.	«До чего любовь сильна!...»	161
381.	«День разлуки — Страшный суд...»	161
382.	«Солнце сядет, погоди...»	161
383.	«Для меня на вкус и цвет...»	162
384.	«Я поссорилась с тобой...»	162
385.	«От тебя я как чумной...»	162
386.	«Сколько можно звать тебя?...»	162
387.	«Караван собрался вдаль...»	162
388.	«Ливень хлещет по горам...»	163
389.	«Мне бы черный виноград...»	163
390.	«По округе день-деньской...»	163

391.	«На груди родной тепло...»	163
392.	«Я не стану рвать цветы...»	163
393.	«Не собью с цветов росу...»	164
394.	«Будто б омертвела...»	164
395.	«По Куре баркас пришел...»	164
396.	«Снегопад замел в ночи...»	164
397.	«Видел — милую вѣдут...»	164
398.	«Ты в седле — не понимаю...»	165
399.	«Пусть садовник ждет от сада...»	165
400.	«Счастлив ты всегда иль нет?...»	165
401.	«Эту снасть чинить не надо...»	165
402.	«Погляди — цветут луга...»	165
403.	«Блещет брошка, нам она...»	166
404.	«Дует ветер верховой...»	166
405.	«Если встретить смертный час...»	166
406.	«Я о том прошу судьбу...»	166
407.	«Мне стезя одна — в Измир...»	166
408.	«Слева роза, справа роза...»	167
409.	«Ты была надеждой мнѣ...»	167
410.	«Глянь-ка ввысь — ни облачка...»	167
411.	«Солнце спорило с луной...»	167
412.	«Всей семьей пичужки ходят...»	167
413.	«Рдеют розы во дворе...»	168
414.	«Где силок, а где кусты...»	168
415.	«Мне не спится — как начать?...»	168
416.	«Рядом с вашим садик мой...»	168
417.	«С дальних горок я сошел...»	168
418.	«О тебе одной пою...»	169
419.	«Мной, родная, не играй...»	169
420.	«Птицы в вышине уже...»	169
421.	«На горах — весенний цвет...»	169
422.	«Высока у вас ограда...»	169
423.	«Я красавицу люблю...»	170
424.	«Милый ходит по горам...»	170
425.	«Тонкой бровью не играй...»	170
426.	«Нарядилась ты, подруга...»	170
427.	«Усомнился — ты ль одна...»	170
428.	«Шел к любимой день за днем...»	171
429.	«Льется речка с дальних гор...»	171
430.	«К роднику ручей приник...»	171
431.	«Разразилась ливнем высь...»	171
432.	«Соль равнины различить...»	171
433.	«Во дворе растет фисташка...»	172
434.	«Я веду с недавних пор...»	172
435.	«Мы в одном огне горим...»	172
436.	«Верх горы в тумане сплошь...»	172
437.	«Милый вспомнил обо мне...»	172
438.	«Жди, когда исправится...»	173
439.	«Причешься — не наглажусь...»	173
440.	«Я пути боюсь морского...»	173
441.	«Вся гора в цветах опять...»	173
442.	«Ты красивая сама...»	173

443.	«И у нас бутылъ одна...»	174
444.	«У меня, у сироты...»	174
445.	«Драгоценный мой глазаст...»	174
446.	«Гром гремел, и дождик лил...»	174
447.	«Ходит милая моя...»	174
448.	«Я в саду цветы лелею...»	175
449.	«Ты на сетку погляди...»	175
450.	«Прокатить по льду тебя...»	175
451.	«Что у птицы на груди...»	175
452.	«На Кяпаз в упор взгляни...»	175
453.	«Полюбить да отступить...»	176
454.	«Слух через хребты пришел...»	176
455.	«Сон уносит вдаль тебя...»	176
456.	«Мрак ушел, осталась мгла...»	176
457.	«Как зиме весной не стать...»	176
458.	«Молвил слово невлопад...»	177
459.	«Морем яростным взреву...»	177
460.	«Мой последний час пробьет...»	177
461.	«Хороши в саду цветы...»	177
462.	«Тюбегейку берегу...»	177
463.	«Ты еще не расшвела...»	178
464.	«У меня вся грудь в крови...»	178
465.	«В дом дорога через сад...»	178
466.	«Если жизнь — всего пять дней...»	178
467.	«Если вновь не выйдешь ты...»	178
468.	«Ты, горянка, не смугла...»	179
469.	«Стал совсем отпетым я...»	179
470.	«Дорогой цветок подрос...»	179
471.	«Я — ашыг, попал в беду...»	179
472.	«Я — на солнце, ты — в тени...»	179
473.	«Ты поскачешь на коне...»	180
474.	«Под чадрой лицо — взгляну...»	180
475.	«Отмываю сажу я...»	180
476.	«Преграждает путь утес...»	180
477.	«Рот раскроешь — глянуть любо...»	180
478.	«Я готов болеть сильней...»	181
479.	«У меня не две души...»	181
480.	«Нет певца, чтоб спел под саз...»	181
481.	«На закат уходит день...»	181
482.	«Я в груди берег любовь...»	181
483.	«Не забудешь томных век...»	182
484.	«Стала крепость мне видней...»	182
485.	«Солнце встанет — снег в тени...»	182
486.	«Жизнь хотя и тяжела...»	182
487.	«Хлеб мой черен, соли нет...»	182
488.	«Помогаешь слабо ты...»	183
489.	«Ручеек течет к реке...»	183
490.	«Чужедальние края...»	183
491.	«Я люблю — гляди сама...»	183
492.	«Я родной покинул стан...»	183
493.	«Я с дороги не сойду...»	184
494.	«Кто тревожил там листву...»	184

495.	«Жду кинжал давно, пришли...»	184
496.	«Свет растаял, мрак пришел...»	184
497.	«Крыши рядышком у нас...»	184
498.	«Грусть мою развеи, судьба...»	185
499.	«Финик — не улада мне...»	185
500.	«Я — ашыг, я — книгочей...»	185
501.	«Милый мой, темно в ночи...»	185
502.	«Сад расцвел, и дом готов...»	185
503.	«Сколько улочек глухих...»	186
504.	«Брови — черные кусты...»	186
505.	«Схож с луною облик твой...»	186
506.	«Поспевает виноград...»	186
507.	«Долго ль кровью изойти...»	186
508.	«Я — ашыг, в огне стою...»	187
509.	«Подрубили пшат весной...»	187
510.	«Ты сплела из кос венец...»	187
511.	«Я с тропы упасть хочу...»	187
512.	«В сад зашел нарвать букет...»	187
513.	«Рос цветок, на воле рос...»	188
514.	«Что за яблоко — огонь...»	188
515.	«Хватит, речка, не гуди...»	188
516.	«До чужих мне дела нет...»	188
517.	«Куропатки гнезда вьют...»	188
518.	«Птица ранена судьбой...»	189
519.	«Милый мой, не мельтеши...»	189
520.	«Золотым кольцом блеснуть...»	189
521.	«Сколько снегу ветер сгреб...»	189
522.	«Долго целился и вновь...»	189
523.	«Поднимает ветер вой...»	190
524.	«Парень тропку проторял...»	190
525.	«Я гадаю: где кусты...»	190
526.	«Тарантас в пыли пройдет...»	190
527.	«Вешний вечер, поздний час...»	190
528.	«Я влюбилась, ой, гора...»	191
529.	«Розы алые горят...»	191
530.	«Словом в песне стать хочу...»	191
531.	«Разгребать ты жар устал...»	191
532.	«Я поспать в тени хочу...»	191
533.	«Черный шелк для шали плох...»	192
534.	«Дай воды мне, Арпачай...»	192
535.	«Ты ко мне приди, прильни...»	192
536.	«В сад одна тропа ведет...»	192
537.	«У забора я стою...»	192
538.	«Я в огне, не знаешь ты...»	193
539.	«Значит, ты судьбе нужна...»	193
540.	«Над горами мгла и мрак...»	193
541.	«Как печально одному...»	193
542.	«Мимо сада враг прошел...»	193
543.	«Нет со мной опять тебя...»	194
544.	«Дни и ночи напролет...»	194
545.	«Папиросу закурю...»	194
546.	«Тюбетейку постирай...»	194

547.	«Истерзало горе грудь...»	194
548.	«Путь прямой — не искриви...»	195
549.	«Что молчишь? — Скажи словцо...»	195
550.	«Стая рвется, как стрела...»	195
551.	«Город в поздний час утих...»	195
552.	«Так ли, этак — нет вражды...»	195
553.	«На Ширване виноград...»	196
554.	«Ты в какой ни выйдешь путь...»	196
555.	«Путь немилый, я терплю...»	196
556.	«Кто-то плачет у ручья...»	196
557.	«Наточи кинжал острее...»	196
558.	«На деревьях хилый цвет...»	197
559.	«Огоньком я стать хочу...»	197
560.	«Стать бы коркой ледяной...»	197
561.	«Ты сказал: „Храни секрет“...»	197
562.	«Вышел к звездам смелый месяц...»	197
563.	«Жить не стану без тебя...»	198
564.	«Одинокий мак стоит...»	198
565.	«Светит месяц кое-как...»	198
566.	«Улетели журавли...»	198
567.	«Не летите, облака...»	198
568.	«Я прощусь и в путь пущусь...»	199
569.	«Приударил дождь сильней...»	199
570.	«По горам хотим пройти...»	199
571.	«Нет вестей — кого винить?..»	199
572.	«Я в неволе, я в огне...»	199
573.	«Бил охотник поугру...»	200
574.	«Бьет озноб ночной меня...»	200
575.	«Отступает тень моя...»	200
576.	«Бей с размаху — не держу...»	200
577.	«Тронусь в путь, изгнанник, я...»	200
578.	«Дождь пошел, весна пришла...»	201
579.	«На окне — железный прут...»	201
580.	«Я сгорел, золою стал...»	201
581.	«Сделай птицею меня...»	201
582.	«Шум и смех у родника...»	201
583.	«Лань — бедняжка; пожалей...»	202
584.	«Над горами тучи, мгла...»	202
585.	«Ветерок веселый, вей...»	202
586.	«Не забуду кос твоих...»	202
587.	«Я тебе принес тюльпан...»	202
588.	«Жесткий локон, не ужаль...»	203
589.	«Что ты медлишь у дверей...»	203
590.	«В Карабахе поле есть...»	203
591.	«Год прошел, и сад весной...»	203
592.	«Вышел на равнину я...»	203
593.	«Ты не стала мне родной...»	204
594.	«Не было косы черней...»	204
595.	«Причесать бы мне тебя...»	204
596.	«Туча давит, как свинец...»	204
597.	«Всё метели до утра...»	204
598.	«Держит птица ночью путь...»	205

599.	«Гость прощаться не хотел...»	205
600.	«Майский мед, целебный мед...»	205
601.	«Отложила мой букет...»	205
602.	«Не хочу топтать траву...»	205
603.	«Думал, соколом взлечу...»	206
604.	«Месяц, лучше посвети...»	206
605.	«Скрылся в роще соловей...»	206
606.	«Бирюза в кольце блестит...»	206
607.	«Глянь в окно, тебя люблю...»	206
608.	«Парень строен и высок...»	207
609.	«Я на яблоко смотрю...»	207
610.	«Парень мой голубоглаз...»	207
611.	«Я — звезда, а не луна...»	207
612.	«Погляди на мой наряд...»	207
613.	«Я — ночным цветам родня...»	208
614.	«Звонкая подкова я...»	208
615.	«Я расту у родника...»	208
616.	«Ни во сне, ни наяву...»	208
617.	«Не Аракс я, нужды нет...»	208
618.	«Ветер, ветер, тише дуй...»	209
619.	«Спелых яблок не возьму...»	209
620.	«Обнимались мало мы...»	209
621.	«И папаха в самый раз...»	209
622.	«Я нарцисс в саду сорву...»	209
623.	«Смех и слезы — мне одной...»	210
624.	«Если скажут: „Под горой...“»	210
625.	«С неба снег густой идет...»	210
626.	«Есть ли солнце, есть ли тень?...»	210

Семья. Быт

627.	«Суженому — к суженой...»	210
628.	«Нам красавица нужна...»	211
629.	«Из порядочной семьи...»	211
630.	«Загляни поглубже в грудь...»	211
631.	«Роза нравится — сорвут...»	211
632.	«На горах коснется льда...»	211
633.	«Мне б утешиться, да просто ль?...»	212
634.	«Саз возьми, ашыг, с собой...»	212
635.	«Кину камень в петушка...»	212
636.	«Было грусти мало мне...»	212
637.	«Подождешь — венок совью...»	212
638.	«Что с колечком — посмотри...»	213
639.	«Возле речки на ветру...»	213
640.	«Неужели от творца...»	213
641.	«Мой кудрявый, будь смелей...»	213
642.	«Гибну я в твоём огне...»	213
643.	«Милый, не женись на мне...»	214
644.	«Речка льется напрямик...»	214
645.	«Погляди, судьба, сама...»	214
646.	«Не лиял в воде кисет...»	214

647.	«Видишь, день идет к концу...»	214
648.	«В стенку я воткну иглу...»	215
649.	«Милый мой, ты к нам идешь...»	215
650.	«Льетса дождик — солнца нет...»	215
651.	«Одинок я, одинок...»	215
652.	«У меня кольцо одно...»	215
653.	«Я бы сватался давно...»	216
654.	«Шел бы ты гулять, дружок...»	216
655.	«Навевает ветер грусть...»	216
656.	«Вечер долог, мерь — не мерь...»	216
657.	«Над ущельем я стою...»	216
658.	«Срежешь розу — не сомни...»	217
659.	«Я держусь едва-едва...»	217
660.	«Пот с лица смахни теперь...»	217
661.	«Больно я платок люблю...»	217
662.	«На озерах тает лед...»	217
663.	«Шлет стрелу одну, и две...»	218
664.	«Плов помешивай, свековь...»	218
665.	«Утром курицу украл...»	218
666.	«Разве стоил сн любви?...»	218
667.	«Переждать бы надо ночь...»	218
668.	«На горе блестит снежок...»	219
669.	«От нагорного огня...»	219
670.	«Ох, невестка варит плов...»	219
671.	«Врет бездельница — молчим...»	219
672.	«Жир заляпает парчу...»	219
673.	«Я валюсь от ветерка...»	220
674.	«Пропадала, улетая...»	220
675.	«Пригодилось решето...»	220
676.	«По ложбинке я бреду...»	220
677.	«У игида бодрый вид...»	220
678.	«Мне сердечко вынули...»	221
679.	«Нити тонкие сучу...»	221
680.	«Наряжайся, не старей...»	221
681.	«Снега белая стена...»	221
682.	«За ограду я шагну...»	221
683.	«Глянь на брата моего!...»	222
684.	«Весть летит из дальних мест...»	222
685.	«Сколько нас, твоей родни...»	222
686.	«Огород не городи...»	222
687.	«Посмеялись надо мной...»	222
688.	«Пить хочу — пои меня...»	223
689.	«На ограду я взгляну...»	223
690.	«Шаль с кистями мне под стать...»	223
691.	«Нет воды — умрет трава...»	223
692.	«Пусть добра со всеми дочь...»	223
693.	«Снег начнут метели стлать...»	224
694.	«Станет месяцем звезда...»	224
695.	«Хороша в горах весна...»	224
696.	«Эй, девчонка, чья ты дочь?...»	224
697.	«Видишь — добрый жеребец...»	224
698.	«Гнутся рослые кусты...»	225

699.	«Угля много жжет жаровня...»	225
700.	«На поляне мака нет...»	225
701.	«Чтоб отраду понимать...»	225
702.	«Горка яблок золотых...»	225
703.	«Червяку на просе тлеть...»	226

Трудолюбие — лень

704.	«Поживет школяр простой...»	226
705.	«Ты учись, ученье — свет...»	226
706.	«Я учусь, азы бубня...»	226
707.	«Сколько пятниц, сколько сред...»	226
708.	«Розы станут медоветь...»	227
709.	«Пробуй снасти все подряд...»	227
710.	«На охоте не робей...»	227
711.	«Рано мы встаем, чуть свет...»	227
712.	«Сад посадишь — зацветет...»	227
713.	«Не кричи, не подбегай...»	228
714.	«Улетают облака...»	228
715.	«Не найти следов в горах...»	228

Бедность — богатство

716.	«Я скатился кувырком...»	228
717.	«Времена, ах времена!...»	228
718.	«Дождик, дождик, не части...»	229
719.	«Ливни хлещут по горам...»	229
720.	«Труден горный путь крутой...»	229
721.	«Горы стонут, как сердца...»	229
722.	«Горше горя на веку...»	229
723.	«Привечали бедняка...»	230
724.	«Не посмотрят — перейдут...»	230
725.	«Мрачен день, и ночь черна...»	230
726.	«Я — ашыг, пойми, бедняка...»	230
727.	«Не пришел ашыг назад...»	230
728.	«Розы в садике цветут...»	231
729.	«Ты шагнешь — брести не даст...»	231
730.	«Не дошел бы до суда...»	231
731.	«С горных пастбищ вести нет...»	231
732.	«Человека по уму...»	231
733.	«„Что там?“ — „Видишь сам — туман“...»	232
734.	«До чего Ширван богат...»	232
735.	«Есть у щедрого еда...»	232
736.	«Ешь свое — и впрок пойдет...»	232
737.	«Горный снег не любит тьму...»	232
738.	«Если б зависть и вражда...»	233
739.	«Как зарядит дождь с крупой...»	233
740.	«Ты в забавах, ты — ага...»	233
741.	«Солнце — словно золотой...»	233

742. «Дам тебе совет простой...»	233
743. «Хоть гора и высока...»	234
744. «Глянь, какая синева...»	234

Религия — духовенство

745. «Издает молла-пузан...»	234
746. «Вот ашыг помолвки ждет...»	234
747. «Ткани много? Два верхка...»	234
748. «Вертелов-то белых нет...»	235

Обиды и жалобы

749. «Глянет солнце с высоты...»	235
750. «Соловей страдал от роз...»	235
751. «Не меняют годы рек...»	235
752. «С мглой туман густой уходят...»	235
753. «День за днем, за годом год...»	236
754. «День иной длиною в год...»	236
755. «Есть замазка, погляди...»	236
756. «Дымка тихой мглой течет...»	236
757. «Кто ни глянет на поток...»	236
758. «Кто по кромке льда пройдет?...»	237
759. «Есть лужайка, есть вода...»	237
760. «Мой Кыпаз, седой Кыпаз...»	237
761. «Всюду в мире черный цвет...»	237
762. «Ты куда влечешь, судьба...»	237
763. «Грудь чернее казана...»	238
764. «Нет ни ночи мне, ни дня...»	238
765. «Горы белые стоят...»	238
766. «По какой такой вине...»	238
767. «Глеют зори, посмотри...»	238
768. «Утка вынырнет со дна...»	239
769. «Путь-дорогу умят...»	239
770. «Это море глубже всех...»	239
771. «Всё на свете разглядят...»	239
772. «Я ни в чьей родне — никто...»	239
773. «Как я море переплыл...»	240
774. «Эхо горное звончей...»	240
775. «Рыл арык глубокий я...»	240
776. «Ничего, хорош арык...»	240
777. «Этот холм по праву мой...»	240
778. «День за днем проходит год...»	241
779. «Речка буйствует в селе...»	241
780. «Кто меня спасет — гляди...»	241
781. «Я лишился челнока...»	241
782. «Привела к воде беда...»	241
783. «На корню гниет овес...»	242
784. «Долетел огонь сюда...»	242
785. «От печали я зачах...»	242

786.	«Пряником туда бегу...»	242
787.	«Я не плачу, грусть таю...»	242
788.	«Голова моя в снегу...»	243
789.	«Горьких много ягод есть...»	243
790.	«Снес разлив в недобрый час...»	243
791.	«Пыль столбом — стене конец...»	243
792.	«Месяц льют дожди подряд...»	243
793.	«В крепком я сидел челце...»	244
794.	«По горам стрелок идет...»	244
795.	«Рис не сваришь без воды...»	244
796.	«В сердце горе ни к чему...»	244
797.	«Как песок на темном дне...»	244
798.	«Я зеленый сад полью...»	245
799.	«Потерпел я больше всех...»	245
800.	«Я обман понять не мог...»	245
801.	«Только оступился я...»	245
802.	«В сердце коршуны впились...»	245
803.	«Дни удач и неудач...»	246
804.	«Речка взбухнет, почудит...»	246
805.	«Спотыкаюсь что ни шаг...»	246
806.	«Караванам нелегко...»	246
807.	«Как пойдет метель мести...»	246
808.	«Журавля и цапли нет...»	247
809.	«За высокою стеной...»	247
810.	«Как джейран, спасался я...»	247
811.	«Волк поднимет кутерьму...»	247
812.	«Не увидишь со скалы...»	247
813.	«Крыльев нет, и нет пути...»	248
814.	«Мы хмельной ручей найдем...»	248
815.	«Не могу понять никак...»	248
816.	«Были тропы хороши б...»	248
817.	«Выйдет путь из темноты...»	248
818.	«У скитальца сто скорбей...»	249
819.	«Уцеледа бы душа...»	249
820.	«Роза плачет в тишине...»	249
821.	«У садовника цветы...»	249
822.	«Горе горькое пришло...»	249
823.	«Я сгорю — что делать мне?..»	250
824.	«Наша речка впереди...»	250
825.	«Не лечи и не кричи...»	250
826.	«Приглядись — скорей найдешь...»	250
827.	«Кто-то свищет здесь, в саду...»	250
828.	«Дни весенние прошли...»	251
829.	«Сад огромен, даже треть...»	251
830.	«Огонек среди огней...»	251
831.	«Чем копейке старой стать...»	251
832.	«Небо шлет несчастья мне...»	251
833.	«Боли я не выдержал...»	252
834.	«В Эрзурум я не попал...»	252
835.	«Я — ашыг, рыдает саз...»	252
836.	«Крыльев на просторе нет...»	252
837.	«Бравый мешковатым стал...»	252

838.	«Через эти буграки...»	253
839.	«В поле ветер, в поле грусть...»	253
840.	«Я судьбу свою искал...»	253
841.	«Ни заряду, ни кремня...»	253
842.	«В час, когда уходит день...»	253
843.	«Лань скрывается во мгле...»	254
844.	«Камень есть на косогоре...»	254
845.	«Есть жестокие стрелки...»	254
846.	«Станный сон приснился мне...»	254
847.	«Продающий жеребца...»	254
848.	«Из тоски одежду шей...»	255
849.	«Как я гибну, жизнь коря...»	255
850.	«Белый лист черня, пиши...»	255
851.	«Неродной ко мне придет...»	255
852.	«Молодой у нас ашыг...»	255
853.	«От глупца не жди добра...»	256
854.	«Я теперь в такой беде...»	256
855.	«Я бреду, я пить хочу...»	256
856.	«Садовода не гневи...»	256
857.	«Горе, ты — гора моя...»	256
858.	«Я — ашыг, я петь не рад...»	257
859.	«Есть деревья без цветов...»	257
860.	«Не растает след тоски...»	257
861.	«Людам радость, мне тоска...»	257
862.	«Мне хибара без двора...»	257
863.	«Горы в траур облачу...»	258
864.	«Сад выносит дождь и град...»	258
865.	«Из-за веток посмотри...»	258
866.	«Ни зимой, ни весной...»	258
867.	«Разноцветнее ковра...»	258
868.	«Злой пришелец умирал...»	259
869.	«Я домой — не прекословь...»	259
870.	«Ты поди лицо умой...»	259
871.	«Мрак сплошной в родном краю...»	259
872.	«Стрел шершавых не сочту...»	259
873.	«Шелкопряду листья дать...»	260
874.	«Виноградная лоза...»	260
875.	«Поднимаю ропот я...»	260
876.	«Повстречаю сатану...»	260
877.	«Где отрава, где вода...»	260
878.	«Я — один, мой путь далек...»	261
879.	«Сколько грудь перенесла...»	261
880.	«Подошла пора тоски...»	261
881.	«Ночь морозна, ночь долга...»	261
882.	«Мне грозит ущелье тьмой...»	261
883.	«Горный край издалека...»	262
884.	«За волной волна идет...»	262
885.	«Я — пастух, я — бородач...»	262
886.	«Снег белеет в вышине...»	262
887.	«Ждал, чтоб тучи разошлись...»	262
888.	«Старых ран не береди...»	263
889.	«Горцы в горы шли с утра...»	263

890.	«Я — садовник, сад в слезах...»	263
891.	«Облетают лепестки...»	263
892.	«Под ногами — горный снег...»	263
893.	«Ты тайком, как мысль, прошла...»	264
894.	«Боли я не утаю...»	264
895.	«На врага нашло чуму...»	264
896.	«Ты живешь в стране чужой...»	264
897.	«Я умру в чужой глуши...»	264
898.	«Снег в горах опять пойдет...»	265
899.	«Кто вопил во тьме ночной...»	265
900.	«Нет обиднее судьбы...»	265
901.	«Как без молний грома нет...»	265
902.	«Мне покою не дают...»	265
903.	«Проклинает раб судьбу...»	266
904.	«Пел ашыг сегодня нам...»	266
905.	«Я — тюльпан, на взгорье рос...»	266
906.	«Всё вокруг белым-бело...»	266
907.	«Если птица взаперти...»	266
908.	«Плач бедняцкий — горький плач...»	267
909.	«Славен горный край седой...»	267
910.	«Врач посмотрит и уйдет...»	267
911.	«Я цветами не богат...»	267
912.	«Хлещет черная струя...»	267
913.	«Здесь зима — у нас весна...»	268
914.	«Что резвеют ветерки...»	268
915.	«Месяц гнется, будто лук...»	268
916.	«Можно ль розе век продлить...»	268
917.	«Стар ашыг, а всё ж поет...»	268
918.	«Листья на деревьях есть...»	269
919.	«Брат уехал на коне...»	269
920.	«Просит друг забыть печаль...»	269
921.	«Червь грызет, трещит доска...»	269
922.	«Бейся, птица, не слабей...»	269
923.	«Кто-то сглазил днем меня...»	270
924.	«Есть кладбища больше сел...»	270
925.	«Ты сгубил, как всех, меня...»	270
926.	«Властный мир, неправый мир...»	270
927.	«Я — ашыг, забыл я страх...»	270
928.	«Рассудил неверно век...»	271
929.	«Ветер любит озорство...»	271
930.	«Гордо ты, гора, держись...»	271

Ленин. Советский народ. Свободный труд

931.	«Ленин славу заслужил...»	271
932.	«Наша партия идет...»	271
933.	«Ополчился весь народ...»	272
934.	«Нам в краю родном светло...»	272
935.	«Здесь, в горах, как птица я...»	272
936.	«Как светла моя земля!...»	272

937. «У ашыга взгляд такой...»	272
938. «Осень плодородной будет...»	273
939. «И отраднo у воды...»	273

ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ ЗАГАДКИ

940—1012. Пословицы и поговорки. <i>Переводы В. Кафарова</i>	274
1013—1020. Загадки. <i>Переводы В. Кафарова</i>	283

II ДАСТАНЫ

1021—1022. Кёроглу. <i>Перевод Ю. Гранина (проза), И. Оратозского и А. Плавника (стихи)</i>	
1. Журавлиное перо	287
2. Похищение Гырата Хамзой	310
1023. Асли и Керем. <i>Перевод М. Векилова (проза) и Д. Виноградова (стихи)</i>	351
1024. Ашыг Гариб. <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	397
1025—1030. Песни из дастана «Гачаг Наби». <i>Переводы Т. Стрешневой</i>	
1. Гачаг Наби	407
2. Удалец	408
3. Отомстил губернатору	409
4. Попробуй схвати меня	409
5. День испытаний	410
6. Песня Хаджар	410
Примечания	411
Словарь	423

